

ЛАНАРК

**ЖИЗНЬ
В ЧЕТЫРЕХ
КНИГАХ**

Самый выдающийся
дебютный
роман
за долгие
годы,
своего рода
шотландская
версия
джойсовского
«Улисса».

EVENING TIMES

18+

АЛАСДЕР ГРЕЙ

Большой роман

Аласдер Грей

Ланарк. Жизнь в четырех книгах

«Азбука-Аттикус»

1967, 1981

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Грей А.

Ланарк. Жизнь в четырех книгах / А. Грей — «Азбука-Аттикус»,
1967, 1981 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-21234-3

«Ланарк» – это одна из главных британских книг XX века, дебютный роман, писавшийся больше 30 лет и явивший миру нового мастера первой величины. «Ланарк» – это одновременно роман воспитания и авантюрная хроника, мистическая фантасмагория и книга о первой любви; нечто подобное могло бы получиться у Джойса, Кафки и Эдгара По, если бы они сели втроем писать для Уолта Диснея сценарий «Пиноккио» – в Глазго, вооружившись ящиком шотландского виски. Здесь недоучка-студент получает заказ на роспись собора, люди в загробном мире покрываются крокодильей кожей, а правительственные чиновники сдают экзамен на медленное убийство надежды. «„Ланарк“ поразил меня до самых печенок. На мой взгляд, это лучший шотландский роман XX века» (Иэн Бэнкс).

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21234-3

© Грей А., 1967, 1981
© Азбука-Аттикус, 1967, 1981

Содержание

Книга третья	7
Глава 1. «Элита»	8
Глава 2. Рассвет и квартира	14
Глава 3. Манускрипт	18
Глава 4. Вечеринка	24
Глава 5. Рима	31
Глава 6. Рты	36
Глава 7. Институт	43
Глава 8. Доктора	50
Глава 9. Дракон	59
Глава 10. Взрывы	68
Глава 11. Пицца и оракул	78
Пролог, где повествуется о том, как финансовый гений, перед которым раскрывается начальный, не чуждый чувственного восприятия, период его жизни, производит на свет ничто и делает его оракулом	85
Книга первая	92
Глава 12. Война начинается	93
Глава 13. Хостел	100
Глава 14. Бен-Руа	105
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Аласдер Грей

Ланарк. Жизнь в четырех книгах

Alasdair Gray

LANARK: A LIFE IN FOUR BOOKS

Copyright © Alasdair Gray, 1967, 1981 / The Estate of Alasdair Gray Published by arrangement with Canongate Books Ltd, 14 High Street, Edinburgh EH1 1TE and The Van Lear Agency LLC

All rights reserved

© Л. Ю. Брилова, С. Л. Сухарев (наследники), перевод, 2009

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

Давно пора было Шотландии родить умопомрачительный роман, плоть от плоти современности. И вот он перед вами.

Энтони Бёрджесс

«Ланарк» поразил меня до самых печенок. На мой взгляд, это лучший шотландский роман XX века.

Иэн Бэнкс

Невероятно изобретательный роман, притягивающий на многое.

Малькольм Брэдбери

Воплощение «Ланарка» по грандиозности не уступает его замыслу: нечасто встречается роман, всецело коренящийся в обстановке одного отдельно взятого города и вместе с тем предельно доступный восприятию людей, живущих где угодно.

Уильям Бойд

Когда рассвет наступает и уходит в смятении, мы оказываемся во власти неотразимого сюрреалистического воображения. Это некая сага о городе, зыбком, как часы Сальвадора Дали.

Брайан Олдисс

«Ланарк» – удивительный плод любви и безудержного воображения, неиссякаемый источник богатств.

Times Literary Supplement

Эта книга изменила весь литературный пейзаж, что поразительно само по себе. «Ланарком» не может пренебречь никто из тех, кто причастен к нашей культуре или питает к ней интерес.

Scotsman

Замысловатая криптокальвинистская «Божественная комедия», которая должна найти самую широкую аудиторию.

New York Times Book Review

Мастерское воссоздание жизни подростка, его ранних дружеских связей и первой любви, пробуждения художнического таланта и гибели надежд на фоне изощренных общественных предрассудков, которые приходится усваивать по мере взросления...

New York Review of Books

Самый выдающийся дебютный роман за долгие годы, своего рода шотландская версия джойсовского «Улисса».

Evening Times

На земле явятся существа, вечно друг с другом противоборствующие, что будет сопровождаться бесчисленными потерями и жертвами со всех сторон. Злобе их не будет предела; мощными руками они повергнут наземь обширные леса земли; насытившись пищей, они начнут насыщать свои желания, сея вокруг смерть и ужас, лишая все живое отдыха и крова; в безмерной гордыне они устремятся к небесам, но не в меру тяжёлые члены не дадут им воспарить. На земле, под землей и в водах не останется ничего целого и нетронутого, не перемещенного из одного края в другой. Утроба их послужит передвижной гробницей тем, кого они убьют.

Отчего не развернешь ты, земля, свои бездонные провалы, отчего не поглотить этих безжалостных, жутких чудовищ, дабы не оскверняли они взора небес?

Из записных книжек Леонардо да Винчи

Владимир. Предположим, мы раскаялись.

Эстрагон. В чем?

Владимир. Ну... (Задумался.) Давай не будем вдаваться в подробности.

Из пьесы Беккета «В ожидании Годо»

Книга третья

Глава 1. «Элита»

Ход в кафе «Элита» вел через лестницу из фойе кинотеатра. Одолев две ее трети, посетители попадали на площадку, где находилась дверь в сам кинотеатр, но клиенты «Элиты» следовали дальше, туда, где их ждала обширная, неопрятная на вид комната, заставленная стульями и низенькими кофейными столиками. Комната казалась грязной не потому, что там было не убрано, а из-за освещения. Пол был застелен малиновым ковром, обивка мебели была алой, завитки лепного узора на потолке – розовыми, но в свете тускло-зеленых бра все эти цвета превращались в оттенки коричневого, а лица посетителей делались серыми, как у мертвецов. Вход был расположен в углу, напротив находилась стойка из хрома и пластика, позади нее, за сверкающими ручками кофейного автомата, улыбался лысый толстяк. Одетый в черные брюки и белую рубашку с черным галстуком-бабочкой, он казался немым или необычно молчаливым. Он не произносил ни слова; посетители обращались к нему только за чашкой кофе или сигаретами, а в промежутках он сохранял такую неподвижность, что можно было подумать, будто стойка является его продолжением, вроде кольца при Сатурне. Дверца у бара вела на узенький балкон над входом кинотеатра. Там едва хватало места для трех столиков с металлической столешницей и опорой для зонта в середине. Никто не пил там кофе, потому что небо часто хмурилось, немилосердно задувал ветер, а то и лил дождь. Поверхность стола была в лужицах, повисшая мокрая ткань зонта хлопала об опору, сиденья были сырые, и все же тут сживал обычно человек лет эдак двадцати четырех, закутанный в черный плащ с поднятым воротником. Он то взглядывал недоуменно на обложенное небо, то задумчиво покусывал сустав большого пальца. Других желающих обосноваться на балконе не находилось.

Когда «Элита» бывала заполнена, тут слышалось множество языков и диалектов. Посетители были молодые люди до тридцати, и рассаживались они кликами по пятеро-шестеро. Клики существовали политические, религиозные, артистические, гомосексуальные, криминальные. В одних обсуждался спорт, в других – автомобили, в третьих – джаз. Иные имели главу; центром самой большой был Сладден. Его клика располагалась обычно на софе у балконной двери. Соседняя включала в себя прежних членов сладденовской клики, по их собственным утверждениям, ею пресытившихся, согласно же Сладдену, изгнанных из ее рядов. Клики не любили одна другую, не особенно ценили и кафе. Нередко посетители, выпив кофе, ставили чашку со словами: «Что за чертова дыра эта „Элита“. Не пойму, чего ради мы сюда таскаемся. Кофе дрянной, освещение ни к черту, вокруг одни педерасты, шпана и евреи. Давайте выберем себе какое-нибудь другое место». И кто-нибудь отзывался: «Другого места нет. Чайная Галлоуэя – чересчур буржуазное заведение. Бизнесмены, стойки для зонтиков, оленьи головы. В „Шангри-ла“¹ оглушительно орет музыкальный автомат, полно мордovorотов. Армстронгу там надавали по физиономии. Есть, конечно, пабы, но нельзя же все время наливаться пивом. Нет, пусть здесь чертова дыра, но лучшего места у нас нет. Центр города, кино под боком. Не сидеть же все время дома, хочется иной раз и развеяться».

Кафе часто бывало переполнено и никогда не оставалось совсем без посетителей, хотя был случай, когда оно почти полностью опустело. Человек в черном плаще зашел с балкона в помещение и не застал там никого, кроме официанта и Сладдена, сидевшего на той же софе, что и обычно. Клиент повесил плащ на крючок и заказал кофе. Отвернувшись от стойки, он поймал на себе любопытный взгляд Сладдена. Тот спросил:

– Ну как, Ланарк, нашел?

¹ Утопия в романе Дж. Хилтона «Потерянный горизонт». (Здесь и далее, кроме эпилога, примеч. перев.)

– Что нашел? О чем ты?

– То самое, что искал на балконе. Или ты просто стараешься держаться подальше от нас?

Просвети меня. Мне любопытно.

– Откуда ты знаешь мое имя?

– Не я один, а все мы. Его выкрикивают в службе обеспечения, а мы частенько стоим там в очереди. Садись.

Сладден похлопал по софе. Ланарк немного поколебался, потом поставил кофе и сел.

Сладден продолжил:

– Скажи, зачем тебе сдался балкон.

– Я ищу дневной свет.

Сладден сморщился, словно от горечи.

– Время года для этого не самое подходящее.

– Ошибаешься. Недавно я заметил дневной свет, считал до четырехсот и более, а он все длился. Часто бывает и дольше. Ничего, что я об этом рассказываю?

– Продолжай! Многие бы не поняли, но я и сам любил выдумывать. Ты тоже пытаешься что-то выдумать, и мне это интересно. Давай говори, что взбретет на ум.

Ланарку одновременно и нравился, и не нравился этот разговор. Как человек одинокий, он ценил возможность пообщаться, однако снисходительный тон отталкивал его. Он бросил холодно:

– Да нечего особенно говорить.

– А почему ты любишь дневной свет? Здесь хватает и обычного освещения.

– С его помощью я могу измерять время. Я насчитал тридцать дней, с тех пор как я здесь.

Может, пропустил несколько, пока спал или пил кофе. Но когда нужно что-нибудь вспомнить, я говорю: «Это случилось два дня назад», или десять, или двадцать. От этого возникает чувство упорядоченности жизни.

– А как ты проводишь... проводишь дни?

– Гуляю, посещаю библиотеки и кино. Когда кончаются деньги, захожу в службу обеспечения. Но по большей части наблюдаю за небом с балкона.

– Ты счастлив?

– Нет, но я доволен. Можно жить и куда хуже.

Сладден рассмеялся:

– Не приходится удивляться твоей нездоровой заикленности на дневном свете. За то время, пока ты здесь находишься, можно было посетить десяток вечеринок, переспать с десятком женщин и десяток раз напиться, а ты отслеживал, как проходят один за другим тридцать дней. Вместо того чтобы превратить жизнь в сплошной праздник, ты крошишь ее на дни и принимаешь их регулярно, как пилюли.

Ланарк бросил на Сладдена косой взгляд:

– А твоя жизнь – сплошной праздник?

– Я наслаждаюсь. А ты?

– Нет. Но я доволен.

– Почему ты доволен такой малостью?

– Чего мне еще ждать?

Клиенты все прибывали, и кафе почти заполнилось. Сладден сделался легкомысленней, чем в начале беседы. Он сказал беспечно:

– Жить стоит ради живых, волнующих мгновений, когда чувствуешь подъем, безграничную власть. Они даются нам с помощью наркотиков, преступлений, азартных игр, но цена уж очень высока. Другой способ – увлечения: к примеру, спорт, музыка или религия. Есть у тебя увлечения?

– Нет.

– Еще источники – работа и любовь. Работа – это не кидание угля лопатой и не уроки в школе. Я говорю о работе, которая обеспечивает человеку видное место в обществе. А любовь – это не брак и не дружба. Я имею в виду свободную любовь, которая заканчивается, когда нет больше пылких чувств. Возможно, тебя удивило, что работу и любовь я отнес к одной и той же категории, но и то и другое – это искусство управления людьми.

Ланарк задумался. Мысль Сладдена казалась логичной. Внезапно он спросил:

– Какой работой я мог бы заняться?

– Ты бывал в чайной Галлоуэя?

– Да.

– С кем-нибудь там разговаривал?

– Нет.

– Тогда бизнес тебе не по плечу. Боюсь, придется заняться искусством. Это все, что остается тем, кто непригоден к другой работе, но желает быть на виду.

– Искусство не для меня. Мне нечего поведать людям.

Сладден рассмеялся:

– Ты не понял ни слова из того, что я сказал.

Ланарк был слишком сдержан, чтобы выдать сильную обиду или гнев. Он сжал губы и нахмурился над кофейной чашкой. Сладден продолжил:

– Художник или артист ничего не говорит людям. Он выражает себя. Если он неординарная личность, его произведения удивляют или волнуют публику. В любом случае с помощью искусства он проталкивает свою индивидуальность. Вот наконец и Гэй. Не подвинешься ли, чтобы ей хватило места?

Лавируя между обсаженных народом столиков, к ним приближалась худая хорошенькая девушка с усталым лицом. Она робко улыбнулась Ланарку, села рядом со Сладденом и произнесла взволнованно:

– Я не опоздала? Раньше мне...

– Мне пришлось ждать, – холодно буркнул Сладден.

– Ох, прости, ради бога прости. Раньше мне было никак не выйти. Я не думала...

– Принеси сигареты.

Ланарк растерянно смотрел в стол. Когда Гэй отошла к стойке, он спросил:

– А что ты делаешь?

– То есть?

– Занимаешься бизнесом? Или искусством?

– Я на редкость искусно бездельничаю.

Ланарк стал искать в лице Сладдена хотя бы след улыбки. Тот добавил:

– Работа – это способ навязать себя другим. Мне же для этого ничего делать не нужно. Я не хвастаюсь. Просто так получилось.

– Похвальная скромность, однако ты не прав, утверждая, будто ничего не делаешь. Ты очень хорошо умеешь говорить.

Сладден улыбнулся и взял сигарету, протянутую Гэй, которая кротко вернулась к нему.

– Я не часто бываю так откровенен; большинству мои идеи не по уму. Но мне кажется, я могу тебе помочь. Ты знаком с кем-нибудь из здешних женщин?

– Ни с кем.

– Я тебя познакомлю. – Сладден обернулся к Гэй и, легонько ущипнув ее за мочку уха, спросил благосклонно: – Кого бы ему дать? Фрэнки?

Гэй рассмеялась, и вид у нее тут же сделался счастливым.

– Нет-нет, Сладден, Фрэнки крикливая и вульгарная, а Ланарк из тех, кто занят своими мыслями. Только не Фрэнки.

– Тогда как насчет Нэн? Она тихая и любит изображать послушную девочку.

– Но Нэн по уши влюблена в тебя!

– В том-то и беда. Надоело: стоит тебе коснуться моей коленки, и глядь – она уже рыдает в углу. Отдадим ее Ланарку. Или нет. Я придумал кое-что получше. Я возьму Нэн, а Ланарк – тебя. Как насчет такого варианта?

Гэй наклонилась к Сладдену и изящно коснулась губами его щеки.

– Нет, – сказал он. – Мы дадим ему Риму.

Гэй нахмурилась:

– Не люблю Риму. Она хитрая.

– Не хитрая. Замкнутая.

– Но к ней равнодушен Тоул. Они держатся парой.

– Это ничего не значит. Он привязан к ней, как к сестре, а она к нему – как к брату.

Просто кровосмешение какое-то. Кроме того, она его презирает. Отдадим ее Ланарку.

– Вы очень добры, – с улыбкой проговорил Ланарк.

Где-то он слышал, что Гэй и Сладден помолвлены. меховая перчатка на левой руке Гэй мешала разглядеть, надето ли на ней кольцо, но держались они со Сладденем на публике как близкие люди. Прежде Ланарк невольно робел рядом со Сладденем, но в присутствии Гэй успокоился. Что бы там ни говорили о «свободной любви», Сладден относился к этому чувству серьезнее, чем было принято в «Элите».

Из кино прибыла клика Сладдена. Фрэнки оказалась живой толстушкой в голубой узкой юбке и с прической из пучков голубых волос. Нэн, маленькая, робкая и нечесаная, выглядела лет на шестнадцать. Рима была интересная, но некрасивая; ее черные волосы были забраны назад и связаны на затылке в конский хвост. У Тоула, приятного юноши, невысокого и тощего, пробивалась на лице остроконечная рыжая борода. Был еще большой и плотный парень по фамилии Макпейк, в форме первого лейтенанта. Пока они рассаживались вокруг, Сладден не удостоил их и взгляда, а, обнимая Гэй за талию, продолжал беседовать с Ланарком. Из всей компании одна лишь Фрэнки обратила на Ланарка внимание. Она стояла, расставив ноги и уперев руки в бедра, а когда Сладден умолк, заявила громко:

– Это человек-загадка! К нам присоединился человек-загадка! – Выпятив живот, она спросила: – Что ты думаешь о моем брюхе, человек-загадка?

– Ну, вероятно, оно выполняет свои функции.

Сладден улыбнулся краешком рта, остальные подняли брови.

– О, да он шутки шутит! – удивилась Фрэнки. – Бог ты мой. Сяду к нему поближе, пусть Макпейк ревнует.

Усевшись рядом с Ланарком, она положила руку ему на бедро. Он постарался скрыть свою растерянность, но все же выглядел смущенным. Фрэнки воскликнула:

– Бог мой! Он напрягся, прямо как... гм. Лучше мне промолчать. Расслабься, сынок, ну же. Нет, не может. Рима, давай поменяемся местами. Мне все же хочется к Макпейку. Он толстый, но он хотя бы поддается.

Они с Римой поменялись местами. Ланарк был и рад, и обижен.

Вокруг завязались разговоры, но Ланарку не хватило смелости присоединиться. Рима предложила ему сигарету.

– Спасибо. Твоя подруга навеселе?

– Фрэнки? Нет, она всегда такая. Не то чтобы мы были подруги. Ты из-за нее расстроился?

– Да.

– Привыкнешь. Она забавная, если не принимать ее выходки близко к сердцу.

Рима бормотала странным монотонным голосом, как будто ни одно слово не заслуживало того, чтобы сделать на нем ударение. Ланарк скосил взгляд на ее профиль. Он увидел блестящие черные волосы, оставлявшие свободным широкий лоб, безукоризненный разрез больших глаз, слегка обрисованный тушью, ровный длинный нос, узкие прямые губы без помады, небольшой решительный подбородок, аккуратный маленький бюст под черным свитером. Если Рима заметила взгляд Ланарка, то не выдала этого, а только откинула назад голову и выдохнула через ноздри дым. Заметив в ней сходство с маленькой девочкой, которая подражает курящей женщине, он ощутил неожиданный прилив нежности.

– О чем был фильм?

– О людях, которые почти сразу разоблачились и принялись выделять все, что им взбрело в голову.

– Тебе нравятся такие фильмы?

– Нет, но скуки не вызывают. А у тебя?

– Я ни одного не видел.

– Почему?

– Боюсь, что мне понравится.

– А мне такие нравятся, – вмешался Сладден. – Нет ничего приятней, чем воображать, как исполнители ролей будут выглядеть во фланелевом белье и толстых твидовых юбках.

– Мне тоже нравятся, – подхватила Нэн. – Кроме самых пикантных кусков. Ничего не могу с собой поделывать: закрываю глаза. Правда, глупо?

– А у меня от них одна досада, – сказала Фрэнки. – Надеюсь увидеть какое-нибудь по-настоящему удивительное извращение, но таких, наверное, не бывает.

Принялись обсуждать, как могло бы выглядеть удивительное извращение. Фрэнки, Тоул и Макпейк высказывали идеи. Гэй и Нэн вскрикивали от ужаса и веселья. Сладден вставлял иногда замечание, а Ланарк и Рима молчали. Ланарка смущала тема разговора, и он думал, что Рима тоже недовольна. Это сближало его с нею.

Потом Сладден шепнул что-то на ухо Гэй и встал.

– Мы с Гэй уходим, – объявил он. – Увидимся позже.

Нэн, беспокойно сверлившая его взглядом, внезапно скрестила руки на коленях и спрятала в них лицо. Тоул, который сидел рядом, ласково обнял ее за плечи, изобразил печально-сочувственную гримасу и ухмыльнулся компании. Сладден взглянул на Ланарка и произнес мимоходом:

– Подумаешь над моими словами?

– Да. Тут есть над чем поразмыслить.

– Обсудим позже. Пошли, Гэй.

Огибая заполненные столики, они удалились. Фрэнки насмешливо заметила:

– Похоже, Тоул, придворный фаворит теперь не ты, а человек-загадка. Хотела бы я ошибаться. А то ведь придется тебе взяться за старое ремесло придворного шута. А Рима никогда не спит с придворными шутами.

Не выпуская из рук трясущегося плеча Нэн, Тоул ухмыльнулся и произнес:

– Заткнись, Фрэнки. Это ты придворная шутиха и всегда ею будешь. – Извиняющимся тоном он бросил Ланарку: – Не обращай на нее внимания.

Рима взяла с соседнего сиденья свою сумочку и сказала:

– Ну я пошла.

Ланарк попросил:

– погоди секунду, я тоже собираюсь на выход.

Обойдя столик, он надел пальто. Остальные попрощались, а Фрэнки крикнула в спину Ланарку и Рима:

– Счастливо развлекся!

Глава 2. Рассвет и квартира

В нижнем фойе было пусто, если не считать девушки за кассой. Через стеклянные двери Ланарку были видны огни фонарей, отраженные в лужах. Временами дверь уступала особенно сильному порыву ветра и внутрь со свистом проникал сквозняк. Рима вынула из сумочки пластиковый дождевик. Ланарк помог ей одеться и спросил:

- Где останавливается твой трамвай?
- На перекрестке.
- Отлично. Мой тоже.

Снаружи им пришлось сражаться с ветром. Ланарк взял Риму за руку и, желая ощутить, что тащит ее, с усилием рванулся вперед. Перекресток располагался неподалеку, рядом с трамвайной остановкой был вход во двор. Беззвучно смеясь, они шагнули туда, чтобы укрыться от ветра. Волосы Рима, выскользнувшие из пружек, двумя водопадами струились вдоль ее спокойного лица; большие глаза смотрели на Ланарка. Она пальцами зачесала волосы назад, морщась и повторяя: «Мешают, сил нет».

- Мне нравится такая прическа.

Они постояли молча у противоположных стен, выглядывая на улицу. Наконец Ланарк откашлялся.

- Ну и паршивка эта Фрэнки.

Рима улыбнулась.

- Она безобразно обращалась с Тоулом.
- Видишь ли, она была на взводе.
- Почему?

– У нее к Сладдену те же чувства, что и у Нэн. Когда Сладден и Гэй уходят парой, Нэн начинает рыдать, а Фрэнки грубить. Сладден объясняет это тем, что у Нэн эго негативное, а у Фрэнки – позитивное.

- Бог мой! Неужели все приятельницы Сладдена в него влюблены?
- Я – нет.
- Рад это слышать. О, гляди! Гляди!
- На что?
- Гляди!

Перекресток был местом, где сходились несколько широких улиц, и Ланарку с Римой были видны две из них, хотя даль окутывала сгустившаяся тьма. Приблизительно в миле, на вершине большого плоского холма, обе улицы упирались в жемчужно-серый небосклон. Большая часть неба оставалась черной, бледное зарево не добралось еще до крыш домов, и можно было подумать, что в концах двух улиц занимаются два отдельных дня. Рима повторила:

- На что глядеть?
- Видишь? Видишь это... как же оно называется? Когда-то это обозначалось специальным словом...

Рима проследила, куда указывал его палец, и спросила холодно:

- Ты говоришь об этом зареве?
- Рассвет. Вот как это называлось. Рассвет.
- Довольно сентиментальное слово, не так ли? Он уже блекнет.

Ветер стих. Ланарк ступил на тротуар и, наклонившись, стал попеременно вглядываться в конец то одной, то другой улицы, словно собирался прыгнуть, но еще не решил куда. Рима не разделяла его волнения, и потому он на миг выбросил ее из головы. С легкой неприязнью она произнесла:

– Не знала, что ты равнодушен к таким предметам. – И добавила, помолчав: – Ладно, мой трамвай.

Миновав Ланарка, она вышла на дорогу. По шпалам пригромыхал древний-предревний, почти совсем пустой трамвай и остановился, заслонив Ланарку вид. Это был его трамвай. Рима вошла в вагон. Ланарк шагнул за ней, потом, заколебавшись, произнес:

– Слушай, мы ведь еще увидимся?

Когда трамвай тронулся с места, Рима небрежно махнула с площадки. Надеюсь, что она обернется и махнет снова, Ланарк следил, как она поднялась вверх и села. Она не обернулась. Ланарк взглянул в конец одной улицы, потом другой. Тусклый размытый свет заметно померк. Внезапно Ланарк кинулся на середину самой широкой улицы и пустился бегом.

Он бежал, не отрывая взгляда от горизонта и смутно надеясь, что, если достигнуть его, пока свет окончательно не погаснет, день продлится дольше. Поднялся ветер. Порывы подталкивали Ланарка в спину, и бежать было проще, чем идти. С тех пор как Ланарк прибыл в этот город, он не знал более захватывающего занятия, чем гонки с ветром к блекнувшему рассвету. Когда небо окончательно почернело, он остановился, перевел дыхание и поплелся на перекресток ждать трамвая.

Следующий трамвай повез его по одинаковым улицам с рядами многоквартирных домов. У остановки, где он вышел, дом стоял лишь с одной стороны, а с другой тянулась сплошная фабричная стена. Через двор он добрался до плохо освещенной лестницы, достиг верхней площадки и тихонько вошел в прихожую своей квартиры. Это была пустая комната с шестью дверьми. Одна вела в спальню Ланарка, другая – в уборную, еще одна – в кухню, где жила квартирная хозяйка. Другие соединяли прихожую с пустыми комнатами, где сквозь провалы в потолке виднелся гигантский чердак, по которому гуляли сквозняки. Когда Ланарк распахнул дверь своей спальни, хозяйка крикнула из кухни:

– Это ты, Ланарк?

– Да, миссис Флек.

– Иди сюда, я тебе кое-что покажу.

Кухня была чистая, но очень заставленная. Там стояли кресла, буфет, оттертый до блеска белый стол, неуклюжая газовая плита, а над ней полки с горшками. Большую часть одной из стен занимал железный стеллаж; под окном помещались раковина и доска для сушки. Все горизонтальные поверхности были заполнены медными и фарфоровыми безделушками, а также бутылочками и банками с искусственными цветами – из пластика, подкрашенного воска и бумаги. Еще в одной стене имелась ниша с кроватью, и рядом с нею стояла миссис Флек – невысокая женщина средних лет. Кивком подозвав Ланарка, она сказала строго:

– Посмотри!

Под стеганым одеялом лежали в ряд трое детишек с серьезными лицами и широко раскрытыми глазами. Это были худой мальчик и девочка лет восьми, а также пухлая малышка четырех-пяти лет. Ланарк узнал в них соседей по площадке. Он сказал:

– Привет, компания.

Старшие дети широко улыбнулись, младшая хихикнула и заслонила лицо руками, словно желая спрятаться. Миссис Флек проговорила сердито:

– Их мать, эта чертова кукла, исчезла.

– Исчезла? Куда это?

– Почем мне знать, куда исчезают люди? Минуту назад была, и вдруг ее не стало. Так вот, что мне делать? Я не могу оставить их без присмотра. Гляди, какие они маленькие! Но я не такая молоденькая, Ланарк, чтобы возиться с сосунками.

– Но ведь их мать, конечно, вернется?

– Она? Нет. Из тех, кто исчезает, когда гаснет свет, не возвращается никто.

– О чем это вы?

– Я стояла у раковины и мыла посуду, как вдруг погас свет. Это не был перебой с электроэнергией: фонари за окном продолжали гореть. Я подумала вначале: «Кто-то исчезнет, – а потом еще: – А что, если исчезну я?» Сердце бухало, как барабан, хотя с чего бы мне пугаться? Я ведь так устала, и спина болит, не утихает. Часто думаешь: вот бы исчезнуть, и дело с концом. Так или иначе, свет снова загорелся, и я пошла заглянуть в твою спальню. Я знала, что ты ушел, ну а если ты потихоньку вернулся и это случилось с тобой?

– Почему? – тревожно спросил Ланарк.

– Я говорила уже: откуда мне знать, почему люди исчезают.

– Если бы я находился в спальне и... и исчез, как бы вы об этом узнали?

– О, обычно бывает какой-нибудь знак. От моего последнего жильца остался ужасный разгром, одежда была раскидана по всей комнате, платяной шкаф опрокинут, с потолка осыпалась добрая половина штукатурки – ту комнату мне с тех пор так и не сдать. А эти крики! Просто жуть. Но ты, Ланарк, так себя не поведешь – в этом я не сомневаюсь. Ты человек тихий. Так или иначе, тебя не было, и я вышла на лестничную площадку. Дверь была открыта, я сунула голову внутрь и позвала: «Сьюзи!» Я с ней всегда обращалась дружески, даром что она была уличная девка и совсем не следила за детьми. Только и делала, что пихала им сладости, и вот результат. Открой рот! – скомандовала она младшей девочке.

Та послушно раскрыла рот, показывая на верхней и нижней десне ряд коричневых заостренных обломков с провалами между ними.

– Ты только посмотри! Едва-едва из пеленок, а ни одного здорового зуба во рту.

– А что произошло дальше? – спросил Ланарк.

– Я позвала «Сьюзи!», а детишки в ответ крикнули, что их мамочка исчезла. Так ведь? Она уставилась на детей, которые энергично закивали.

– Ну вот, Ланарк, эта квартира – жуткая помойка. Настоящий хлев. Я не могла их там оставить, так? Я привела их сюда, отмыла и положила в постель, а теперь стираю их одежду. Но если уж я за вас взялась, то вы мне смотрите! – яростно рывкнула она детям. – Я вам не мамочка, потакать не стану!

Дети улыбнулись ей, младшая хихикнула.

Миссис Флек наклонилась над кроватью и, постанывая, стала подтыкать детям одеяло.

– Ох, Ланарк, видеть не могу этих поганцев!

Ланарк погрозил детям кулаком и начал строить такие уморительные грозные гримасы, что обратно в свою спальню он добирался под аккомпанемент веселых выкриков и хохота.

Спальня Ланарка была похожа на коридор с высоким потолком, дверью в одном конце и окном без занавесок в другом. Вдоль одной стены стояли стул, походная кровать и шкаф; обои и линолеум были коричневого цвета, ковра не было. О том, что комната обитаема, свидетельствовал только небольшой рюкзак на верху шкафа. Ланарк стянул с себя одновременно пиджак и плащ и повесил их на крючок за дверью, потом улегся на кровать, подложив руки под голову. Усталость, как правило, заставляла его в конце концов раздеться и забраться под одеяло, но, страдая заболеванием, делавшим сон процессом малоприятным, он старался обычно подольше полежать и подумать о том, что пережил недавно.

Исчезновения случались. Погас свет, и не стало матери троих детей. Она была хорошо знакома Ланарку. Эта приветливая, вульгарно-привлекательная женщина частенько приводила в дом посторонних мужчин. Ланарк не находил причины, почему она должна была исчезнуть. Он выбросил это происшествие из головы и стал думать об «Элите». Теперь он пойдет туда

не для того, чтобы сидеть на балконе: у него есть знакомые, которые его ждут. Эта мысль не приносила особого удовольствия. Клике Сладдена не доставало достоинства. Куда благородней – так ведь? – сидеть снаружи, наблюдать за небом и ждать света. Он вспомнил, как часто лишь делал вид, что наблюдает за небом, а сам хотел в тепло, поближе к хорошо одетым, привлекательным женщинам. «Признайся! – сказал он себе. – Ты смотрел на небо, потому что робел познакомиться с людьми».

Ему вспомнилась Рима, которая сидела с компанией, но держалась как будто особняком. Он подумал: «Нужно познакомиться с нею поближе. Что за досада: мог бы проводить ее домой, но вмешался треклятый рассвет!»

Он подумал о Сладдене. Подобно Риме, тот как будто отделял себя от страстей, бушевавших вокруг него. Любимый тремя женщинами, он хранил верность одной – Ланарк, пожалуй, видел в этом заслугу. Далее, у Сладдена были свои взгляды на жизнь, он предложил чем-нибудь заняться. Ланарк не хотел заниматься искусством, однако в нем росло стремление делать что-нибудь полезное, а писателю для начала всего-то и требовалось, что ручка и бумага. Кроме того, он имел представление о писательском труде, поскольку, блуждая по городу, посещал публичные библиотеки и прочел достаточно рассказов и повестей, чтобы понять: все они делятся на два рода. Один – что-то вроде киносценария, где много действия и почти совсем нет мыслей. Другой – повествование о несчастном умном человеке (часто о самом авторе), который много думает, но почти ничего не делает. Согласно предположению Ланарка, хорошие авторы создавали преимущественно книги второго рода. Он подумал: «По словам Сладдена, чтобы выразить себя, мне нужно писать. Наверное, я мог бы сочинить историю о том, кто я и почему решил писать. Но есть одна трудность».

Им овладело беспокойство, и он принялся расхаживать по комнате.

Беспокоиться он начинал всякий раз, когда вставал вопрос о том, кто он есть.

– Какое имеет значение, кто я? – спросил он вслух. – Что мне в том, зачем я сюда пришел?

Он приблизился к окну и уперся лбом в стекло, надеясь, что холод прогонит затруднение. Однако произошло обратное. Окно выходило на квартал пустых строений, и разглядел он лишь темные очертания своего лица на туманном фоне комнаты. Он вспомнил другое окно, в котором не было видно ничего, кроме отражения. Его затопили отвращение и досада, сопровождавшиеся чувственными фантазиями о Риме.

Внезапно Ланарк подошел к шкафу и открыл единственный глубокий ящик внизу. Он был пуст, лишь на дне лежала побуревшая бумага. Ланарк сложил ее несколько раз и, аккуратно разрезав по сгибам, получил пачку листов в двадцать. Затем вынул ящик, поставил его на пол рядом со стулом, положил на ящик бумагу, достал из кармана куртки ручку, сел и четкими мелкими буквами вывел на первой странице:

Первое, что я помню, – это

Добавив еще несколько слов, он вычеркнул все написанное и начал заново. Эту процедуру он проделал четырежды, поскольку всякий раз у него в памяти всплывало событие более раннее, чем то, о котором он взялся повествовать. В конце концов он придумал подходящий зачин и заполнил, не отрываясь, тринадцать страниц, но, когда стал их перечитывать, обнаружилось, что добрая половина слов не содержит в себе смысла, а добавлена только ради лучшего звучания. Ланарк вычеркнул эти слова и переписал текст на оставшиеся листки бумаги, внося попутно поправки. Впервые – пока был в этом городе – ощутив настоящую усталость, он разделся до белья, скользнул под одеяло и заснул мертвецким сном.

Глава 3. Манускрипт

Первое, что я помню, – это стук, а затем то ли я открыл глаза, то ли включился свет, но я увидел, что нахожусь в уголке старого железнодорожного купе. Судя по звуку и темноте за окном, поезд шел через тоннель. Ноги сводила судорога, но я был беззаботен и счастлив. Я встал, сделал шаг и испугался, увидев свое отражение в окне вагона. Голова у меня была большая и неуклюжая, шевелюра и брови густые, лицо обычное, но как будто незнакомое. Я решил поискать, кто еще есть в поезде.

От локомотива к хвосту поезда дул холодный ветер. Я шагал вперед, скользя взглядом по окнам купе. Там было пусто. В переднем конце коридора ветер так усилился, что мне пришлось схватиться за свисавший кусок резины в дверном проеме, который должен был бы вести в соседний вагон. Дальше путь был закрыт, поскольку там виднелась темная поверхность из деревянных планок, которая раскачивалась туда-сюда. Это был край товарной платформы. Подгоняемый ветром, я направился обратно и по открытой двери узнал свое купе. Задние купе были пусты, а дверь в торце выходила на металлическую цистерну, вроде тех, в которых перевозят нефть. Я вернулся в свое купе и, когда закрывал за собой дверь, заметил на вешалке над угловым сиденьем рюкзачок. Я насторожился. С момента пробуждения я наслаждался свободой. Мне нравилось, что я один, что вагон присоединен к грузовому составу, однако рюкзак меня испугал. Он был мой и содержал что-то плохое, но выбрасывать его в окно мне не хотелось. Я осторожно снял его с крючка, убеждая себя, что никто меня не видит и в любом случае бояться нечего.

Сперва я пошарил в двух наружных карманах и нашел там вполне безобидные вещи: набор для бритья в пластиковом футляре, носки и неисправный магнитный компас. Открыв верхнюю застежку, я обнаружил свернутый черный дождевик, грязное белье и пижаму. Внизу лежали сложенная карта и бумажник, набитый документами. Я открыл окно, выбросил карту и бумажник и снова закрыл. Вернув себе спокойствие, я сложил вещи, водрузил рюкзак обратно на полку, а потом решил заодно обыскать и карманы одежды. Во всех до одного были песок и крохотные ракушки. Нашлись также носовой платок, ручка, ключ и карманная записная книжка. Ключ и записная книжка полетели вслед за бумажником и картой. Поезд засвистел и вышел из тоннеля.

Поезд несся по виадуку среди городских крыш. Небо было затянуто тучами; из-за сгустившейся темноты на улицах зажгли фонари. Улицы были широкие, пересекались под прямым углом; по их сторонам стояли большие каменные дома. Прохожих попадалось немного, а машин не было совсем. За крышами виднелись строительные краны, среди них – металлические каркасы. Направляясь туда, поезд пересек реку по мосту. Она была широкая, дно покрывала растрескавшаяся корка ила цвета хаки, а посередине вился узкий черный ручеек. Меня это встревожило. Я чувствовал, – и чувствую до сих пор, – что реке следовало бы быть полноводней. Я посмотрел вниз, во двор, где стояли два каркаса. Это были металлические цилиндры, увенчанные заржавевшими куполами; судя по грохоту механизмов внутри, работа над ними продолжалась. Поезд влетел в еще один тоннель, замедлил ход и, едва вынырнув, остановился на сортировочной станции. В окнах по обе стороны я видел грузовые составы и торчавшие из них железнодорожные знаки. Небо еще больше нахмурилось.

Я немного посидел в своем теплом углу, не желая выходить навстречу ненастью. Потом погас свет, и я вскинул на плечо рюкзак, вышел в коридор, открыл дверь и спрыгнул на землю.

Я стоял между двумя грузовыми составами. Моросил дождик, поэтому я опустил рюкзак и вынул плащ. Надев его, я заметил человека в черном комбинезоне и кепке, который приближался ко мне, пристально осматривая товарные платформы и делая карандашные пометки в записной книжке. Он остановился рядом со мной, сделал очередную отметку и спросил, не прибыл ли я с последним поездом. Я подтвердил. Он сказал:

– Не стоило отправлять целый вагон ради одного пассажира. Могли бы доставить вас в служебном.

Я спросил, который час. Он ответил:

– Мы здесь не особенно задумываемся о времени. Небо светлее, чем обычно, но это случайный свет, толку от него никакого.

Я спросил, знает ли он, куда мне идти. Он объяснил, что вот-вот появится человек, который обычно помогает в подобных случаях, и двинулся дальше вдоль платформ.

Навстречу нам бежала маленькая фигурка, не глядя миновавшая железнодорожника. Незнакомец остановился передо мной и с заискивающей улыбкой заглянул снизу мне в глаза. У него было красивое лицо со слабым подбородком и жирные волнистые волосы, которые заканчивались на затылке жидким локоном. Наряд незнакомца составляли темно-бордовый галстук-бабочка, куртка до колен с бордовыми отворотами, узкие черные брюки и бордовые замшевые туфли. Голос звучал мягко, подвивая на гласных.

– Вы здесь новичок, так ведь?

Я сказал, что да.

– Я пришел вам помочь. Зовите меня Глопи. У вас, полагаю, пока нет имени. С вами кто-нибудь есть?

Я сказал, что нет.

– Пойду взгляну, просто чтобы быть уверенным. Не составите ли мне компанию?

Он настоял на том, чтобы обойти все купе и заглянуть под сиденья. Когда я помог ему спуститься, он со смешком заметил, что я очень сильный. Потом он предложил, что понесет мой рюкзак, но я перекинул ремень через плечо и спросил своего спутника, не знает ли он, где я мог бы переночевать.

– Конечно знаю! Для того я здесь и нахожусь! Я отведу вас в пансион, там мы приготовили комнату.

Я сказал, что пансион мне не годится, потому что у меня нет денег.

– Конечно нет! Мы оставим в пансионе ваш рюкзак и пойдем в службу обеспечения, там вам дадут положенные деньги.

Мы прошли скопление грузовых платформ и пересекли железнодорожные колеи. Между двух темных холмов впереди мерцали городские огни. Совсем стемнело, дождь лил как из ведра, мой проводник поднял мокрый воротник своей затейливой куртки. Моя одежда куда больше подходила к такой погоде. Я спросил, кто платит ему за то, чтобы он встречал людей, и он отозвался обиженно:

– Никто. Я делаю свое дело, потому что люблю людей. Я верю в дружбу. Нужно заботиться друг о друге.

Мне стало его жалко. Я знал, что нельзя плохо относиться к людям лишь за то, что они не так выглядят или не так одеты, но он решительно мне не понравился. Я объяснил, что, прежде чем браться за что-либо другое, хочу получить деньги.

– А если я первым делом поведу вас в службу обеспечения, вы обещаете, что пойдете потом в пансион? – с хитрой миной проговорил он.

Я ответил, что ничего не обещаю, и прибавил шагу, стараясь его обогнать. Припустив следом, он выкрикнул:

– Хорошо! Хорошо! Я не говорил, что не провожу вас в службу обеспечения, так ведь?

Мы шли рядом, пока тропа не сделалась слишком узкой; тогда Глопи меня опередил. Дорога резко спускалась под откос между двумя холмами, похожими на мусорные кучи. На крутых поворотах я время от времени выходил вперед и чувствовал под ногами вроде бы золу и гнилое тряпье. Мы пересекли высохшее русло канала и добрались до начала улицы. Особого процветания в городе не замечалось. В дворовых проездах попадались там и сям группы подростков и стариков, но по большей части они были пусты и не освещены. Витрины магазинов были забиты досками, за исключением лишь лавчонок, которые торговали газетами, сладостями, сигаретами и контрацептивами. Мы вышли на обширную площадь, по краям которой громыхали трамваи. Свет уличных фонарей падал только на нижние этажи зданий, но видно было, что они большие и нарядные. У фасадов между колоннами жались люди, укрывавшиеся от дождя. Центральную колонну, верх которой терялся во тьме, окружали черные как сажа статуи. Несмотря на дождь, какой-то человек взобрался на пьедестал колонны и обращался к обозленной толпе. Мы прошли с краю, и я разглядел говорившего, его беспокойную улыбку, воротничок священнослужителя и синяк на лбу. Слова его тонули в насмешливых выкриках.

За площадью улица была застроена длинными деревянными бараками, которые соединял крытый проход. Глаз отдыхал на их освещенных окнах, в то время как окна более внушительных строений оставались темными. Глопи привел меня на крыльцо под вывеской: «СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ: ОТДЕЛ ПОСОБИЙ».

– Ну вот, здесь, – сказал он. Я поблагодарил, и он, переминаясь с ноги на ногу, добавил: – Мне бы нужно знать, собираетесь ли вы быть хоть чуточку дружелюбней? Я мог бы войти и подождать вас, но это чертовски долгая история, и, если вы все так же злобно настроены, я бы лучше пошел восвояси. – Я заверил, что ждать не нужно. Он печально отозвался: – Хорошо, хорошо. Я всего лишь старался помочь. Вы не знаете, что это такое – быть одиноким в большом городе. А я мог бы познакомить вас с очень интересными людьми – бизнесменами, деятелями искусства, девушками. У меня в пансионе живет несколько первоклассных красоток.

Глопи застенчиво заглянул мне в глаза. Я пожелал доброй ночи и отвернулся, но он схватил меня за руку и забормотал прямо в ухо:

– Вы правы, девушки – это не то, они коровы. Я вам не нравлюсь – ладно, но у меня есть приятели, военные...

Я высвободил рукав и шагнул через порог. Глопи за мной не последовал.

Барак был небольшой, но очень длинный и плотно заполненный народом, который теснился на скамьях. Вдоль стены шла стойка, разделенная на отсеки; в ближайшем к двери отсеке, под вывеской «СПРАВОЧНОЕ», имелся стул. Я вошел и сел. Ждать пришлось очень долго, но затем за стойку шагнул старик со щетинистыми бровями и спросил:

– Да?

Я объяснил, что только-только прибыл и у меня нет денег.

– Удостоверения личности у вас имеются?

Нет, ответил я.

– Точно? А карманы свои вы обыскали тщательно?

Да, ответил я.

– Кто вы по профессии и где работали?

Я не мог вспомнить. Он со вздохом извлек из-под стойки желтую карточку и потрепанную, без обложки, телефонную книгу.

– До медицинского осмотра мы не можем присвоить вам номер, но имя вы получите.

Старик начал наудачу листать книгу, и я заметил, что многие фамилии на ее страницах вычеркнуты красными чернилами.

– Аджеримзу? Ардир? Как насчет Бленим? Или Браун.

Передернувшись, я сказал ему, что знаю свое имя. Он уставился на меня недоверчивым взглядом. Я пошевелил языком в поисках слова или слога из прошлого, до вагонного купе, и, казалось, нащупал нечто коротенькое, начинавшееся с «Т» или «Гр», но тут же упустил. Самым ранним воспоминанием была фамилия, напечатанная под коричневой фотографией на стене купе – с горными пиками и деревьями на вершине холма. Ее я видел, когда снимал рюкзак. Я сказал, что моя фамилия Ланарк. Старик записал ее на карточку, которую протянул мне со словами:

– Идите с этим в медицинский пункт и отдайте доктору.

Я спросил о цели осмотра. Клерк, не привыкший к расспросам, отозвался:

– Нам необходимы данные для вашей идентификации. Если вы не хотите пойти нам навстречу, мы ничего не сможем сделать.

Медпункт размещался в соседнем бараке, куда нужно было идти через крытый проход. Я разделся за ширмой, и меня осмотрел невнимательный молодой врач. Насвистывая сквозь зубы, он вписал результаты в мою карточку. Рост у меня был 5 футов 7³/₄ дюйма, вес – 9 стоунов 12 фунтов и 3¹/₂ унции². Глаза карие, волосы черные, кровь группы В (III). Особых примет не было, кроме мозолей на мизинцах ног и твердого черного пятна на правом локте. Доктор измерил его карманной линейкой и сделал запись: «Без отклонений».

Я спросил, что это за уплотнение. Он ответил:

– Мы называем подобное «драконья кожа» – термин, наверное, скорее поэтический, чем научный, однако теория этого вопроса находится пока в зачаточном состоянии. Можете одеваться.

Я спросил, какое мне требуется лечение.

– В этом городе есть несколько врачей, которые заявляют, будто умеют лечить драконью кожу. Их объявления висят в окнах табачных лавок. Не тратьте на них деньги. Это болезнь самая обычная, вроде ртов, размягчений или судорог. У вас она проявлена очень слабо. На вашем месте я бы на нее просто не обращал внимания.

Я спросил, почему же тогда он обратил на нее внимание.

– В интересах идентификации, – весело отозвался он. – Болезни служат более верной приметой, чем такие переменные факторы, как рост, вес или цвет волос.

Он вернул мне карточку, сказав, чтобы я отнес ее обратно в справочное. Там мне предложили подождать вместе с остальными.

Среди тех, кто ждал, были люди разных возрастов, все плохо одетые и все (за исключением детей, которые играли между скамьями) ошалевшие от скуки. Иногда какой-то голос выкрикивал: «Уилл Джонс, – (или кто-то еще), – подойдите к сорок девятому окну!» – и один из нас направлялся к названному отсеку, однако случалось такое настолько редко, что я перестал этого ждать. Мое внимание переключилось на круглое пятно позади стойки, более светлое, чем остальная стена. Я был уверен, что там когда-то висели часы, но потом их сняли, иначе бы люди, зная, сколько прошло времени, не выдерживали бы ожидания. В моем нетерпеливом мозгу крутились мысли о том, насколько бесполезны эти раздумья, пока я окончательно не перестал думать и не впал в оцепенение, мало чем отличавшееся от сна. В таком состоянии я мог бы провести вечность, но меня пробудила женщина, усевшаяся рядом, – она только что прибыла и находилась еще в стадии беспокойства. Она вновь и вновь перекрещивала ноги, затянутые в тугие выцветшие джинсы. Поверх ее простой рубашки был накинута

² Т. е. 172 см и 62 кг 695 г.

военный мундир; сверкали серьги, ожерелья, брошки, браслеты, кольца. Вдоль спины висели спутанные волосы, густые и черные, и пахло от нее пудрой, духами и потом. Женщина вернула к жизни часть моих чувств, в том числе и чувство времени, поскольку она курила одну за другой сигареты из сумочки, где как будто лежало несколько пачек. Когда она зажгла двадцать третью сигарету, я спросил, как долго обычно заставляют ждать.

– Сколько им вздумается. Это просто безобразие.

Оглядев меня, она любезно спросила, не новичок ли я. Я подтвердил.

– Вы привыкнете. Эта система применяется намеренно. Они думают, что, проходя каждый раз через чистилище скуки, мы станем реже являться за деньгами. Ей-богу, они правы! У меня на иждивении трое малышей, один едва вышел из пеленок, и я работаю, чтобы их содержать. То есть – когда нахожу работу. Но не все платят столько, сколько следует, и потому я снова здесь. Дурочка, вот я кто, самая настоящая дурочка.

Я спросил, какой она занимается работой. Она ответила, что нанимается к разным работодателям на неполный рабочий день, и дала мне сигарету. Потом спросила:

– Вы, наверное, ищите, где бы остановиться?

Я подтвердил.

– Могу вас устроить. То есть ненадолго. Если вам некуда податься.

Женщина бросала на меня искоса оценивающие взгляды, и меня это волновало. Мне она нравилась, нравилось находиться с ней рядом, однако она была первой женщиной, с которой я вступил в разговор, и было件нятно, что вождение отчасти объясняется одиночеством. Я поблагодарил и сказал, что ищу постоянное жилье.

Чуть помедлив, она проговорила:

– Так или иначе, моя соседка, миссис Флек, только что потеряла жилье. Вы можете снять у нее комнату. Она старая, но довольно спокойная. То есть она очень респектабельная, но притом милая.

Я подумал, что это идея, и женщина написала на пустой сигаретной пачке адрес и как туда добраться.

Кто-то крикнул, чтобы я подошел к пятнадцатому окошку. Там меня принял все тот же старый клерк со щетинистыми бровями. Проговорив: «Ответ на ваш запрос положительный. Обратитесь в кассу за деньгами», он вернул мне карточку.

Я спросил, на какой срок рассчитано это пособие.

– Пока не найдете работу, но, если деньги закончатся раньше, эта карточка дает вам право повторно обратиться с запросом, который мы будем обязаны должным порядком удовлетворить. Рано или поздно. У вас есть еще неясности?

Поразмыслив, я спросил, не скажет ли он, как называется этот город.

– Мистер Ланарк, я клерк, а не географ, – отозвался собеседник.

Касса размещалась за дверью с закрытым окошком, в помещении, уставленном скамейками, хотя народу там было немного. Вскоре окошко раскрылось, мы выстроились в очередь. Проворная кассирша, спросив предварительно фамилию клиента, проталкивала каждому между прутьями решетки кучу бумажных денег и монет. Меня поразили величина этих куч и небрежность обращения с ними кассирши. Банкноты – разных валют – были грязными и мятыми. Среди мелочи я разглядел толстые медные пенни, стертые серебряные монеты с насечкой по краю, хрупкие пятицентовые фишки и гладкие латунные диски с дыркой посередине. Я распределил монеты по разным карманам, но так и не научился ими пользоваться, поскольку стоимость их каждый оценивал по-своему. Делая покупки, я протягивал горсть монет, чтобы официант, продавец или кондуктор сами взяли сколько, по их мнению, полагается.

Спустя тридцать один день, воспользовавшись указаниями на сигаретной пачке, я пришел в дом, где пишу эти заметки. За прошедшее время я не искал работу и не заводил знакомств, а дни считал лишь затем, чтобы насладиться их пустотой. По мнению Сладдена, у меня слишком низкий уровень притязаний. Думаю, существуют города, где работа схожа с рабством, любовь – с ношей и постоянно приходится гнаться за временем; потому свобода имеет для меня особую ценность. Единственная моя забота – пятно на руке. Я его не чувствую, но стоит мне устать, кожа вокруг начинает зудеть, а когда я чешусь, пятно растет. Я, должно быть, чешусь во сне, потому что после сна оно каждый раз становится больше. Так что я принял на вооружение совет доктора и стараюсь выбросить это пятно из головы.

Глава 4. Вечеринка

Ланарк проснулся оттого, что кто-то барабанил по его груди. Это была маленькая девочка из соседней квартиры. Ее брат с сестрой стояли расставив ноги и размахивали шваброй с надетым на нее пальто, так что тряслись стойки шаткой кровати.

– Море, море! – кричали они. – Мы плывем под парусом!

Потирая веки, Ланарк приподнялся:

– Пошли прочь! Что вы знаете о море?

Дети запрыгали, и мальчик выкрикнул:

– Мы знаем о море все! У тебя в карманах полно морских раковин, ха-ха-ха! Мы их обшарили!

Дети с хихиканьем выбежали за порог и захлопнули дверь. Ланарк встал, чувствуя себя необычно свежим и отдохнувшим. Твердое пятно на локте не увеличилось. Он оделся, скатал рукопись в трубку и вышел.

Погода на удивление переменялась. Унылый дождь с порывами ветра уступил место пронзительной тишине и морозу, и Ланарку пришлось ускорить шаг, прихлопывая на ходу ладонями, чтобы не замерзнуть. Пока он ехал в трамвае, пальцы на ногах и руках у него жутко заоченели. Вобразившись по лестнице кинематографа, он вступил в забитую людьми «Элиту», которая поразила его теплом и уютом. В привычном уголке сидели Сладден с Гэй, Макпейк с Фрэнки, Тоул с Нэн и Рима, читавшая журнал мод. Рима кивнула и продолжала читать, но остальные удивленно заговорили: «Где ты пропадал? Что делал? Мы думали, ты исчез».

Ланарк уронил рукопись на столик рядом со Сладденом, тот поднял брови и спросил, что это.

– Да вот, накропал кое-что. Последовал твоему совету.

Рядом с Римой места не было, поэтому Ланарк втиснулся на диван между Сладденом и Фрэнки. Сладден прочел пару страниц, пробежал глазами остальное и протянул рукопись обратно со словами:

– Жвачка. Может, ты больше склонен к живописи. То есть, что ты постарался, это, конечно, хорошо. Рад за тебя, но твое сочинение – жвачка.

Ланарк вспыхнул от гнева. Любой ответ выдал бы его оскорбленное тщеславие, поэтому он промолчал и принудил себя улыбнуться.

– Боюсь, я тебя обидел.

– Нет-нет. Но мне хотелось, чтобы ты прочел внимательней, прежде чем судить.

– Нет нужды. По первым двум страницам я убедился, что твоя проза абсолютно невыразительна, это не более чем пересказ скучных фактов. Если автор не наслаждается словами самими по себе, то с чего ими станет наслаждаться читатель?

– Но я как раз наслаждаюсь словами – некоторыми словами – самими по себе! Такими, как «река», «рассвет», «день», «время». Они как будто содержательней, чем явления, которые ими обозначаются...

Фрэнки выкрикнула:

– Сладден, ты садист! Оставь человека-загадку в покое! Не обращай на него внимания, человек-загадка. Сладден воображает себя Богом, но доказать это может, лишь мучая других. Верно, Сладден?

Сладден приподнял воображаемую шляпу и поклонился, но Фрэнки, судя по всему, раскипятилась всерьез. Она встала.

– Ну ладно, Макпейк приглашает нас на вечеринку, так что идемте, все вместе. Рима, тебе нет никакого дела до моды, поэтому брось притворяться, будто читаешь журнал, а займись лучше Ланарком. Присмотри, чтобы он не скис. Мне это не под силу.

Она двинулась к лестнице. Тоул, Макпейк и Сладден, обменявшись ухмылками, стерли со лбов воображаемый пот. Все встали. Сладден сказал Ланарку:

– Пойдем, там, наверное, будет весело.

– Кто устраивает вечеринку?

– Мы с Гэй. По случаю нашей помолвки. Но дом принадлежит одному приятелю, а выпивку выставляет армия.

– Это почему?

– Соображения престижа. Желают быть популярными.

У тротуара рядом с кинотеатром был припаркован стального цвета грузовик. Через раздвижную дверь все протиснулись на узкие сиденья. Один лишь Макпейк был одет по погоде – в перчатки и подбитую овчиной куртку. Он взялся за руль, и грузовик плавно тронулся с места. Сладден одной рукой крепко прижал к себе Гэй, а другой – Фрэнки. Фрэнки раздраженно отпрянула, но он проговорил:

– Мне нужны вы обе, девочки. А то околею от мороза.

Тоул и Нэн обнялись на заднем сиденье, однако Рима демонстративно выпрямила спину, и потому Ланарк, сидевший рядом, скрестил руки на груди и сцепил зубы, чтобы они не выбивали дробь. Благодаря обогревателю температура постепенно поднялась. На дороге было почти пусто, но, минуя трамвайные пути или пешехода, Макпейк каждый раз душераздирающе сигналил.

– Рима, на вечеринке будут танцы? – спросил Ланарк.

– Наверное.

– Будешь со мной танцевать?

– Наверное. Я не особенно разборчива.

Ланарк сжал руку в кулак и плотно прихватил зубами сустав большого пальца. Тронув его за руку, Рима произнесла спокойно:

– Прости... я не хотела сказать гадость. На самом деле я волнуюсь.

Едва не рассмеявшись от облегчения, Ланарк нежно привлек ее к себе:

– Хорошо, что ты сказала. Я уж подумывал сойти и отправиться домой.

– Не нужно все принимать всерьез.

Грузовик ехал по широким улицам вдоль заросших садов, потом свернул в изогнутую подъездную аллею, обсаженную кустарником. Там и сям среди темной листвы поблескивала в свете фар изморозь. Макпейк посигналил и остановил грузовик перед большим зданием. Все вышли. Дом был квадратный, трехэтажный, с флигелями и теплицей. В окружении лиственных, падуба и рододендронов он выглядел уютно и уединенно, однако в окнах горел свет, звучала музыка, на гравии у крыльца теснилось много автомобилей. Передняя дверь была распахнута, но Сладден, прежде чем повести свою компанию в холл, нажал кнопку звонка. Внутри царил тяжеловесная роскошь: пол был мозаичный, стены отделаны дубовыми панелями, подножие лестницы отделяли от остального пространства две колонны из черного мрамора. Из двери справа выглянула маленькая фигурка. Это был Глопи. Он оказался ниже и толще, чем запомнилось Ланарку, в волосах поблескивала проседь. На нем был серебристый парчовый жилет.

– Вот и ты, Сладден, – произнес он. – Оставьте пальто здесь, ладно?

Помещение было увешано натюрмортами в золоченых рамках, изображавшими фрукты и омаров. Овальный столик в центре был завален пальто и шарфами. С ухмылкой глядя на Ланарка, помогавшего Риме раздеться, Глопи сказал:

– Привет, привет! Добрались все-таки. С моей помощью у вас получилось бы быстрее.

– Так это ваш пансион?

– Не то чтобы мой собственный. Наверно, вы можете называть меня консьержем.

– Чем-чем?

– С какой стати вы мне хамите? Я вас не обижал.

– Ты не понял нашего человека-загадку, Глопи, – вмешался Сладден, поправлявший перед зеркалом галстук. – Он никогда не хамит. Он всегда очень серьезен. Где состоится сегодняшняя пирушка?

– Мы собрались в гостиной на первом этаже.

Внутренние стены и двери дома были, казалось, звуконепроницаемы: в холле царил тишина, если не считать шагов по мозаичному полу, но за противоположной дверью открылась заполненная толпой комната, где под громкий джаз танцевали пары. Публика была того же сорта, как в «Элите», только девушки наряжены более экзотично, а кроме того, Ланарку бросились в глаза несколько пожилых мужчин в темных деловых костюмах. Ланарк взял Риму за руку и повел внутрь.

Прежде Ланарк не особенно увлекался музыкой, но этот ритм захватывал, двигаться в такт было легко. Ланарк не сводил глаз с Римы. Движения ее были резкими, но грациозными. Темные волосы свободно лежали на плечах, по лицу блуждала рассеянная улыбка. Запись кончилась, и они остановились, держа друг друга за талию.

– Потом повторим? – спросил Ланарк.

– Почему бы и нет?

Внезапно он раскрыл рот и уставился в другой конец комнаты. В круглом эркере стоял стол, ломившийся от фруктов и напитков, за ним сидела девушка, которая разговаривала с плотным мужчиной в очках.

– Кто эта девушка... та высокая блондинка в белом платье? – пробормотал Ланарк.

– Не знаю. Крутится среди военных, наверное. Ты почему изменился в лице?

– Она мне знакома.

– Да?

– С прежних времен... до прибытия в этот город. Я помню ее лицо, но все другое забыл.

– Это важно?

– Как бы с ней заговорить?

– Пригласи ее танцевать.

– Ты не против, Рима?

– С чего бы?

Ланарк устремился к столу и достиг его в ту минуту, когда вновь заиграла музыка. Девушка потягивала напиток из стакана, а плотный мужчина от души смеялся тому, что она сказала. Ланарк тронул ее за плечо. Она отставила стакан и пошла за Ланарком на танцпол. У нее были живые манеры, кричащий макияж и густой загар. Сжимая ее руку, Ланарк спросил:

– Где я видел тебя раньше?

Девушка с улыбкой покачала головой:

– Понятия не имею.

– Я вроде бы хорошо тебя знаю.

– Вряд ли.

– Я убил тебя, правда?

С возгласом «О боже!» она отшатнулась. Гости останавливались и оборачивались к ним. Указав на Ланарка, девушка громко воскликнула:

– Ничего себе беседа на вечеринке! Только-только познакомились, и он спрашивает, не меня ли он как-то убил. Ничего себе приятно поболтали! – Обратившись к случайному свидетелю (им оказался Макпейк), она попросила: – Уведи меня подальше от этого ублюдка.

Они присоединились к танцующим. Проходя мимо Ланарка, Макпейк подмигнул ему. Ланарк отчаянно огляделся в поисках Римы, потом толкнул дверь, вышел и закрыл ее за собой.

В холле было совершенно пусто и тихо. А также довольно холодно. Ланарк принялся шагать из угла в угол, раздумывая, что предпринять. Он не понимал, почему у него с языка сорвался такой вопрос, но ему хотелось оказаться как можно дальше от всех свидетелей этой сцены, кроме Римы. Все же уходить он не спешил. Локоть чесался, и Ланарк подумал, не снимет ли зуд мытье. Без сомнения, в доме имелась ванная: выложенная плиткой, с чистыми полотенцами на подогреваемой сушилке, с прозрачным мылом и горячей водой к его услугам. У него в квартире ванной не было, с самого прибытия он ни разу не мылся и теперь чувствовал себя грязным и снаружи, и внутри. Освежающая ванна была его мечтой. Ланарк направился в конец холла и взобрался по устланной мягким ковром лестнице. В верхних этажах света не было, кроме того, что просачивался из холла. От второй лестничной площадки отходил коридор. В его середине на полу виднелся светлый треугольник: там была приоткрыта дверь. Бесшумно ступая по толстому ковру, Ланарк двинулся туда, остановился и глянул в узкую щель. Через нее была видна вертикальная полоса обоев, на которую падал слегка мерцавший свет. Ланарк распахнул дверь и шагнул внутрь.

Комната оказалась библиотекой, освещенной огнем в резном камине. По стенам, над книжными шкапами, висели массивные портреты, в промежутках – старинное оружие, крест-накрест. Повсюду были расставлены кожаные кресла с высокими спинками; рядом с одним из них горел торшер под красным шелковым абажуром. Оттуда поднялся незнакомый человек, улыбнулся Ланарку и произнес:

– О, да это писатель! Входите, прошу вас.

Рост незнакомца приближался к семи футам, одет он был в свитер с вырезом поло и ладно сидевшие брюки цвета хаки; несмотря на возраст (пятьдесят или около того), фигура у него была по-юношески подтянутая. Бронзовая макушка была почти голой, за исключением пучков седых волос за ушами, под носом виднелись аккуратно подстриженные седые же усы, мальчишески живое лицо отражало добродушие. Ланарк неловко отозвался:

– Боюсь, я с вами не знаком.

– Именно-именно. Из вашей компании со мной знакомы немногие. Однако я собственник всего этого дома. Забавно, правда? Я сам часто над этим потешаюсь.

– А Сладден вас знает?

– Ну да, мы со Сладденом большие приятели. Что вы будете пить?

Он повернулся к буфету, где стояли бутылки и стаканы.

– Ничего.

– Ничего? Ладно, все равно садитесь, я хочу, чтобы вы мне что-нибудь рассказали. А я тем временем налью себе... каплю... «Смитс Гленливет Молт». Ваше здоровье.

Тепло очага, мягкий свет, спокойные манеры хозяина – все располагало к приятному отдыху. Ланарк опустил в одно из кресел.

Со стаканчиком в руке долговязый вернулся в кресло. Сел и положил ногу на ногу.

– Что побуждает вас, ребята, браться за перо? Вот вы, например, что вы получаете от труда писателя?

Ланарк попытался вспомнить.

– Это единственная дисциплинирующая работа, за которую я, как помнится, брался. После нее я лучше сплю.

– В самом деле? А какой-нибудь другой дисциплинирующий труд не помог бы вам лучше спать?

– Не знаю. Возможно.

– Вы никогда не думали пойти в армию?

– Зачем?

– Затем что в паре сжатых афористичных фраз вы связали понятия работы, дисциплины и здоровья. И я подозреваю, что, несмотря на сравнение себя с губчатым наростом или пиявкой, вы все же остаетесь представителем позвоночных. Или я не прав?

Ланарк подумал и спросил:

– Какая польза от армии?

– Вы имеете в виду пользу для общества? Оборона и занятость. Мы защищаем, и мы даем работу. Наверное, вы снимаете комнату у женщины по фамилии Флек в многоквартирном доме у ковочного завода «Теркс-Хед».

– Откуда вы знаете?

– Ага! Нам известно почти все. Дело в том, что завод «Теркс-Хед» производит детали для наших Кью – тридцать девять. Как вы могли заметить, производство сейчас не процветает. Если бы не программа Кью – тридцать девять, завод пришлось бы закрыть, тысячи людей осталось бы без работы, были бы урезаны социальные выплаты. Подумайте об этом в следующий раз, когда захотите покритиковать армию.

– А что такое Кью – тридцать девять?

– Вы их видели. Они хранятся на открытых складах у реки.

– Вы говорите о больших металлических конструкциях, похожих на бомбы или артиллерийские снаряды?

– По-вашему, они похожи на бомбы? Отлично! Отлично! Это меня очень радует. Собственно, это укрытия для защиты гражданского населения. Каждое способно вместить до пяти сотен душ, когда бабахнет.

– О чем вы?

– Вас смутило «бабахнет»? Это фигура речи, относится к устаревшему способу боевых действий. Я имел в виду: когда будет дан знак, что начинается большое представление.

– Какое представление?

– Точно сказать затрудняюсь, поскольку формы могут быть разные. Мы можем принять на себя любой из шестидесяти восьми типов атаки, а защититься способны – не стану от вас скрывать – лишь от трех из них. «Надежды нет! К чему суетиться?» – скажете вы и будете не правы. У другой стороны положение ничуть не лучше. Нашу подготовку к большому представлению трудно назвать адекватной, однако стоит от нее отказаться – и бабахнет. Я порчу вам настроение?

– Нет, но я запутался.

Долговязый сочувственно кивнул:

– Знаю, это трудно. Метафора – один из важнейших инструментов мысли. Она освещает области, которые иначе оставались бы под покровом тьмы. Однако свет ее бывает столь ярок, что не помогает видеть, а, наоборот, ослепляет.

Ланарка осенило, что, как бы плавно ни текла речь долговязого, он был пьян. Поблизости кто-то пробормотал несколько бессвязных слов. Обернувшись, Ланарк увидел плотного пожилого человека, сидевшего неподвижно в одном из кресел. Одет он был в темно-синий костюм и

жилетку. Веки незнакомца были опущены, но он не спал – это было заметно по рукам, обхватывавшим колени. Вздрогнув, Ланарк спросил:

– Кто это?

– Один из отцов города. Бальи Додд.

– Нет, – фыркнул человек в кресле.

– Ладно, он, собственно, не просто бальи Додд. Он провост³ Додд. – Долговязый рассмеялся. – Да, – выдавил он из себя между взрывами смеха, – перед вами лорд провост всей этой жутко гига-гантской столицы!

Дабы успокоиться, хозяин выпил то, что оставалось в стакане, и направился к буфету за добавкой.

– Чего он хочет? – спросил провост.

Долговязый повернул голову:

– Да, Ланарк, чего вы хотите?

– Ничего.

– Он говорит «ничего», Додд.

После секундного размышления провост промолвил уныло:

– Тогда нам от него не будет никакого проку.

Возвращаясь в свое кресло, долговязый бросил:

– Во мне зарождается опасение, что вы правы. – Он улыбнулся Ланарку и сел. – Думаю, вы кончите тем, что присоединитесь к несогласным.

– Кто это такие?

– О, очень милые люди. Совершенно безвредные, ей-богу. Моя дочь – одна из них. Спорим до хрипоты. Я надеялся, что вы принадлежите к позвоночным, но вижу, что вы ракообразный. Вы найдете с несогласными общий язык: они в большинстве ракообразные. У вас вертится на языке вопрос, кто такие ракообразные. Я вам отвечу. Ракообразных, в отличие от тех же губчатых наростов или пиявок, не назовешь алчущей и чувствующей массой. У них есть четкие очертания. Но их форма определяется не позвоночником, а нечувствительной оболочкой, в которой заключено животное. В классе ракообразных вы найдете скорпиона, омара и вошь. – Он улыбнулся в стакан.

Осознав, что это оскорбление, Ланарк встал и спросил резко:

– Не скажете ли, где ванная комната?

– Третья дверь слева по пути к выходу.

Ланарк направился к двери, но на пороге обернулся:

– Вероятно, провост знает, как называется этот город?

– Конечно. Я тоже знаю. Но из соображений безопасности не скажем.

Ланарк открыл дверь, но был остановлен окликом: «Ланарк!» Обернувшись, он наткнулся на внимательный взгляд хозяина.

– Ланарк, если когда-нибудь вам захочется – как бы это сказать? – нанести удар во имя старого доброго Божественного Образа – позвоночного Образа, – дадите мне знать?

В его глазах стояли слезы. Ошеломленный, Ланарк поспешно вышел.

В коридоре было по-прежнему темно. Ланарк повернул налево и двинулся к лестнице, считая двери. За третьей оказалась не ванная, а роскошная, ярко освещенная спальня. На двуспальной кровати, поверх стеганого покрывала, катался клубок, из которого торчали головы Фрэнки, Тоула и Сладдена. Ланарк захлопнул дверь и прикрыл ладонями веки, но перед глазами стояло увиденное: клубок конечностей, три безумных пустых лица и рот Сладдена, который то открывался, то закрывался, словно бы что-то пережевывая. Ланарк сбежал по лестнице

³ Мэр.

и устремился в гардероб. Разыскивая в куче пальто на столе свой плащ, он услышал невнятный голос:

– Мне кажется, мы никогда по-настоящему друг друга не понимали.

В дверном проеме стоял, с пустой улыбкой на лице, Глопи. Ноги он держал вместе, руки по швам, жирные седые волосы и серебристая жилетка отсвечивали мокрым блеском. Ступая так, словно его бедра были склеены вместе, он сделал несколько шагов к Ланарку, затем с чавкающим звуком шлепнулся на пол, головой вперед. Он лежал в той же позе, в какой стоял, только голова резко задралась и слепо скалилась в потолок. Не двинув ни рукой, ни ногой, он внезапно заскользил по гладкому полу, приблизился к Ланарку на дюйм или два, и тут свет погас.

Темнота и тишина были настолько полными, что на мгновение Ланарк оглушило его собственное дыхание. Потом он услышал голос Глопи: «Нужно по-доброму относиться друг к другу. Почему бы нам с вами не...»

Фразу прервал холодный сквозняк, внезапно повеявший снизу и принесший с собой соленое зловоние, похожее на запах гнилых водорослей. Ланарк ощутил, что находится на краю ужасной ямы. У него закружилась голова, и он скорчился на полу, боясь упасть, если пошевелит ногой. Во все той же темноте он сидел на корточках очень долго.

Наконец в дверном проеме забрезжил свет из холла. На его фоне возникла дородная фигура, что-то пробурчала и включила свет. Это был провост Додд. Разбитый, чувствуя себя полным дураком, Ланарк встал.

– Глопи. Он исчез. Глопи исчез!

Провост оглядел комнату, словно Ланарка там не было, и пробормотал:

– Невелика потеря, сказал бы я.

Ланарк проникся ощущением, что каждый шаг в этой комнате может завести в невидимую ловушку. С трудом удерживаясь от того, чтобы побежать, он добрался до двери.

– Подождите, – окликнул его провост.

Прежде чем обернуться, Ланарк ступил в холл. Провост выпятил нижнюю губу, бросил хмурый взгляд на свои ботинки и сказал:

– Вы пришли с девушкой. Волосы у нее черные, одета была в черный свитер и юбку... юбку... Цвет забыл.

– Черную.

– Вот-вот. Не знаете ли, где она?

– Нет.

Провост посмотрел на него внимательно и отвернулся, вяло повторяя:

– Ну ладно, не важно. Не важно.

Хлопнув дверью, Ланарк поспешно выскочил на улицу.

Глава 5. Рима

Снаружи был туман. Подсвеченный из окон, он окутывал дом молочно-белым коконом, но дальше царил непроглядная тьма, и Ланарку пришлось двигаться по аллее наугад, не имея других ориентиров, кроме скрипа гравия под ногами и прикосновений к рукам и лицу заиндевевших листьев.

По тротуару идти было проще: над головой горели уличные фонари. Шаги звучали гулко во влажном воздухе, но минут через пять Ланарк понял, что это не эхо, а стук каблуков человека, идущего следом. По спине пробежал тревожный холодок. Ланарк приблизился к ограде и стал ждать. Неизвестный помедлил, но затем уверенно продолжил путь. Сквозь пелену тумана проступила тень и сгустилась до необычной черноты; в тонкой черной фигуре Ланарк узнал Риму, которая проскользнула мимо, едва коснувшись его взглядом. С обрадованным криком «Рима, это я!» он припустил следом.

– Вижу.

– Тебя ищет провост Додд.

– Кто такой провост Додд?

Вопрос был задан, казалось, с целью не поддержать беседу, а положить ей конец. Шагая за Римой, Ланарк думал о сцене в спальне с участием ее друзей. Это воспоминание больше не ужасало его. Разговор с блондинкой, исчезновение Глопи, туман – все сплелось воедино с подсмотренной сценой. От нее на Риму падал отсвет волнующих и опасных сексуальных возможностей. Неожиданно Ланарк спросил:

– Тебе понравилась вечеринка?

– Нет.

– Чем ты занималась?

– Если тебе необходимо знать, я большую часть времени провозилась в ванной с Гэй. Ей было очень плохо.

– Отчего?

– Не хочу с тобой об этом говорить.

– Ты вообще не хочешь со мной разговаривать?

– Не хочу.

Сердце и penis Ланарка окаменели в злом изумлении. Схватив ее за руки и повернув к себе, он мягко спросил:

– Почему?

Рима заглянула ему в глаза и прокричала:

– Потому что я тебя боюсь!

Он вздрогнул от стыда и усталости. Отпустил Риму, пожал плечами и пробормотал:

– Что ж, может, это мудро с твоей стороны.

Пройдя еще немного, Ланарк с удивлением обнаружил, что Рима шагает рядом.

– Прости.

– Не извиняйся. Наверное, я опасный человек.

Она было рассмеялась, но тут же умолкла и взяла Ланарка под руку. Легкое пожатие ее руки дало ему уверенность и силу.

Они дошли до угла. Туман был очень густой. Впереди, в нескольких футах, прогремел трамвай, но разглядеть его было невозможно.

– Где твой плащ? – спросила Рима. – Ты дрожишь.

– Ты тоже. Повел бы тебя попить кофе, но не знаю, где мы находимся.

– Пойдем лучше со мной. Я живу неподалеку, и еще я стащила с вечеринки бутылочку бренди.

– Не следовало этого делать.

Рима резко выдернула руку.

– Ты – долговязый, мокрый, занудистый тип!

Ланарк был задет.

– Рима, у меня нет ни особого ума, ни воображения. У меня есть только несколько жизненных правил. Умных людей, способных прожить без правил, они могут раздражать, но таков уж я есть, так что не ругай меня.

– Ладно, прости-прости-прости. Похоже, тебе достаточно дохнуть, чтобы я начала извиняться.

Они обогнули угол.

– Но я способен и напугать тебя, – произнес Ланарк.

Рима молчала.

– А также насмешить.

Слегка усмехнувшись, Рима снова взяла его под руку.

Они очутились как будто в переулке, среди низеньких зданий, похожих на личные гаражи. Рима отперла дверь, поднялась с Ланарком по крутой деревянной лестнице и включила свет. Судя по ее строгим манерам и одежде, Ланарк ожидал увидеть самую простую обстановку. Но в маленькой пустоватой комнате со скошенным потолком имелось немало индивидуальных черт, отдававших печалью. Стены украшали карандашные рисунки, где неумелой детской рукой были изображены зеленые поля и голубые моря. Часы (никаких других Ланарку не вспоминалось) были вырезаны и раскрашены под бревенчатую хижину, внизу свисали маятник и золоченая гирька в форме еловой шишки. Стрелки отсутствовали. На комод лежала гитара без струн, на постели, представлявшей собой матрас на полу у стены, сидел игрушечный медвежонок. Щелкнув выключателем электрического радиатора, Рима повесила на крючок пальто и удалилась в крохотную, размером с буфет, кухню, где начала колдовать с чайником и газовой горелкой. Не обнаружив в комнате стульев, Ланарк уселся на пол и прислонился к постели. Радиатор так быстро нагрел воздух, что вскоре Ланарк снял с себя влажный от тумана пиджак и шерстяной джемпер. Тепло пропитало его кожу, но не достигло еще внутренностей, которые все так же трясло. Явилась Рима, неся две большие кружки черного кофе. Она уселась на постель, поджав под себя скрещенные ноги, и со словами «От этого ты, наверное, не откажешься» протянула Ланарку кружку.

Аромат кофе был заглушен вкусом сахара и бренди.

Позднее Ланарк, убоготоренный и слегка пьяный, растянулся на постели. Рима сидела с закрытыми глазами, опираясь спиной о стену и баюкая на коленях медвежонок.

– Ты была ко мне очень добра, – сказал Ланарк.

Рима погладила потрепанную игрушку по голове. Ланарк попытался придумать тему для беседы.

– Давно ты в этом городе?

– Что значит «давно»?

– Приехала сюда совсем маленькой?

Она пожала плечами.

– Помнишь время, когда дни были долгими и ясными?

Из-под сомкнутых ресниц Римы потекли слезы. Ланарк тронул ее за плечо.

– Можно, я тебя раздену?

Она разрешила. Расстегивая ее бюстгальтер, он нащупал знакомое затвердение.

- У тебя драконья кожа! На лопатках!
- Это тебя возбуждает?
- У меня она тоже есть!
- Она выкрикнула резко:
- Думаешь, это нас связывает?

Чувствуя, что слова расширяют пропасть между ним и Римой, Ланарк затряс головой и приложил к губам палец. Он страстно желал подарить ей столь необходимую, хотя и отвергаемую нежность, и потому его ласки вначале были неуклюжими, пока любовный пыл не заставил его забытья.

Потом он почувствовал облегчение и захотел спать. Он слышал, как Рима рывком поднялась и начала одеваться.

- Ну? Позабавился? – спросила она коротко.
- Он попытался обдумать ответ, затем произнес вызывающе:

- Да. Очень даже.
- Рада за тебя.

В Ланарке возникло и стало усиливаться ощущение кошмара. Он слышал голос Римы:

- В сексе ты не гигант, так ведь? Лучше Сладдена мне, наверное, никто не попадался.
- Ты мне говорила, что... что ты не любишь... Сладдена.

- Не люблю, но иногда использую. А он использует меня. Мы с ним очень холодные люди.
- Почему ты меня пригласила?

– Ты так хотел быть горячим, что я подумала: а вдруг? Но ты так же холоден, как все мы, и еще больше на этом заиклен. Наверное, потому ты такой неловкий.

Он уже утонул в океане кошмара, спустился на самое его дно, но все же дышал.

- Ты хочешь убить меня, – сказал он.
- Да, но не получится. Ты ужасно крепкий.

Закончив одеваться, Рима живо похлопала Ланарка по щеке.

- Давай. Не извиняться же мне перед тобой в очередной раз. Вставай и одевайся.

Пока он медленно одевался, она стояла, прислонясь спиной к комоду, и смотрела, потом неумолимым тоном произнесла:

- До свидания, Ланарк.

Оцепеневший, он ничего не чувствовал, но задержался, тупо глядя ей в ноги. Она повторила: «До свидания, Ланарк!» – схватила его за руку, отвела к порогу, вытолкала и захлопнула дверь.

Ланарк ощупью спустился. Внизу его остановил стук открывшейся двери и оклик «Ланарк!». Он оглянулся. Нечто темное, крутясь в воздухе, свалилось на его голову и окутало ее тяжелыми складками. Дверь захлопнулась. Стащив с себя упавшую вещь, Ланарк обнаружил, что это куртка из овчины. Он повесил ее на внутреннюю ручку входной двери, вышел в переулок и зашагал прочь.

Вскоре плотный леденящий туман и стывшие мозг и тело Ланарка перемешались и образовали одно целое. В этой оболочке он двигался по улицам; ноги, ступавшие где-то внизу, продолжали нести вперед онемевшую душу. Единственным ясным его ощущением был зуд в правой руке, и время от времени он останавливался, чтобы через рукав поскрести ее об угол стены. Все чаще слышался грохот и мимо проплывали огни трамваев. Перейдя очередную улицу, Ланарк вздрогнул: между ним и высоким фонарем воздвиглась какая-то фигура сложных очертаний. Вблизи он различил королеву в платье со шлейфом, которая сидела боком на вставшей на дыбы лошади. Это была статуя, украшавшая обширную площадь. Ланарк поду-

мал, не зайти ли погреться в контору службы обеспечения, но решил, что надо бы выпить чего-нибудь горячего. Он пересек еще несколько улиц и увидел наконец над самым тротуаром красную неоновую вывеску. За дверью с колокольчиком располагалась ароматная табачная лавчонка, далее – лестница, спустившись по которой Ланарк достиг чайной Галлоуэя. Это было низкое помещение, по площади значительно превосходившее табачную лавку. Большую его часть занимали ниши, иные из которых были проходными; в каждой имелись софа, стол, стулья и оленья голова, изображенная на декоративной тарелке. Заказав чай с лимоном, Ланарк сел на краешек софы и погрузился в сон.

Проснулся он не скоро. Стакан чая на столе давно остыл. Ланарк прислушивался к разговору двух бизнесменов. Толстый коричневый занавес, отделявший его софу от места, где они сидели, находился в каком-нибудь дюйме от его уха. Им, очевидно, было невдомек, что кто-то их подслушивает.

– ...Додд на нашей стороне. В конце концов, у Корпорации нет других задач, кроме как освещать улицы и обеспечивать движение трамваев, а эти услуги не окупаются. Их необходимо субсидировать, продавая муниципальную собственность, так что Додд продает, а я покупаю.

– Что же ты собираешься с нею делать?

– Передавать в субаренду. Если самое маленькое из этих помещений разделить перегородками из шпунтованных досок, можно получить шестнадцать отдельных квартир. Я измерял.

– Не сходи с ума! Думаешь, кому-то захочется снять крохотную квартирку только потому, что она на площади? Что толку быть домовладельцем, если треть города стоит пустая.

– Пока толку никакого. Я думаю сдавать их в аренду позже.

– Не говори загадками, Эйтчесон. Мне ты можешь доверять.

– Ладно. Тебе известно, что численность населения сейчас меньше, чем прежде. Она непрерывно уменьшается – ты это осознал?

– Почему?

– Ты знаешь почему.

Наступило молчание.

– Как насчет вновь прибывающих?

– Их не хватает. Ты живешь в отеле, так ведь?

– Конечно.

– Конечно. Я тоже. В отеле никто не замечает исчезновений. Обычно ждешь, что сосед за стенкой через какое-то время исчезнет. В многоквартирном доме иначе. Вдруг исчезают соседи по площадке. Чуть позже квартира выше этажом тоже оказывается пустой. Глянь – и в половине окон напротив нет света. Это заставляет волноваться! Заметь, люди до сих пор делают вид, что не замечают. Но подожди, покуда они лишатся последнего соседа. Оставшись одни-одинешеньки, они ударятся в панику! Ломанутся в центр города, как утопающие к плоту. Если комнаты в центре будут стоять пустые, народ начнет вламываться и селиться незаконно. Но они не будут пустыми, потому что я стану сдавать их в аренду.

– Очень умно, – признал после паузы второй собеседник. – Но не слишком ли ты полагаешься на случай? Ты ставишь на тенденцию, которая может и измениться.

– Что может ее изменить?

Страшно напуганный, Ланарк поднялся на ноги. Еще недавно он говорил Сладдену, что доволен. Теперь же все, что он видел, слышал или вспоминал, усиливало панический страх. Ему отчаянно хотелось, чтобы рядом была Рима, которая бы смеялась и грустила с ним вместе; Рима, чьи страхи он помогал бы рассеять; Рима, которая бы не кидалась в него словами, подобными камням. Он заплатил за чай, вернулся к себе и разделся. Сняв пиджак и свитер, он увидел на правом рукаве рубашки запекшуюся кровь. Когда он стянул с себя рубашку, оказа-

лось, что драконья кожа покрыла всю его руку, от плеча до запястья, и даже на тыльной стороне ладони имеются пятна. Ланарк надел пижаму, забрался в кровать и заснул. По всей видимости, больше делать было нечего.

Глава 6. Рты

Не имея желания ни видетсья с кем-либо, ни что-либо делать, Ланарк погрузился в спячку, просыпаясь для того, чтобы, глядя в стенку, ждать, пока опять заснешь. Он находил мрачное удовольствие в мысли о том, что во сне болезнь распространяется быстрее. «Пусть распространяется! – думал он. – Что еще мне остается взращивать?» Но, покрыв руку и ладонь, драконья кожа дальше не пошла. Рука, правда, удлинилась на целых шесть дюймов. Пальцы сделались толще, между ними образовалась тонкая перепонка, ногти выросли и загнулись. На суставах пальцев появились красные точки вроде розочек. Похожее пятно, длиной в полтора дюйма, на локте цеплялось за простыни, поэтому спать приходилось, свесив правую руку. Особых неприятностей она не доставляла, поскольку ничего не чувствовала, действовала же мгновенно и желания выполняла чуть ли не раньше, чем он успевал их сформулировать. Бывало, он обнаруживал у самых своих губ стакан воды и только тут осознавал, что хочет пить. В трех случаях он, еще не проснувшись, стучал по полу, и миссис Флек неслась вверх с чашкой чаю. Ланарк смущался и сказал ей, чтобы она не обращала внимания на стук.

– Нет-нет, Ланарк, – возразила миссис Флек, – то же было и с моим мужем, пока он не исчез. Не обращать внимания нельзя.

Он поблагодарил. Миссис Флек покомкала свой передник, будто вытирая об него руки, и неожиданно произнесла:

– Можно задать тебе один вопрос?

– Конечно.

– Почему бы тебе не подняться, Ланарк, и не поискать себе работу? Таким же манером, – она кивком указала на его руку, – я потеряла мужа и двух жильцов. Все они под конец залегли в постель, и все до одного были приличные тихие люди, вроде тебя.

– Зачем мне вставать?

– Не люблю об этом говорить, но у меня тоже есть болезнь – правда, не такая, как твоя, – хотя она не заходит далеко, потому что я всегда при деле. Сначала был муж, потом жильцы, и, наконец, эти треклятые сосунки. Как пить дать, если ты встанешь и пойдешь на работу, руке станет лучше.

– Где мне искать работу?

– На ковочном заводе напротив требуются люди.

– Хотите, чтобы я делал детали для Кью – тридцать девять, – с хриплым смешком отозвался Ланарк.

– Понятия не имею, что там за работа на заводе, но если люди получают деньги и занятие, то жаловаться не приходится.

– Как работать с такой рукой?

– Я скажу как. У моего мужа была та же неприятность и с той же рукой. Я связала для него толстую шерстяную перчатку и посадила на подкладку из замши. Он ее ни разу не надел. Но если ты наденешь ее с курткой, никто не заметит, а раз так, то о чем волноваться? Таких людей, с руками вроде клешней, полным-полно.

– Я подумаю, – пообещал Ланарк.

Что-нибудь добавить ему помешала рука, поднесшая к губам чайную чашку.

Иногда дети играли на полу в его комнате. Ланарку это нравилось. Они шумели, но никогда не объясняли смысл жизни, не уговаривали его чем-нибудь заняться; видя их себялюбие, он не чувствовал себя таким порочным. В их присутствии он стыдился своей большой руки и прятал ее под одеяло, но однажды, проснувшись, он обнаружил, что рука ничем не прикрыта и дети, сидя на корточках, ее рассматривают. Мальчик заметил с восхищением:

– Ты мог бы ею кого-нибудь убить.

Ланарк был пристыжен: его посещала та же мысль. Он спрятал руку и пробормотал, не очень уверенно, что иметь две человеческие руки было бы лучше.

– Да, но не в драке, – сказал мальчик.

Ланарк обнаружил, что конечность начала его зачаровывать. На самом деле она была не черная, а темно-темно-зеленая. Как часть человеческого тела она казалась пораженной болезнью, но сама по себе выглядела вполне здоровой: отливавшая холодным блеском кожа, колючие красные суставы пальцев и локоть, стальные загнутые когти. Он воображал себе, каких бед мог бы наделать с ее помощью. Ему представлялось, как он входит в «Элиту» и, пряча руку под курткой, направляется напрямик к клике Сладдена. С кривой улыбкой их оглядев, он извлекает вдруг свою конечность. Сладден, Тоул и Макпейк вскакивают на ноги, а он укладывает их размашистыми боковыми ударами, потом загоняет в угол орущих девиц и сдирает с них одежду. Далее образы путались, поскольку одна фантазия, не успев достигнуть кульминации, уступала место другой. После таких мечтаний он погружался в отвратительное уныние и хандру. Однажды Ланарк поймал себя на том, что поглаживает холодную правую руку пальцами левой и приговаривает: «Когда я стану таким весь...» Но, сделавшись таким целиком, он бы ничего не чувствовал, поэтому он вспоминал Риму – в те минуты, когда она бывала доброй: как в грузовике она прикоснулась к нему и попросила прощения, как они танцевали в обнимку, как она рассмеялась в тумане и взяла его под руку, как сварила кофе и даже как бросила ему куртку. Этих воспоминаний, однако, было недостаточно, чтобы вернуть себе человеческие чувства, и Ланарк вновь начинал любоваться своей драконьей конечностью и, восхищаясь ее холодной силой, засыпал.

Однажды он с громким криком пробудился от боли. В комнату вбежала миссис Флек. На боку, сквозь прореху в пижамной куртке, виднелась рваная рана, кровь из нее заливала одеяло. Прикусив, чтобы не кричать, сустав пальца на левой руке, Ланарк пожирал глазами окровавленные когти правой. Миссис Флек унеслась за бинтами и водой, но, когда она вернулась, рану уже затянуло драконьей кожей и Ланарк сидел в постели, одеваясь.

– Вы рассказывали о перчатке. Можно мне ее взять?

Миссис Флек вернулась в прихожую и вынула из шкафа перчатку мужа и старый дождевик. Надев на себя, с ее помощью, то и другое, Ланарк вышел из дома.

На улице лежал снег, но редкий дождичек превращал его в кашу. Прежде Ланарк нашел убежище в постели, поскольку его отвращали все другие возможности, теперь же сон сделался опасен и ему ничего не оставалось, как пуститься в путь по улицам, выбирая те, где меньше было снежного месива. Ноги вновь привели его на площадь. В доме, тянувшемся вдоль одной ее стороны, окна на цокольном этаже были освещены, и оттуда доносился стук молотка и скрип пилы. За распахнутой арочной дверью виднелся выложенный мрамором вестибюль, а в его центре – красная деревянная будка. Она была залеплена плакатами, гласившими: «ВРЕМЕНИ У ТЕБЯ НЕМНОГО – ПРОТЕСТУЙ СЕЙЧАС». Слова, казалось, были обращены к нему, поэтому он пересек мраморный пол и вошел в будку.

Внутри сидели за конторкой, раскладывая по конвертам какие-то брошюры, худой бородатый мужчина в воротничке священника и старуха с седыми встрепанными волосами. За столом позади них стремительно печатал на машинке молодой человек с густой шевелюрой. Присевшая на стол привлекательная девушка лениво щипала струны гитары. Когда Ланарк приблизился к конторке, старая женщина оперлась подбородком на сложенные ладони и ободряюще улыбнулась. После недолгого колебания Ланарк тихо произнес:

– Я напуган тем, что со мной происходит.

Старуха энергично закивала.

– Да! Неудивительно! Если вы оглядывались вокруг, то должны понять, что времени у нас немного.

– Что я могу сделать?

– Прежде всего, необходимо открывать другим глаза на опасность. Когда нас будет большинство, мы сможем действовать. Не возьметесь ли раздавать наши брошюры?

– От этого не будет проку. Видите ли, моя рука полностью...

– О да, мы понимаем! И рады, что вы пришли, даже так. Не думайте, пожалуйста, что нам все равно. Нам очень даже не все равно – оттого мы и затеяли эту кампанию. Но на подобные беды личного характера существует лишь один ответ – прилежный труд ради достойного дела. Уверена, если вы спокойно сядете и будете подписывать конверты, то сами удивитесь тому, насколько это поможет.

Стянув перчатку, Ланарк продемонстрировал женщине свою правую руку. Приятное круглое лицо женщины покраснело, однако она, не отводя взгляда, улыбнулась.

– Видите ли, единственное лечение этих... личных... заболеваний – солнечный свет. Который наша партия старается восстановить. Искусственно вздутые цены на землю в центре города привели к тому, что горизонт сплошь застроен и солнце над ним едва показывается. Как только мы будем в большинстве, мы убедим власти действовать.

Пышноволосяй молодой человек оторвался от машинки, чтобы скрутить себе сигарету. Он сказал:

– Чушь. Если бы даже у нас было большинство, ситуация бы не изменилась. Городом правят его владельцы. Девять десятых наших заводов и жилых домов находятся в собственности кучки дельцов и домовладельцев, а бюрократия и органы правопорядка за деньги обслуживают их интересы. Они – меньшинство, но они у власти. Зачем же нам ждать, пока нас станет больше? Если считать по головам – мы уже в большинстве.

Девушка, оторвавшись от гитары, произнесла:

– Я думаю, что ты слишком суров к правящему классу. Они нутром чувствуют несправедливость и неповоротливость системы. У самых умных она уже сидит в печенках, и они присоединяются к нам. Я вот тоже присоединилась. Мой папа – бригадный генерал.

– У нас представлен широкий спектр взглядов, – встревоженно вмешалась седая женщина, – но все мы согласны в одном: нам нужен солнечный свет. Вам он тоже нужен, а раз так, то почему бы не вступить в наши ряды?

Она смело улыбнулась в ответ на долгий взгляд Ланарка, но потом, пожав плечами, снова занялась конвертами. Священник, ее сосед, наклонился к Ланарку и проговорил вполголоса:

– Вы на краю провала, так ведь? – Несмотря на бороду, лицо его выглядело по-детски взволнованным. Над правой бровью синело пятно, похожее на кровоподтек. – Люди в нашей организации видят провал издали, поэтому надевайте свою перчатку, мы ничем вам не поможем.

Закусив нижнюю губу, Ланарк надел перчатку. Священник добавил:

– Если выберетесь наружу, то, надеюсь, все равно присоединитесь к нам. Тогда мы не будем вам нужны. Но вы, несомненно, будете нужны нам.

– Не знаю, о чем вы, – вяло отозвался Ланарк и направился к выходу.

Он пересек площадь и зашагал к «Элите», так как не мог думать ни о каком другом месте, а кроме того, там могла быть Рима. Моменты, когда она бывала добра, сделались единственным источником тепла в холодном пространстве, где перемещался Ланарк. А еще у Римы тоже была драконья кожа, и хотелось узнать, как с ней обстоит дело. Прыгая через сточные канавки, утопая в исчерченном бороздами талом снегу, он рванулся туда, толкнул стеклянную дверь фойе, кинулся наверх – в кафе было пусто. Ланарк остановился в дверном проеме и, не веря

своим глазам, обвел взглядом помещение, где не было не только посетителей, но даже приросшего к своему месту человека за стойкой. Ланарк повернулся и начал спускаться по лестнице.

С площадки между этажами он заметил внизу, в фойе, девушку, которая покупала в кассе сигареты. Это была Гэй. Окликнув ее, Ланарк поспешил вниз. Она выглядела побледневшей и исхудавшей, но откликнулась удивительно живо и быстро потянулась, чтобы поцеловать его в губы.

– Где ты пропадал, Ланарк? Что за таинственное исчезновение?

– Лежал в кровати. Пойдем со мной наверх.

– Наверх? Там теперь никто не бывает. Ужасное место. Мы ходим в нижнее кафе, где мягче освещение. – Гэй указала на толстый красный занавес – Ланарк думал, что за ним находится вход в кинозал. Она потянула занавес со словами: – Пойдем к нам. Здесь вся старая компания.

За занавесом было черным-черно.

Ланарк заметил:

– Здесь совсем нет освещения.

– Просто у тебя глаза еще не привыкли.

– А Рима там?

Отпустив занавес, Гэй отозвалась смущенно:

– Я ее не видела как будто... со дня празднования моей помолвки.

– Значит, она дома?

– Наверное.

– Не скажешь ли, как туда добраться? Когда я там был, стоял туман, и теперь мне не найти дорогу.

Лицо Гэй внезапно постарело. Она сложила руки, наклонила голову, смерила Ланарка косым взглядом и еле слышно произнесла:

– Я могла бы тебя проводить. Но Сладден будет недоволен.

– Проводи, Гэй, будь добра! Она помогла тебе тогда, на вечеринке. Боюсь, с ней тоже что-то неладно.

Гэй скользнула по нему взглядом одновременно лукавым и испуганным.

– Сладден послал меня за сигаретами, а он терпеть не может ждать.

Ланарк заметил, что его драконья рука сжалась, чтобы ударить Гэй. Он затолкал ее в карман, где она стала корчиться, как краб. Гэй ничего не заметила. Она протянула задумчиво:

– Ты очень сильный, Ланарк. Я могу с тобой пойти, если ты меня поддержишь. Но Сладден ни за что не простит.

Гэй ступала так неуверенно, что Ланарку пришлось поддерживать ее, обнимая за талию здоровой рукой. Вначале они шли быстро, потом давление на руку начало увеличиваться. Ноги Гэй скользили на асфальте, и с каждым шагом двигаться становилось труднее, словно ее связывала с исходной точкой резиновая веревка. Ланарк помедлил под фонарем, чтобы отдышаться. Гэй обвила рукой фонарный столб, удерживаясь на месте. Лицо ее было безмятежно. Она бросила на Ланарка косой робкий взгляд.

– У тебя на правой руке перчатка. А у меня – на левой!

– Ну и что?

– Если ты покажешь мне твою болезнь, то я покажу тебе мою!

Ланарк открыл было рот, собираясь сказать, что не интересуется ее болезнью, но Гэй поспешно стянула свою меховую перчатку. От удивления он онемел. Он ожидал увидеть драконьи когти, похожие на его собственные, но увидел только красивую маленькую ручку с белой кожей. Пальцы были слегка согнуты, и Гэй выпрямила их, показывая ладонь. Ланарк не сразу

понял, что там такое. Это был рот, саркастически улыбающийся рот. Он открылся и едва слышно пропищал: «Ты пытаешься во всем разобраться, и мне это интересно».

Это был голос Сладдена. «Я в аду!» – шепнул Ланарк. Рука Гэй упала. Ланарк увидел, что ноги девушки висят в воздухе, приблизительно в дюйме от асфальта. Тело ее болталось, словно было привешено к крюку, пропущенному через мозг, губы глупо и бессмысленно улыбались, челюсть отвисла, а слова вылетали изо рта, не сопровождаемые артикуляцией. Слабое эхо, как в пещере, не помешало узнать голос Сладдена, бойко вещавший: «Пришло время нам вновь сойтись, Ланарк»; а тот же, но слабенький голосок взвизгнул в ладони: «Ты слишком беспокоишься о чем не надо».

– О-о! – пробормотал Ланарк. – Я в аду!

Он попятился, зажав себе рот обеими руками – голой и в перчатке – и не спуская глаз с болтавшейся в воздухе Гэй. Как предмет, насаженный на проволоку, она дернулась и тоже заскользила прочь, по направлению к кафе, сначала медленно, потом быстрее. Бессмысленно улыбавшееся лицо уменьшалось, пока не сделалось точкой.

Он повернулся и бросился бежать.

Он бежал не разбирая дороги, пока не поскользнулся и не шлепнулся в снежное месиво, ушибив бедро и плечо и промочив брюки. Когда он поднялся, на смену испугу пришло отчаяние. Ему страстно хотелось покинуть этот город, но при том он не сомневался, что улицы, здания и больные люди простираются бесконечно во всех направлениях. Вблизи находилась ограда, за нею виднелся не раскисший под дождем сугроб. Оттуда торчало два или три голых дерева. Деревья и снег манили свежестью, и Ланарк, не удержавшись, перебрался через ограду и побрел между стволами. В свете оставшихся за спиной уличных фонарей слабо вырисовывался склон холма, который, как кладбище, был поделен на участки. На бледном снежном покрывале стояли черные надгробия, и Ланарк обходил их, поражаясь тому, что земля в этом месте некогда поглощала людей естественным образом. Он достиг тропы со скамьей на обочине, рукавом смахнул с сиденья снег, опустился на колени и трижды крепко приложился лбом, из самых глубин души извергая крик: «Выпусти меня! Выпусти меня! Выпусти меня!» Он тут же поднялся, оглушенный ударами, но равнодушный к промокшему платью и боли во всем теле. Странная бодрость охватила его. На вершине холма среди обелисков виднелось желтое зарево, которое выхватывало из темноты где основание, а где силуэт, и Ланарк побежал туда.

Склон наверху был необычайно крутой, и несколько раз Ланарк, взбежав, скатывался назад, пока не ухитрился между двух памятников ввалиться на плоское место. Вершина холма представляла собой круглый участок с обелисками по краю и в центре. Они были старые, высокие, с надписями, выгравированными на пьедесталах. Его ошеломил свет, который, судя по всему, исходил от устойчивого огня, не поднимался выше пяти футов от земли и не отбрасывал тени. Обойдя центральную группу памятников, Ланарк не обнаружил его источник. Наиболее ярко был освещен пьедестал, расположенный там, где Ланарк вошел в круг, – там он и стал искать разгадку. Это был мраморный блок, возведенный работниками и дирекцией ковочного завода «Теркс-роуд» как знак благодарности доктору за верность фирме и ценное сотрудничество с 1833 по 1879 год. Вторично перечитывая эту надпись, Ланарк заметил в центре камня расплывчатую тень. Обернулся посмотреть, что за предмет ее отбрасывает, но ничего не увидел. При новом взгляде тень напомнила ему птицу с распростертыми крыльями. Однако тень сгущалась, и Ланарку стало ясно, что она принимает форму рта, шириной три фута, с ровной, спокойной линией сомкнутых губ. Его сердце возбужденно забило – явно не от страха. Окончательно сформировавшись, губы разомкнулись и заговорили. Подобно тому как одиночный

яркий луч слепит глаза, не рассеивая тьму в комнате, так и этот голос звучал пронзительно, вовсе не будучи громким. Он так раздирал уши, что Ланарк во время речи не понял ни единого слога, однако вспомнил все, когда наступила тишина. Рот произнес: «Я – выход».

– Что это значит? – спросил Ланарк.

Губы сомкнулись в линию, словно бы начерченную на камне, и быстро спустились к земле, скользнув по выступам цоколя так же непринужденно, как скользит тень чайки по поверхности водопада. Линия метнулась по снегу и остановилась, открывшись овальной ямой у ног Ланарка. Края губ лежали на снегу легкой тенью, но далее следовал крутой изгиб, а ниже виднелись превосходные зубы. Из темноты между рядами зубов повеяло холодным ветром с соленым запахом гниющих водорослей, а затем горячим, отдававшим жареным мясом. От страха голова у Ланарка пошла кругом. Ему вспомнился рот в ладони Гэй, за которым не было ничего, кроме холодного человека, говорившего гадости людям в темной комнате. Он спросил:

– Куда ты ведешь?

Рот сомкнулся и начал расплываться с уголков. Увидев, что рот сейчас исчезнет и оставит его на верхушке холма, в городе настолько бесцветном и одиноком, что подобного ему в яме быть не должно, Ланарк крикнул:

– Стой! Я иду!

Рот снова приобрел четкую форму. Ланарк смиренно спросил:

– Как мне идти?

Последовал ответ. Когда стихла боль в ушах, Ланарк его понял:

– Обнаженным, головой вперед.

Снять плащ и пиджак оказалось непросто, потому что на его боку выросли колючки, пронзившие одежду. Сорвав ее с себя и швырнув на землю, он взглянул на рот, терпеливо лежавший открытым. Потер себе лицо здоровой рукой и сказал:

– Боюсь бросаться вниз головой. Лучше я встану спиной и опущусь на руках, а если мне будет страшно разжать руки, то, надеюсь, ты окажешь мне милость и позволишь висеть, пока не упаду.

Он всмотрелся: рот не дрогнул. Сев на рваный плащ, Ланарк снял ботинки. От страха он долго провозился и, боясь не успеть, не стал дальше раздеваться и подошел ко рту. Горячее дыхание, чередовавшееся с холодным, растопило вокруг снег до краев темного мокрого гравия. Быстрым движением, чтобы не думать, Ланарк сел, опустил ноги в рот, схватился за противоположный ряд зубов и стал скользить, пока не повис на руках. Правая был длиннее левой, поэтому он повис на ней одной и ожидал, под напором воздуха, то горячего, то холодного, пока она устанет и разожмется. Она не разжималась. Когти вцепились в большой резец, словно бы ввинтились в него, а когда Ланарк попытался освободиться, конечность начала сокращаться, выталкивая его к овалу темного неба между зубов. На мгновение его голова и плечи высунулись наружу, но он взревел:

– Закрывайся! Закрывайся!

Темнота с шумом захлопнулась, и Ланарк упал.

Пал он недолго. Пещера подо ртом сузилась, перейдя в пищевод, по которому он покатился, стучаясь о стенки, тормозимый одеждой и колючей рукой. Стенки начали сжиматься и раздвигаться, в первом случае нагреваясь, а во втором – охлаждаясь, так что спуск превратился в чередование холодных падений и жарких задержек. Давление и жара росли, застревал он все прочнее, пока не начал брыкаться. Вдруг он свободно повалился вниз, но пролетел не больше нескольких футов. Следующая задержка сопровождалась такой удушающей теснотой, что невозможно было шевельнуть ни рукой ни ногой. Ланарк открыл рот, чтобы закричать, и туда набились шерсть и материя – его задравшиеся фуфайка, рубашка и шерстяная кофта.

Он задыхался. Описался. Хватка ослабела, он заскользил вниз, а одежда – вверх, освобождая рот и нос, но затем стенки сжались еще теснее, чем прежде. Он лишился едва ли не всех своих чувств. Не осталось ни мыслей, ни воспоминаний, не ощущались ни зловоние, ни жара, ни верх, ни низ – ничего, кроме сжатия и временной протяженности. Казалось, целые города навалились на него всей тяжестью, и тяжесть эта от секунды к секунде удваивалась; время, пространство, разум кончились бы, если б он не двигался, однако прошла вечность с тех пор, как он в последний раз пошевелил пальцем или поднял веки. И тут он почувствовал себя бесконечным червем в бесконечной тьме, который растягивался и растягивался и никак не мог отпрыгнуть душивший его комок.

Далее ничто вокруг уже не было важно. Боков Ланарка касались руки, бережно мывшие их губкой и вытиравшие. Свет был слишком резкий, чтобы открыть глаза. Кто-то шепнул несколько слов, кто-то негромко рассмеялся. Наконец он едва-едва приоткрыл веки. Он лежал голый в постели; гениталии прикрывало чистое полотенце. У его ног стояли две девушки в белом и маленькими серебряными ножничками подстригали ему ногти на ногах. Между их склоненными головами он разглядел часы на стене – большой белый циферблат, на котором вращалась тоненькая алая секундная стрелка. Ланарк скосил глаза вправо. Из плеча росла самая обычная, пристойная человеческая конечность.

Глава 7. Институт

Есть давали неизменно рыхлое белое мясо, похожее на рыбу, или более плотное, похожее на куриное грудку, или бледно-желтое, похожее на паровой омлет. Еда была абсолютно безвкусная, и Ланарк обычно оставлял на тарелке половину и без того небольшой порции, но чувствовал себя необычайно хорошо и был полон сил. Стены в комнате были цвета молока, паркетный пол блестел. С одной стороны стояло пять кроватей с голубыми покрывалами, Ланарк помещался на средней, напротив другой стены, в которой было прорезано пять арок. За арками виднелся коридор с большим окном, закрытым белой венецианской шторой. Над центральной аркой висели часы с циферблатом, поделенным на двадцать пять часовых отрезков. В половину шестого включался свет, появлялись две санитарки с горячей водой и принадлежностями для бритья и заправляли постель. В шесть, двенадцать и восемнадцать они привозили еду в шкафчиках с колесиками. В девять, пятнадцать и двадцать два санитарка приносила чай, мерила Ланарку температуру и, несколько бесцеремонно хватая его руку, считала пульс. В двадцать два с половиной неоновые трубки на потолке бледнели, свет просачивался только сквозь шторы в коридоре. Это был жемчужный подвижный свет из нескольких источников – все они перемещались, делаясь то бледнее, то ярче. Для уличного движения огни проплывали слишком размеренно, и можно было предположить, что источник находится очень далеко. Ланарка это зрелище успокаивало. Каждый из столбов, поддерживавших арки, отбрасывал в комнату по нескольку теней разной густоты, которые двигались справа налево или слева направо с различной, но небольшой скоростью. Смутное, ритмичное, но нерегулярное движение этих теней ободряюще контрастировало с ужасным черным давлением, которое все еще вспоминалось Ланарку, стоило ему прижаться щекою к подушке. Однажды утром он спросил санитарку, заправлявшую постель:

- Что находится там, за окном?
- Пейзаж, только и всего. Многие мили пейзажа.
- Почему шторы никогда не поднимают?
- Тебе не выдержать этого вида, Бровастик. Мы, здоровые, и то не выдерживаем.

Они начали звать его Бровастиком. Он изучил свое лицо в зеркальце для бритья, размером в каких-нибудь два квадратных дюйма, и заметил в бровях седые волоски. Задумчиво откинувшись на подушку, он спросил:

- Сколько бы вы мне дали на вид?
- Чуть за тридцать, – отозвалась одна из санитарок.
- Далеко не младенец, во всяком случае, – добавила другая.

Хмуро кивнув, Ланарк произнес:

- А совсем недавно мне было на десяток лет меньше.
- Что ж, Бровастик, такова жизнь, правда?

В то утро Ланарка посетил специалист: лысый мужчина в белом халате и полукруглых очках без оправы. Он стоял у постели и изучал Ланарка с мрачно-серьезным видом, но в глазах у него играли чертики.

- Вы меня помните? – спросил он.
- Нет.

Доктор потрогал кусочек пластыря у себя на подбородке и сказал:

– Три дня назад вы стукнули меня кулаком, в это самое место. Да уж, вы отчаянно боретесь при появлении. Простите, что только сейчас нашел время вас посетить. Персонала не хватает, потому мы занимаемся серьезными случаями, а совсем безнадежные и выздоравливающие, можно сказать, брошены на произвол судьбы. Вы уже способны дойти до туалета?

- Да, если держаться за кровати и стены.
- Спите вы, наверное, до сих пор беспокойно?
- Нет, более или менее.

– Вы быстро поправляетесь. Если бы вы, как полагается, разделись и прыгали головой вперед, то были бы уже на ногах. Пока вы выздоравливаете после тяжелого шока, так что избегайте волнения. Нет ли у вас каких-нибудь пожеланий?

- Не дадите ли что-нибудь почитать?

Доктор скрестил руки, сунув ладони под мышки, и поджал губы, отчего сделался похож на фигурку китайского мандарина.

– Попытаюсь, но не обещаю. С начала Второй мировой войны наш институт был изолирован. Попадают сюда только одним путем, и взять с собой багаж невозможно – в этом вы убедились сами.

- Но ваши санитарки – молодые девушки!

– Ну и что?

– Вы сказали, что это место изолировано.

– Да. Мы набираем персонал из бывших пациентов. Надеюсь, вы тоже вскоре к нам присоединитесь.

- Когда мне станет лучше, я намерен отсюда уйти.

– Это легче сказать, чем сделать. Через день-два, когда вы начнете нормально ходить, мы это обсудим. Тем временем я поищу вам какое-нибудь чтиво.

Вместе с двенадцатичасовой кормежкой санитарки принесли ему детскую книжку с картинками – «Ежегодник Бедняжки Вулли» за 1938 год, криминальный роман без обложки под названием «Нет орхидей для мисс Блэндиш»⁴ и хорошо сохранившийся пухлый томик «Священная война»⁵, где вместо «s» было в большинстве случаев напечатано «f» и добрая половина страниц оставалась неразрезанной. В первую очередь Ланарк взялся за «Бедняжку Вулли». Временами книжка вызывала улыбку, но многие страницы были испорчены – разрисованы тупым коричневым мелком. Он принялся за «Орхидеи» и к вечеру успел прочитать половину, но тут в комнату вбежали санитарки и отгородили ширмами соседнюю кровать. Они притащили с собой металлические цилиндры и тележки с медицинским оборудованием и все повторяли: «Готовься, Бровастик, вот-вот прибудет для тебя приятель».

Санитар-мужчина приволок каталку, и комната наполнилась хриплыми гортанными звуками дыхания. Фигура на каталке была скрыта спинами двух врачей, один из которых был доктор Ланарк. Они зашли за ширму, и санитар убрал каталку. Ланарк не мог больше читать. Он прислушивался к звяканью инструментов, шепоту врачей, громкому хриплому дыханию. Ему принесли вечерний чай и выключили свет. Горела только лампа за ширмами; комната купалась в подвижных тенях от окна в коридоре. Дыхание успокоилось, превратившись в чередование двух музыкальных вздохов, а затем сделалось совсем неслышным. Ширмы и тележку с оборудованием укатили прочь, и все ушли, кроме доктора в очках без оправы. Он подошел к постели Ланарка и тяжело опустился на ее край, вытирая себе лоб салфеткой.

– От болезни мы его вылечили, беднягу. Но один бог знает, оправится ли он от путешествия сюда, – сказал доктор.

В свете прикроватной лампы, подпертое подушками, виднелось лицо, удивительно похожее на желтый череп; единственным указанием на возраст и пол служили седые усы с висья-

⁴ Выпущенный в 1939 г. дебютный роман Дж. Хэдди Чейза, впоследствии дважды экранизированный (в 1971 г. – Робертом Олдричем как «Банда Гриссомов»).

⁵ Выпущенная в 1682 г. аллегория английского проповедника-нонконформиста Джона Беньяна (1628–1688).

щими кончиками. Глаза провалились так глубоко, что невозможно было их разглядеть. На покрывале лежала иссохшая рука, к забинтованному бицепсу бежала по блестящей трубке какая-то жидкость из бутылочки, которая была подвешена на держателе.

Доктор сказал со вздохом:

– Мы сделали, что могли, и по крайней мере восемь часов его ничто не будет беспокоить. Я попрошу вас об одолжении. Сон у вас, полагаю, не крепкий?

– Да.

– Он может очнуться и захотеть, чтобы кто-нибудь с ним поговорил. Я мог бы оставить санитарку, но их профессиональный тон, чертов оптимизм – человека, погруженного в себя, это угнетает. Поговорите с ним, если он захочет, а если ему понадобится врач, вызовите меня по этому переговорному устройству.

Он вынул из кармана радиоаппарат из белой пластмассы, размером с пачку сигарет. На одной поверхности имелась круглая сеточка, и красный выключатель сбоку. Доктор нажал на выключатель, и в аппарате зазвучал тихий, но отчетливый голос, отчаянно зовущий доктора Баннерджи в родильную палату Q. Доктор выключил аппарат и сунул его Ланарку под подушку.

– Он работает и на прием, и на передачу. Если вы заговорите и попросите позвать меня, мне передадут вызов. Фамилия моя Манро. Только не вздумайте бодрствовать. Он вас разбудит, если ему понадобится.

Ланарку не спалось. Он лежал на краю светового пятна, окружавшего пациента, повернувшись спиной к его костлявой голове и слушая под подушкой радио. Манро говорил, что в институте не хватает персонала, и все же численность его была немалой. За десять минут Ланарк слышал раз сорок, как того или иного врача срочно вызывали – куда и для чего, понять было невозможно. Кто-то говорил: «Доктор Гибсон, не пройдете ли вы к клоаке? На правом краю имеется сопротивление». Другой требовал: «В палате R-шестьдесят нужен остеопат. Там наблюдается каталепсия с тремором. Освободившемуся остеопату срочно пройти в палату R-шестьдесят для ухудшившихся!» Его поставил в тупик следующий вызов: «Предупреждение инженерам от профессора Озенфанта. В одиннадцатой комнате, приблизительно в пятнадцать пятнадцать, ожидается разрядка саламандры». Щелкнув выключателем, Ланарк прекратил этот гам и забылся беспокойным сном.

Он пробудился от тихого выкрика и сел. Больной вытянулся на подушках и мотал головой из стороны в сторону, словно кого-то искал. Ланарк по-прежнему не мог рассмотреть его глаза, тонувшие в черных впадинах.

– Есть здесь кто-нибудь? Кто вы? – громко спросил больной.

– Я здесь. Я пациент, как и вы. Позвать доктора?

– Какого я роста?

Ланарк смерил взглядом худую фигуру под голубым одеялом.

– Высокого.

С больного катился пот.

– Какого именно? – отчаянно вскричал он.

– Около шести футов.

Больной откинулся на подушки, и его тонкий рот растянула удивительно приятная улыбка. Чуть помолчав, он пробормотал томно:

– И я перестал блестеть.

– Вы о чем?

– Я больше не усеян искрами... такими, знаете, красными, белыми, синими, зелеными.

– Конечно нет. Позвать врача?

– Нет-нет. Эти ребята наверняка уже сделали все, что могут.

Голова больного потеряла сходство с черепом. Чувство смягчило его черты, и они сделались похожи на дерзко-аскетичную скульптуру, олицетворяющую человеческое сознание. Тонкие губы слабо улыбались. Потом приоткрылись и задали вопрос:

– Что привело вас сюда?

В голове у Ланарка пронеслось несколько вариантов ответа. Он остановил выбор на самом коротком:

– Драконья кожа.

Больной, казалось, не слышал.

– А вас? – спросил наконец Ланарк.

Больной откашлялся.

– Кристаллическая гипертрофия соединительной ткани. Это медицинский термин. А профаны вроде нас с вами называют это «оцепенение».

– Судорожное оцепенение?

– У меня не было судорог. Но все равно, это наступало разом, как удар.

Он как будто задумался, и Ланарк задремал. Проснулся он от выкрика:

– Вы здесь? Я вам наскучил?

– Я здесь. Пожалуйста, продолжайте.

– Видите ли, я любил человеческий образ и ненавидел то, как люди его низводят, ради временных преимуществ раздувают одни качества и, дабы избавиться от вполне обычных страданий, подавляют другие. Казалось, меня окружают пиявки, которые используют свою жизненную силу, чтобы красть жизненную силу других, и губки, скрывающие в себе слишком много ртов, и ракообразные, сменившие чувства на доспехи. Я понимал, что достойная человеческая жизнь должна включать в себя дисциплину, и труд, и приключения, и заботу не только о себе. И вот я вступил в армию. Скажите, к какой организации я мог еще примкнуть? Но, хотя я пять раз рисковал жизнью в тылу врага, хотя я запустил программу Кью – тридцать девять, я вытянулся до девяти футов и сделался хрупким, как стекло. Я был способен создать фантастическое давление по вертикальной оси – вверх или вниз, но сломался бы от самого слабого бокового удара. Мы, армейские, знаете ли, иногда ломаемся.

Он подавился негодованием и замолк. Некоторое время он лежал и глубоко дышал, потом вдруг улыбнулся:

– Угадаете, что я сделал?

– Нет.

– Кое-что учудил. Я не стал ждать, пока сломаюсь и яма поглотит меня по частям, – я воззвал к яме. Я попросил о выходе, и яма пришла ко мне, и я погрузился в нее так, как приличествует мужчине.

– Я тоже.

На лице собеседника вновь выразилось негодование. Потом он спросил:

– Сколько нас в этой комнате?

– Только вы и я.

– Хорошо. Отлично. Это значит, что мы – исключительный случай. Будьте уверены, не многие способны взломаться о таком выходе. Большинство проводит жизнь, страшась этого. Вы потеряли сознание, когда спускались?

– Да, через некоторое время.

– Я – почти сразу. Беда в том, что я возвращаюсь туда, снова и снова. Жаль, что я не послушал их совета и не снял форму.

– Вы спускались в форме! – ужаснулся Ланарк.

– Да. Пояс, сапоги, галун, медные пуговицы – много всего. Я взял с собой даже пистолет в кобуре.

– Зачем?

– Думал сдать его здешнему командующему – символический жест, знаете ли. Но здесь нет командующего. Этот пистолет вдавило в мое правое бедро, и он проделал там борозду. Наверное, от этого я и умираю. Форму я бы еще пережил, но не револьвер.

– Вы не умираете!

– Умираю, я это чувствую.

– Но чего же ради мы прошли через эту яму, черноту, через этот пресс, даже старались остаться людьми, если нам назначено умереть? Если вы умрете, то ваши муки и борьба окажутся бесполезны!

– Я смотрю на дело не так мрачно. Хорошая жизнь – это борьба за то, чтобы, несмотря на трудности, быть человеком. Многие молодые люди знают об этом и борются воевую, но через несколько лет жизнь становится легче и они решают, что уже сделались людьми, но это не так – они просто прекратили стараться. Я вот прекратил стараться, но моя жизнь была так переполнена трудами, что я бы этого не заметил, если бы не болезнь. Вся моя профессиональная деятельность была не чем иным, как болезненным и отчаянным нападением на мою человечность. Осознать себя раненым и умирающим человеком – это уже достижение. Кто может превзойти умирающего царственным величием?

Вялая речь перешла в едва слышное бормотание.

– Сэр! – пылко воскликнул Ланарк. – Надеюсь, смерть вам не грозит!

Сосед улыбнулся и пробормотал:

– Спасибо, мой мальчик.

Тут же на всех видимых частях его тела заблестел пот. Сжав обеими руками одеяло, он выпрямился и произнес резким командным тоном:

– А теперь мне стало жутко холодно и очень даже страшно!

Лампа погасла. Ланарк соскочил на гладкий пол, поскользнулся, упал и на четвереньках добрался до соседней кровати. В пробежавшем по ней перламутровом луче он разглядел тело, лишь наполовину прикрытое одеялом, свесившуюся вниз голову, руку, которая касалась пола. Резиновая трубка была выдернута, и на повязке расплывалось темное пятно. Подбежав к своей кровати, Ланарк схватил радио и щелкнул выключателем.

– Дайте доктора Манро! Доктора Манро мне!

Ему отозвался отчетливый тихий голос:

– Простите, кто это говорит?

– Меня зовут Ланарк.

– Доктор Ланарк?

– Нет-нет! Я пациент, но тут человек умирает!

– В самом деле умирает?

– Да, умирает, умирает!

В радио послышалось: «Пусть доктор Манро быстро сообщит доктору Ланарку: человек умирает в самом деле. Повторяю: человек умирает в самом деле».

Через минуту в палате зажегся свет.

Ланарк сидел на кровати и рассматривал соседа, вид у которого был вызывающе мертвый. Челюсть у него отвисла, глазницы, как выяснилось, были пусты. На полу, рядом с рукой, расплывалась лужица, вытекавшая из резиновой трубки. Вошел доктор Манро и быстро шагнул к кровати. Поднял руку соседа, пощупал пульс, подтянул тело на матрас, потом закрыл кранчик у подвешенной бутылочки. Взглянув на Ланарка, который сидел на краю постели в белой ночной рубашке, он спросил:

– Не лучше ли вам будет что-нибудь на себя накинуть?

– Нет. Не лучше.

- Вы с ним разговаривали?
- Да.
- Он вспомнил, кто он?
- Да. Что вы собираетесь с ним делать?
- Похоронить. Правда, странно? Для мертвых чудовищ, сколько бы их ни было, мы находим полезное применение, а человека можем только сжечь и закопать.
- Не понимаю, о чем вы говорите.
- Ложитесь в постель, Ланарк.
- Я хочу посмотреть в окно.
- Зачем?
- Меня угнетает замкнутое пространство.
- Дойдете туда?
- Конечно.

Доктор отпер прикроватный шкафчик, достал оттуда халат и шлепанцы и протянул Ланарку. Тот оделся и пошел к окну. Ему казалось, что он не идет, а плывет над полом, но он старался этого не замечать. Удивительно, но коридор оказался едва ли длиннее комнаты; справа и слева он заканчивался голой стеной с полукруглой дверцей, занавешенной красной тканью. Перед перекладинами шторы Ланарк замешкался, но тут его догнал доктор Манро и дернул за зеленую веревочку, прицепленную наверху.

- Я подниму шторы, но прежде вы должны повторить несколько слов.
 - Каких?
 - «Если я потеряюсь, то закрою глаза и поверну голову».
 - Если я потеряюсь, то закрою глаза и поверну голову.
- Манро поднял шторы.

За окном виднелись дали, полные подвижного тумана; сквозь них светило солнце. Снежные цепи облаков разделяли снежные цепи гор; серебристые облака висели так низко над сверкающими океанами, что трудно было их разграничить. Казалось, институт дрейфует к солнцу между глубокими провалами каньонов. Ланарк вытянул шею, стараясь разглядеть дно, однако, когда туман под окном сначала поредел, а потом расползся, там оказалось густо-фиолетовое пространство со звездами и лунным серпом. Голова у Ланарка пошла кругом, и он, в поисках поддержки, обратил взгляд к солнцу: пусть затуманенное дымкой, оно все же надежно сияло в центре сцены, освещая ее и объединяя вокруг себя. Но ему пришло в голову, что солнце, быть может, стоит высоко над головой, и этот сияющий круг – не более чем его отражение в море; или оно находится сзади, а впереди виднеется его отсвет на леднике в горах. Но вот скрылось все, кроме солнечного света, молочно-белого облака и одинокого пика, вздымавшегося над ними. Реки, похожие на серебряные нити, изливались через лощины на нижние склоны; белые полосы водопадов стремились с утесов в облака. Пик был, как разглядел Ланарк, не конусообразный, а многоглавый; верхушки разделялись долинами. В одной из долин имелось множество озер и пастбищ, другая щетинилась лесом, в четвертой лежал золотисто-зеленый океан, а за ним садилось солнце. Смотреть в окно было все равно что лететь. Ланарк поднял глаза к горизонту, однако за каждым морем и за каждой равниной открывался вид на острова, горы, грозные облака, города, восход или закат очередного солнца. Чтобы спастись от этой бесконечной перспективы, он попробовал сосредоточить взгляд на небольшом холме, где лежала в рассветных лучах какая-то деревушка. Над головой проплыло облако, и от деревушки остались только отблески света в окнах и на крышах; затем эти искорки унесло, как снежные хлопья, в сторону, где они закружились на фоне серебристой голубизны, подобно чайкам над пароходом. Поменяв цвет и превратившись в темные крапинки, они замелькали, словно аэропланы,

в красных вспышках над руинами города. Ланарк закрыл руками глаза, повернулся и направился, успокоенный, в комнату.

Санитар провез мимо на каталке замотанное в одеяла тело соседа. Ланарк сложил халат и шлепанцы в шкафчик, забрался в кровать и до самого подбородка натянул на себя одеяло. Доктор Манро опустил штору и приблизился к шкафчику рядом с постелью умершего. Вынул пистолет и пристально его изучил.

– Знаете, из-за этой штуки он и умер. Взял с собой, когда отправился вниз.

– Да, он мне говорил.

– Но все же он прыгнул вниз головой. Не многие на это отваживаются.

– Где находится этот институт?

– Мы занимаем систему галерей под горой. На ее вершине находится ряд пиков и несколько городов. Думаю, вы жили в одном из них.

– Под горой?

– Да. Это не окно, а экран. На него поступают картинки от рефлектора, расположенного на одном из пиков. Эта палата оборудована экраном, потому что пациентам вроде вас иногда бывает дискомфортно в замкнутом пространстве. Если бы я показал этот вид другим пациентам, они бы свернулись, как часовая пружина.

– Как глубоко мы находимся?

– Не знаю. Я врач, а не геолог.

Получив больше впечатлений, чем мог переварить, Ланарк заснул.

Глава 8. Доктора

На следующее утро он проснулся усталый и больной, но принесенный санитарками легкий омлет восстановил его жизненные силы. На стуле у кровати была разложена одежда, отличавшаяся тем же сатиновым блеском, что и еда: нижнее белье, носки, рубашка, темные брюки, пуловер и белый халат. Санитарки сказали:

- Сегодня ты присоединяешься к нам, Бровастик.
- О чем вы?
- Ты теперь доктор. Надеюсь, ты не станешь рычать на нас, бедных санитарок.
- Я не доктор!
- Только не отказывайся! Те, кто вначале отказывается, рычат потом пуще всех.

Когда санитарки ушли, Ланарк встал и надел на себя все, кроме халата. Под кроватью он обнаружил туфли из материала, похожего на замшу. Обувшись, Ланарк вышел в коридор и поднял штору: за окном высился белый флагшток в центре согретой солнцем террасы. По ровному газону сновали туда-сюда ребятишки, гоняясь за мячом; у дальнего края сидели на скамейке два мальчика постарше и глядели на долину, на дне которой щетинились дымовыми трубами крыши. Справа извивалась меж полей и куч шлака река; среди городских строений она исчезала из виду, но ее путь можно было проследить по скелетообразным кранам, уходившим влево. За городом виднелась возвышенность: голый, в зелени вереска, гребень, исчерченный каналами, еще дальше – горные вершины, похожие на выщербленный ряд зубов. Зрелище неожиданно переполнило Ланарка таким восторгом, что у него на глазах выступили слезы. Вернувшись в постель, он стал раздумывать, отчего так произошло.

«Как бы то ни было, – сказал он себе, – я там непременно побываю».

Из-за арки показался Манро, и Ланарк сел.

- Прежде чем что-либо сказать, знайте: доктором я не стану.
- Понятно. И чем же вы намерены заниматься, пока будете здесь?
- Я не задержусь. Хочу уйти.

Внезапно вспыхнув, Манро указал на окно. Снаружи вздувались и опадали серые волны, набегавшие на большой утес, вершина которого была скрыта туманом.

– Ага, идите! Идите! – с нарочитой сдержанностью кивнул он. – Я проведу вас к аварийному выходу. Выйдете наружу у подножия горы и ступайте на все четыре стороны. Такое бывало: человек покидает надежный оазис или безопасную пещеру, пересекает дикую местность и обосновывается в неизвестных краях. Конечно, эти люди владели навыками, которых у вас нет. Они умели сажать растения, охотиться, терпеть муки, от которых вы бы свихнулись. Но вы способны читать, писать, доказывать свою правоту, и где-нибудь за семью горами – если туда доберетесь – вам могут встретиться ценители ваших талантов. Вот только одно условие: они должны говорить на том же языке.

– Но минуту назад я видел там обитаемый город!

– А вы имеете понятие о скорости света? О том, как влияет на свет притяжение, как он отражается от различных поверхностей и преломляется атмосферой? Вы видели город и поместили его в будущее, которого можно достичь, пропутешествовав час, день или год, однако действительность представляет собой спираль, и не исключено, что от этого города вас отделяют века. А что, если он находится в прошлом? Истории известно множество примеров, когда человек видел город, направлялся туда и находил на том месте деревню или вековые развалины, так и не отстроенные. Последний вариант – далеко не самый худший.

- Но мне знаком этот город! Я бывал там!
- Ага, значит, он остался в прошлом. Сейчас его уже не найти.

Ланарк печально уставился в пол. Вид за окном внушил ему мечту о прекрасном, залитом солнцем мире.

– Выходит, поблизости нет ни одного цивилизованного места?

К Манро вернулось олимпийское спокойствие, и он сел на стул рядом с кроватью.

– Есть, и не одно. Но без спутника вас не примут.

– Почему?

– Медицинские нормы. Если человек покидает институт без спутника, он через некоторое время вновь заболевает.

– А я единственный здоровый, желающий отсюда выбраться?

– Одна женщина-доктор так ненавидит свою работу, что готова уйти с кем угодно, однако остерегитесь. Отправиться с кем-либо в другой мир – это своеобразная форма брака, а этой даме ни один мир не придется по вкусу.

– Что же мне делать, доктор Манро? – спросил со стоном Ланарк.

Манро отозвался жизнерадостно:

– За все время это ваш первый разумный вопрос. Поэтому успокойтесь и слушайте. Поиски спутника вы можете вести среди трех разрядов публики: докторов, санитаров и пациентов. Из докторов покинуть институт хотят немногие, и если уж они задумают такое, то в компании с коллегой. Санитарки отбывают чаще, причем с людьми, которым полностью доверяют, а тут преимущества докторов прямо-таки вошли в поговорку. Но самый большой разряд – это пациенты, а их не узнаешь, пока с ними не поработаешь.

– Для такой работы у меня нет квалификации.

– А разве не были вы без пяти минут драконом? И не исцелились? Чтобы научиться лечить болезнь, нужно всего лишь ею переболеть. Как раз сейчас семнадцать больных изнывают под тяжестью боевого панциря, и нет ни единой здравомыслящей души, чтобы о них позаботиться. Не робейте! Вам не придется иметь дело ни с кем, чей случай не является разновидностью вашего.

Они немного посидели молча, а потом Ланарк встал и надел на себя белый халат. Манро улыбнулся и вынул больничное радио:

– Оно ваше. Вы уже знаете, как вызвать нужного человека, теперь я покажу, как будут вызывать вас.

Щелкнув переключателем, он произнес в сетку:

– Пожалуйста, через десять секунд пошлите вызов доктору Ланарку. Это не послание, так что повторять его не надо.

Он уронил радио в карман Ланарку. Спустя мгновение оттуда донеслись два звучных аккорда: плин-плон.

– Эти звуки означают, что у вашего пациента кризис или коллега нуждается в помощи. Если вам самому потребуется помощь, или вы заблудитесь в коридорах, или захотите послушать колыбельную, скажите оператору, и вас соединят с кем надо. А теперь собирайте книги, мы пойдем в вашу новую квартиру.

Заколебавшись, Ланарк спросил:

– Там есть окно?

– Насколько мне известно, видовой экран имеется только в этой комнате.

– Я предпочитаю спать здесь, доктор Манро.

Манро едва слышно вздохнул.

– Врачи обычно не спят в больничных палатах, однако эта, конечно, самая маленькая и используется нечасто. Ладно, оставляйте книги. Я покажу вам институт, а потом мы отправимся к Озенфанту, вашему заведующему отделением.

Они двинулись к одной из полукруглых дверей за аркой. Занавес из гофрированного винила раскрылся перед ними, а потом сомкнулся.

Коридоры института резко отличались от комнат, которые они соединяли. Пока Ланарк, подталкиваемый в спину порывами горячего ветра, следовал за Манро по низкому кривому тоннелю, ему закладывало уши от громких голосов, топая, звяканья колокольчиков, глухого ритмичного гула. В высоту тоннель не превышал шести футов и был круглый в сечении, только внизу была устроена горизонтальная дорожка, которой едва хватало для проезда каталки. Яркость освещения то и дело менялась, отчего болели глаза; вместе с теплым дуновением по тоннелю проскальзывала золотистая вспышка, затем холодало и свет делался тускло-оранжевым, туманным. За наклонным переходом лежал другой тоннель, в два раза больший, за ним следующий, также удвоенной величины по сравнению с соседним. Звуки стали громче, свет – ярче, ветер задул сильнее. Ланарк с Манро шли быстро, однако то с одной стороны, то с другой их обгоняли проносившиеся на всех парах доктора и санитарки с каталками и столиками на колесах. Никто не двигался против ветра. Не без труда поравнявшись с Манро, Ланарк спросил его об этом, однако, хотя он почти кричал, собственный голос напомнил ему отдаленный писк, а ответ и вовсе невозможно было расслышать. Притом через грохот и звон отчетливо пробивались фрагменты фраз, произносимых поблизости какими-то невидимками:

«...это пирог, который печется и съедается...»

«...это нечто, не имеющее размеров...»

«...это изучение лучших...»

«...сложная игра, требующая терпения...»

Они вошли в большой круглый зал, где голоса тонули в реве, который нарастал и опадал, как крики болельщиков на футбольном стадионе. Трубы тоннелей, извергавшие в зал толпу за толпой, чередовались с квадратными дверьми, куда этот людской поток направлялся. Помимо белых халатов, Ланарк видел зеленые плащи, коричневые комбинезоны, голубую униформу, темно-серые деловые костюмы. Подняв глаза кверху, он пошатнулся. По стенам огромной вертикальной шахты непрерывно пробегали вверх золотые и оранжевые огоньки, описывая уменьшавшиеся, как в мишени, круги. Манро схватил Ланарка за руку и потянул к двери, которая распахнулась, а потом плавно закрылась у них за спиной.

Они оказались в лифте, с застоявшимся, как бывает в маленьких помещениях, воздухом. Подняв глаза к круглой сетке на потолке, Манро произнес:

– Клоаку, пожалуйста. Вход любой. – Послышалось слабое жужжание, однако других признаков того, что лифт движется, не замечалось. – Акустика в коридорах такая, что ничего невозможно понять. Вы о чем-то спрашивали?

– Почему народ движется только в одном направлении?

– С каждой палатой соединены два коридора: один для входа, другой для выхода. Это помогает циркуляции воздуха, а кроме того, никто не движется навстречу потоку.

– Кто были эти люди, в большом зале?

– Доктора, как вы и я.

– Но доктора составляли крохотное меньшинство.

– Вы так думаете? Вполне возможно. Нам нужны инженеры, администраторы, химики, чтобы обеспечивать освещение, синтез пищи и прочее, но с ними мы видимся только в залах; они пользуются собственными коридорами. Странная публика. Каждый, водопроводчик то или радист, воображает, будто он с коллегами – это и есть институт, а прочие – только обслуживающий персонал. Наверное, от этого их работа кажется им более нужной, однако здоровое размышление убедило бы их в том, что задача института – чистка поступлений.

– Чистка поступлений?

– Лечение пациентов.

Дверь лифта открылась, и в ноздри Ланарку ударила сильнейшая вонь – запах гнили, который он заметил впервые, когда исчез в темноте Глопи. Манро пересек платформу и, взявшись за ограждение, устремил взгляд вниз. Справа и слева платформа искривлялась, словно бы окружая громадный резервуар, однако противоположную сторону Ланарк рассмотреть не мог, хотя прожекторы на темном потолке бросали вниз косые лучи. Сверху, издалека, доносились громкие мерзкие звуки, как будто проигрывали на очень низкой скорости танцевальную музыку, а за оградой, из глубины, ползло многоголосое шипение. Не отходя от двери лифта, Ланарк спросил нетвердым голосом:

– Зачем мы сюда пришли?

Манро огляделся:

– Здесь находится наша самая большая палата для ухудшившихся. Мы держим тут безнадёжных размягчившихся. Они счастливы. Идите сюда и посмотрите.

– Вы говорили, мне не придется иметь дело ни с кем, чей случай не является разновидностью моего!

– Болезни принимают различные формы, но все они порождаются одной и той же аномалией. Идите сюда и посмотрите.

– Если я перегнусь через перила, меня, наверное, стошнит.

Манро смерил его взглядом, пожал плечами и вернулся в лифт. Он сказал в сетку: «Профессор Озенфант»; дверь закрылась, и воздух тихо зажужжал. Прислонившись к стене, Манро упрятал правую ладонь в левый рукав, а левую – в правый. Секунду-другую он хмуро созерцал свои туфли, потом поднял внезапно просветлевший взгляд.

– Скажите, доктор Ланарк, как связаны ваша любовь к обширным панорамам и ваше отращивание к людским проблемам?

Ланарк молчал.

Дверь отворилась, и они вышли в еще один необъятный шумный зал, лишенный потолка. Поступавшие сверху звуковые импульсы и сгустки света вытекали через тоннели, куда устремлялся и народ из лифтов. У входа в тоннель, куда Манро повел Ланарка, висел список фамилий:

МАГИЛЛ	МАКЕВОЙ	МАККУОТ	МАКШИ
МАКАДАМ	МАКИВОР	МАКМАТ	МАРРИ
МАКАСКИ	МАКИН	МАКОУЭН	НОУКС
МАКВЭР	МАККЕЙГ	МАКУАМ	ОЗЕНФАНТ

Они поспешили мимо, сквозь шум различая отрывочные реплики невидимок:

«...рад видеть в небе свет...»

«...на стенах блестели рамы...»

«...необходимы медицинские заключения...»

«...верблюды в Аравии...»

«...уничтожая сладость...»

Манро с Ланарком достигли того места, где половина фамилий была напечатана на одной стене, а половина – на другой и где тоннель разветвлялся и сужался. Миновав три таких развилки, они вошли в низкий одиночный тоннель с надписью «ОЗЕНФАНТ». За блестящей красной занавеской виднелась тяжелая коричневая ткань. Манро отодвинул ее, и они ступили в обширные величественные покои. С изящного карниза свешивались гобелены, сотканые из красных, зеленых и золотых нитей; они касались мраморного пола в черно-белую клетку. Там и

сям были беспорядочно расставлены старинные стулья, кресла, софы, в промежутках валялись струнные инструменты, похожие на лютни и скрипки. В углу, рядом с громоздкой старомодной рентгеновской установкой, виднелось большое пианино. В центре комнаты, спиной к двери, стоял, склоняясь над верстаком, мужчина в черных брюках и жилетке и обрабатывал наждачной шкуркой края наполовину готовой гитары. Он выпрямился и повернулся к вошедшим, улыбаясь и вытирая руки шелковым платком с ярким рисунком. Это был плотный молодой человек со светлой бородкой клинышком. Закатанные выше локтя рукава обнажали его крепкие волосатые предплечья, однако воротничок и галстук были в безупречном порядке; жилет, равно как и брюки со стрелками, сидел идеально, начищенные туфли сияли. Со словами: «А, Манро, вы привели моего нового помощника. Садитесь оба, побеседуем» – он подошел к гостям.

Манро отозвался:

– К сожалению, мне придется уйти. Я уже наскучил доктору Ланарку, а кроме того, у меня много работы.

– Нет, дружище, останьтесь еще хоть на минуточку! Один из пациентов вот-вот превратится в саламандру – зрелище неизменно впечатляющее. Садитесь, я вам покажу. – Он указал на диван и встал перед гостями, промакивая лоб платком. – Скажите, Ланарк, на каком инструменте вы играете?

– Ни на каком.

– Но вы интересуетесь музыкой?

– Нет.

– Может, вы разбираетесь в регтайме, джазе, буги-вуги, рок-н-ролле?

– Нет.

Озенфант вздохнул:

– Этого я и боялся. Но ничего, есть и другие способы найти общий язык с пациентами. Сейчас я покажу вам одного.

Озенфант шагнул к ближайшему гобелену и отдернул его, обнажив круглый стеклянный экран на стене. Внизу висел небольшой микрофон. Озенфант подтянул его к дивану (за микрофоном волочился тонкий кабель), сел и произнес:

– Говорит Озенфант. Покажите мне двенадцатую комнату.

Неоновые лампы на потолке погасли, и на экране высветился расплывчатый образ, похожий на рыцаря в готической кольчуге, возлежащего на могильной плите. Картина сделалась разборчивее: скорее это был доисторический ящер на стальном столе. Кожа была черная, из бугорчатых суставов торчали розовые и пурпурные иглы, гениталии были спрятаны среди пурпурных шипов; двойной ряд шипов, направленных вниз, поддерживал тело над столом, дюймах в девяти. Шея отсутствовала, подбородок тоже; голова росла прямо из ключиц, переходя в разинутый клюв, похожий на клюв гигантской кукушки. Других черт лица не наблюдалось, кроме пустых двух выпуклостей – жалкого подобия глазных яблок.

Манро заметил:

– Пасть открыта.

– Да, но воздух над ней трепещет. Скоро она захлопнется, и тогда – бум!

– Когда его доставили?

– Тому назад девять месяцев, девять дней и двадцать два часа. Прибыл он почти таким же, как сейчас: ничего человеческого, кроме рук, глотки и сосцевидного отростка. Любил как будто джаз – цеплялся за остатки саксофона. Поэтому я сказал: «Он увлекается музыкой, я сам буду его лечить». К несчастью, я совсем не разбираюсь в джазе. Попробовал Дебюсси (иногда в подобных случаях срабатывает), потом романтиков девятнадцатого века. Я окружал его Вагнером, заваливал Брамсом, развлекал Мендельсоном. Результат нулевой. В отчаянии я отступил в глубь веков, и кто же в итоге подействовал? Скарлатти. Когда я играл «Торжественное

шествие», человеческие части тела пациента становились каждый раз розовыми и нежными, как детские ягодицы.

Прикрыв глаза, Озенфант послал в потолок воздушный поцелуй.

– Ну вот, все так и шло, пока, шесть часов назад, он за пять минут не обратился полностью в дракона. Наверное, я плохо играю на клавикордах? Но кто в этом несчастном институте мог бы меня заменить?

Манро заметил:

– Вы предполагали, что он розовеет от удовольствия. Но это могла быть ярость. Может, он не любит Скарлатти. Нужно было спросить.

– Я не верю в вербальную терапию. Слова – это язык лжи и лукавства. А музыка не лжет. Музыка обращается к сердцу.

Ланарк нетерпеливо заерзал. В свете экрана была видна улыбка Озенфанта – настолько неподвижная, что в ней отсутствовало выражение; брови же непрерывно шевелились, изображая преувеличенную задумчивость, удивление или скорбь.

Озенфант произнес:

– Ланарку наскучили технические подробности. Покажу-ка я ему других пациентов.

Он бросил несколько слов в микрофон, и на экране стали сменять друг друга драконы на стальных столах. У одних кожа блестела; другие были покрыты черепашьим панцирем; третьи обросли чешуей, как рыбы или крокодилы. Большая часть имела иглы и шипы, иные носили гигантские рога – порой олени, разветвленные; но самое чудовищное заключалось в какой-нибудь детали: человеческой ноге, ухе, груди, выступавшей из оболочки динозавра. На краю одного из столов сидел незнакомый доктор и изучал шахматную доску, уравновешенную на драконьем брюхе.

– Это Макуам, – сказал Озенфант, – он тоже ничего не смыслит в музыке. Он лечит сухие, рациональные натуры: учит их играть в шахматы и в игры, не имеющие конца. Думает, если какой-нибудь пациент его обыграет, с него тут же спадет броня, но пока он им не по зубам. Вы играете в какие-нибудь игры, Ланарк?

– Нет.

В другой комнате сидел, приблизив ухо к драконьему клюву, худосочный священник с очень несчастными глазами.

– Это монсеньор Ноукс, наш единственный врач, использующий в качестве лечебного средства религию. Прежде их было не сосчитать: лютеране, иудаисты, атеисты, мусульмане – всех не упомнить. Теперь все тяжелые религиозные случаи достаются бедняге Ноуксу. Слава богу, их бывает не так уж много.

– У него несчастный вид.

– Да, он принимает свою работу слишком близко к сердцу. Он католик, а лечить приходится квакеров и англикан. Вы привержены религии, Ланарк?

– Нет.

– Видите ли, лечение идет успешней, если доктора и пациента что-нибудь объединяет. Как бы вы себя описали?

– Не смогу.

Озенфант рассмеялся:

– Конечно. Глупый вопрос. Лимон не чувствует горечи, он только впитывает дождь. Манро, опишите мне Ланарка.

– Упрямый и подозрительный, – отозвался Манро. – Неглуп, но не стремится мыслить широко.

– Хорошо. У меня есть для вас пациентка. Тоже упрямая, тоже подозрительная, с острым умом, который только углубляет ее бездонное, поистине бездонное отчаяние. – Озенфант сказал в микрофон: – Покажите первую палату, мы хотим посмотреть на пациентку сверху.

На экране возник отливавший серебром дракон меж парой сложенных бронзовых крыльев. Вдоль одного крыла лежала толстая конечность с семью бронзовыми когтями на конце, вдоль другого – человеческая рука, тонкая и нежная.

– Видите крылья? Явление, характерное для крайне тяжелых случаев, хотя пользоваться ими больные не могут. Но эта пациентка предается отчаянию с такой безумной энергией, что я как-то питал надежды. Она не любит музыку, и мне, музыканту, пришлось снизить до вербальной терапии. Я обращался к ней как самый тривиальный критик и дошел до такого отчаяния, что решил отдать ее катализатору. Но вместо этого мы отдадим ее Ланарку.

«Плин-плон», – сказала радио. Озенфант вынул устройство из кармана жилетки и повернул выключатель. Чей-то голос сообщил, что пациент двенадцать превращается в саламандру.

– Быстро! Двенадцатая палата, – распорядился Озенфант в микрофон.

В двенадцатой комнате было трудно что-либо разглядеть: из внезапно захлопнувшегося драконьего клюва, клубясь, устремлялись наружу белые испарения. Из округлостей на голове били лучи, тело корчилося.

– Не надо света, пожалуйста! – крикнул Озенфант. – Нам хватит одного нагрева, чтобы наблюдать.

Разом воцарившаяся темнота ошеломила Ланарка; он различал только искры и круги в собственных глазах. С одной стороны доносилось частое сухое дыхание Манро, с другой дышал через рот Озенфант.

Ланарк спросил:

– Что происходит?

Озенфант пояснил:

– Все его органы испускают сияющий свет, способный нас ослепить. Скоро вы его увидите благодаря тепловому излучению.

Вскоре Ланарк вздрогнул оттого, что Озенфант начал шептать ему на ухо:

– Тепло, создаваемое телом, легко перемещается в нем, переполняя – во время актов великодушия и самосохранения – поры, penis, анус, глаза, губы, конечности и кончики пальцев. Многие, однако, боятся холода и пытаются удержать больше тепла, чем отдают. Если хотя бы один орган или конечность перестает отдавать тепло, последнее скапливается и превращает поверхность органа в изолирующую броню. Какая часть тела у вас покрылась драконьей кожей?

– Рука с ладонью.

– Вы трогали их другой, нормальной рукой?

– Да. Они были холодные.

– Вот именно. Тепло не выходило наружу. Но не поступало также и внутрь! А поскольку человек сильнее чувствует тепло, поступающее извне, а не собственное, то при наличии брони прочим частям человеческого тела делается холодно. Заставляет ли это его снять с себя броню? Редко. Подобно стране, проигрывающей несправедливую войну, он отказывается сдать или отступить, а вместо этого наращивает брони все больше и больше. Начинает он с того, что ограничивает, к примеру, свои привязанности, вожеления или разум, но далее коркой покрываются и сердце, и половые органы, и мозг, и руки, и кожа. Он ничего не делает, только разговаривает и питается; для того чтобы принимать и отдавать, у него остается одно-единственное отверстие. Затем закрывается и рот, тепло не находит выхода, оно нарастает внутри организма, пока... смотрите и увидите.

Окружавшую их густую, непроглядную тьму прорезала изогнутая нить, светившаяся алым светом. Она дергалась и росла в обе стороны, пока не превратилась в вытянутый контур

дракона: расставленные задние лапы, хищно вклинивающиеся в темноту передние, мотающаяся из стороны в сторону большая голова. У Ланарка возникло жуткое ощущение, будто зверь стоит рядом, перед ним. В сплошной черноте сравнивать размер было не с чем, и зверь представлялся громадным. Движения его вызывались, возможно, болью, но в них чудилось грозное ликование. Внутри контура головы на месте глаз появились две звездочки, затем и все тело засверкало белыми и золотыми искрами. Ланарку казалось, что огромный грубый силуэт висит над ним в небе, на расстоянии многих миль; что это было созвездие, похожее на человеческую фигуру. Последняя сжалась в золотое пятнышко, а потом раздулась в ослепительный шар. Раздался удар грома, и на мгновение в комнате сделалось очень жарко. Пол дрогнул, включился свет.

Зрение не сразу обрело ясность. Гром замолк, но инструменты в комнате все еще откликались на него брэнчанием и звоном. Ланарк заметил Манро, сидевшего рядом. На лбу его виднелась испарина. Он тщательно полировал носовым платком очки. Пустой экран делила на две части трещина, однако микрофон висел внизу все так же аккуратно. Озенфант стоял поодаль, рассматривая скрипку.

– Взгляните! – вскричал он. – Струна А порвалась. А некоторые еще уверяют, будто у страдивариуса нет души.

Манро заметил:

– Я не специалист по саламандрам, но мне кажется, вибрация была уж очень сильной.

– В самом деле. В этой небольшой вспышке было больше миллиона мегатермов.

– Не может быть!

– Верно. Я это докажу. – Озенфант извлек радио. – Озенфант желает поговорить с инженером Джонсоном... Привет, Джонсон, ты получил свою саламандру, и как она?.. А, понятно. Как бы то ни было, у меня треснул видеоэкран, так что замените его поскорей, пожалуйста. – Сунув радио в карман, Озенфант быстро проговорил: – Не совсем миллион мегатермов, но на месяц-два хватит.

Он наклонился и поднял арфу, завалившуюся на бок. Ланарк резко спросил:

– Это тепло используется?

– Конечно. Обогреваться-то нам надо.

– Это отвратительно!

– Почему?

Ланарк зачастил, начал заикаться, потом принудил себя говорить медленней:

– Я знаю, больным становится хуже. Это печально, однако понятно. Но чтобы бодрые здоровые люди обращали чужое несчастье себе на пользу – это отвратительно!

– А что бы вы предпочли? Мир с выгребной ямой в глубине, куда сваливаются безнадежно испорченные, чтобы вечно там гнить? Это устаревшая модель вселенной.

– И очень нищенское существование, – добавил Манро. – Если бы мы не извлекали пользу из своих неудач, мы не могли бы никого вылечить. Мне нужно идти. Ланарк, у персонала наших отделений клубы разные, но если вы когда-нибудь соберетесь покинуть институт, мы вновь встретимся. Теперь ваш советчик – профессор Озенфант, так что удачи вам, и постарайтесь не впадать в ярость.

Ланарку так хотелось выяснить, всерьез ли было сделано последнее замечание, что он напряженно уставился на спокойное кроткое лицо Манро и не отозвался на его крепкое рукожатие.

– Отличный совет, – пробормотал Озенфант.

Он открыл дверь, и Манро вышел.

Посмеиваясь и потирая руки, Озенфант вернулся на середину комнаты.

– Заметили, как у него вспотел лоб? Ему не понравилось это зрелище, он ригорист, Ланарк. Наша болезнь не будит в нем сочувствие.

– Что значит «ригорист»?

– Тот, кто торгует своим теплом. Ригористы не держат тепло в себе, но, отдавая его, желают получить в обмен свежие запасы. Это очень надежные люди; заболев, они распадаются на кристаллы, необходимые для производства линий связи, мы же с вами в подобных случаях идем другим путем. Вот почему нас так волнует взрыв саламандры. Мы нутром чувствуем справедливость такого возмездия. Вы ведь почувствовали радостное волнение, так?

– Почувствовал – и раскаиваюсь в этом.

– От вашего раскаяния никакого проку. А теперь, может быть, вы захотите встретиться с вашей пациенткой. – Озенфант поднял угол еще одного гобелена, за которым оказалась круглая низкая дверь. – Ее палата там.

– Но что я должен делать?

– Раз вы умеете только разговаривать, то этим и займитесь.

– О чем мне говорить?

– Не знаю. Хороший врач не несет больному лекарство, а узнает от больного, какое лекарство требуется. Мой пациент превратился сегодня в саламандру, так как я лучше его понимал, чем его лечить. Я часто делаю такие ошибки, потому что считаю себя больно умным. Вы же знаете, что вы невежда, и в этом ваше преимущество.

Ланарк стоял, засунув руки в карманы, покусывал нижнюю губу и притопывал одной ногой.

Озенфант проговорил:

– Если вы не пойдете, я определенно пошлю к ней катализатора.

– Кто такой «катализатор»?

– Очень важный специалист, которого вызывают в случае затяжной болезни, когда другие методы не дают результата. Катализатор провоцирует очень быстрое ухудшение. Почему вы противитесь?

– Потому что боюсь! – неистово выкрикнул Ланарк. – Вы хотите свести меня с чьим-то отчаянием, а я ненавижу отчаяние! Я хочу быть свободным, а свобода – это независимость от других людей!

Озенфант с улыбкой кивнул:

– Самое что ни на есть драконовское чувство! Но вы больше не дракон. Пора узнать другие эмоции. – Улыбка сползла с лица Озенфанта, оставив его удивительно бесстрастным. Он отпустил гобелен, подошел к верстаку и поднял лобзик. – Вы чувствуете, что я на вас нажимаю, и вам это не нравится, – сказал он резко. – Поступайте, как вам вздумается. Но у меня есть работа, и я буду рад, если вы не станете больше занимать мое время.

Он склонился над гитарой. Ланарк разочарованным взглядом уставился на угол гобелена. На нем была изображена величественная женщина (*Correctio Conversio*, согласно надписи), попиравшая ногами простертого юношу в короне (*Tarquinius*, согласно надписи). Наконец Ланарк отдернул гобелен, перешагнул порог и углубился в коридор.

Глава 9. Дракон

Ланарк не отличался высоким ростом, но, чтобы войти в коридор, ему пришлось согнуть колени и наклонить голову. Здесь не было таких резких контрастов между ярким светом и сумраком, теплом и холодом, а голоса звучали, как шепот моря в раковине: «Сирень и ракушечник... мрамор и мед... по рецепту следует отделить...»

Коридор упирался в стальную поверхность с сеточкой в центре.

Он произнес невесело:

– Пожалуйста, откройте. Меня зовут Ланарк.

Дверь спросила:

– Доктор Ланарк?

– Да-да, доктор Ланарк.

Круглая дверца, повернувшись на петлях, приоткрылась внутрь. Ланарк перебрался через порог, выпрямил шею, стукнулся головой о низкий потолок и плюхнулся на стул возле стола. Дверь бесшумно захлопнулась, сделавшись неотличимой от стены.

Минуту-другую Ланарк сидел молча, покусывал сустав большого пальца и старался не завопить, чтобы его выпустили. Прежде, наблюдая экран, он не мог оценить тесноту крохотного помещения и внушительные размеры чудовища. Поверхность стола находилась в каких-нибудь нескольких дюймах от пола, а длина пациентки, если мерить от гребня на серебряной голове до бронзовых копыт на серебряных лапах, составляла добрых восемь футов. Комната представляла собой идеальную полусферу, длиной в девять футов, а высотой, соответственно, четыре с половиной, и, хотя Ланарк вжался плечами в изгиб потолка, ему пришлось наклониться над блестящим животом, откуда веяло ему в лицо ледяным воздухом. Молочно-белый пол и стены испускали мягкий свет; теней не было. Ланарк сравнил бы это помещение с крошечным арктическим иглу, но тут от стен шло тепло, а от компаньона – холод. Утешало лишь то, что ладонь человеческой руки чудовища постоянно сжималась и разжималась. Ланарку понравились крылья, сложенные вдоль боков дракона; кончики длинных бронзовых перьев украшал сочный радужный рисунок, какой возникает при нагревании меди. Наклонившись, он заглянул в разинутый клюв и ощутил на своем лице приветственный теплый выдох, хотя не увидел ничего, кроме темноты.

– Что вы прихватили на сей раз? – спросил голос. – Волынку?

Тон был глухой, безличный, словно бы голос прошел через аппарат, слишком грубый, чтобы воспроизвести музыку обычной речи, но яростная энергия, просившаяся наружу, показала ему знакомой.

– Я не музыкант. Меня зовут Ланарк.

– Что за мерзкие фокусы вы проделываете с больными?

– Меня просили с вами поговорить. А я не знаю о чем.

Ланарк больше не боялся. Он сел, уперев локти в колени и свесив голову. Прокашлявшись, он начал:

– Мне кажется, беседа – это способ защиты и нападения, но мне не нужно защищаться. И нападать тоже.

– Как любезно с вашей стороны!

– Ты – Рима?

– Я больше не имею дела с именами. Имя – это ошейник, который на тебя надевают, чтобы тащить, куда им вздумается.

Снова Ланарк безуспешно искал слова. Тишину нарушал только чуть слышный глухой стук, доносившийся откуда-то издалека. Наконец дракон произнес:

– Кто такая Рима?

– Девушка, которая мне нравилась. И я ей как будто немножко нравился.

– Тогда это была не я.

– У тебя красивые крылья.

– Пусть бы на их месте росли шипы, тогда бы мне не пришлось пререкаться с ублюдками вроде тебя.

– Почему ты так говоришь?

– Не делай вид, будто ты не такой, как другие. Тоже начнешь меня мучить, только другими приемами. Я беспомощна в этом ледяном гробу, так к чему же медлить?

– Озенфант тебя не мучил.

– А ты думаешь, я в восторге от этого шума? Балетная музыка! Женщины порхают и плывут в лунном свете, как лебеди и облака; взлетают из рук мужчины, как пламя свечи; женщины пренебрегают роскошными царскими и императорскими палатами. Да, обманщик болтал языком, не оставляя пищи моему воображению. Он говорил, когда-то и я могла творить нечто подобное. «Откройте сердце музыке, – говорил он. – Рыдайте от души». Кожа моя непроницаема, так что он насиловал мои уши, как и ты.

– Я не насиловал твои уши.

– Тогда зачем ты кричал?

– Я не кричал!

– Не впадай в истерику.

– Я не впадаю в истерику.

– Как же, ты абсолютно спокоен.

– Как я могу быть спокоен? – взревел Ланарк, но его оглушило эхо под тесным сводом.

Он сложил руки на груди и нахмурился. Гром стих, сменившись слабым звоном, сопровождавшимся (или Ланарку это показалось?) отзвуками смеха. Наконец он тихо произнес:

– Мне уйти?

Она ответила неразборчивым бормотанием.

– Я не расслышал.

– Можешь рассказать мне о себе.

– Мой рост чуть больше пяти с половиной футов, вес около десяти стоунов. Глаза карие, волосы черные, группу крови я забыл. Мне было за двадцать, теперь стало за тридцать. Меня считали замкнутым и слишком серьезным, но недавно один надежный человек назвал меня пронизательным, упрямым и достаточно умным. Прежде я был писателем, а теперь доктор, но не потому, что этого хотел, – просто мне посоветовали. Я вообще если и хотел чего-то, то недолго. За исключением свободы.

Раздался смех, похожий на звяканье металла.

– Да, это смешное слово, – согласился Ланарк. – Все мы вынуждены определять это понятие своим способом, непонятным другим людям. Но для меня свобода – это... – Он задумался. – Это жизнь в городе у моря или у подножия гор, где солнце светит не меньше половины дня. В моем доме должны быть гостиная, большая кухня, ванная и по спальне на каждого члена семьи. Работа поглощает меня без остатка, так что я не задумываюсь о том, счастлив я или печален. Может, я чиновник и как следует делаю полезное дело. Может, я проектирую дома или дороги для города, где живу. К старости я куплю коттедж на острове или в горах...

– Мерзавцы, мерзавцы, мерзавцы! – Голос дрожал от ярости. – Мерзкие ублюдки, пославшие мне убийцу вместо врача!

В барабанных перепонках у Ланарка зазвенело, в кожу головы словно бы вонзились иглы. Его захлестнула волна ужаса, в которой он барахтался, пытаясь встать; затем ее сменила волна ярости, он сел, наклонился и прошептал:

– Ты не имеешь права презирать меня за мои плохие дела, если не признаешь хороших.

– Расскажи о них, много их было? Так ли они прекрасны?

– Доктор Ланарк готов к выходу! – крикнул он.

В другом конце комнаты открылась круглая панель. Осторожно переступая через тело, он помедлил, прежде чем перенести на другую сторону вторую ногу. Плечи его упирались в свод.

– Прощай! – произнес он с преднамеренной жестокостью, которая ошеломила его самого. Понаблюдав немного за сжимавшейся и разжимавшейся ладонью, он кротко спросил: – Тебе очень больно?

– Я замерзаю. Я знала, что ты уйдешь.

– От бесед пользы никакой. Что мне говорить, чтобы ты не раздражалась?

Чуть помолчав, она произнесла еле слышно:

– Ты мог бы мне почитать.

– Почитаю. В другой раз. Я принесу книги.

– Ты не вернешься.

Через отверстие Ланарк выбрался в тоннель, где мог стоять в полный рост. Просунув голову обратно в комнату, он сказал весело:

– Я удивлю тебя. Приду раньше, чем ты думаешь.

Он отвернулся, и панель закрылась.

В конце коридора за красной завесой открылся проход между большим окном и аркадой. Через арки Ланарк рассмотрел пять кроватей собственной палаты и почувствовал себя так, словно вернулся домой. Ему показалось странным, что серебряный дракон с самого начала находился в такой близости. Он подошел к своему шкафчику, вынул книги и поспешил обратно к занавеске. С другой стороны она открылась легко, одним прикосновением пальца. Ланарк знал, что это всего лишь тонкая, как бумага, мембрана, не снабженная никакими запорами, однако она не поддавалась. Он несколько раз атаковал ее плечом, но она только дрожала и громыкала, как барабан. Раздраженный, он уже собирался лягнуть перегородку ногой, но тут его взгляд упал на окно. За ним виднелась с высокой точки тихая улица под пленкой изморози, в дальнем ее конце стояло трехэтажное красное здание из песчаника. Чистые стекла блестели на утреннем солнце; в бледном зимнем небе вился дым из труб. Из огороженного дворика при доме поднялся по ступенькам мальчик шести или семи лет, со школьной сумкой, в темно-синем плаще и шерстяном шлеме и двинулся по тротуару налево. Прямо напротив Ланарка между занавесками в окне-эркере появилась усталая женщина с худым лицом. Она наблюдала за мальчиком, который, дойдя до угла, обернулся, чтобы махнуть ей рукой, и стукнулся головой о фонарный столб. Ланарк сперва испугался, потом, вслед за матерью, усмехнулся. Печально потирая ушибленное ухо, мальчик зашел за угол. Женщина обернулась, посмотрела прямо на Ланарка и удивленно прикрыла рот рукой. Ланарк хотел помахать ей, как помахал мальчик, открыть окно и крикнуть что-нибудь ободряющее, но по улице проехала тележка молочника с запряженной в нее гнедой лошастью, а когда он вновь перевел взгляд на окно-эркер, там было пусто.

Видение тронуло Ланарка до глубины души. Чтобы сцена не сменилась какой-нибудь другой, он опустил шторы и, внезапно почувствовав себя совершенно разбитым, отправился в палату. Согласно часам, он отсутствовал меньше трех часов, но ему казалось, что прошло много дней. Он положил книги и белый халат на стул, скинул с себя туфли и лег в кровать, собираясь отдохнуть минут десять-пятнадцать.

Его разбудило радио, повторявшее «плин-плон, плин-плон, плин-плон». Ланарк протянул руку, вынул его из кармана халата и включил. Озенфант сказал:

– Одного сна недостаточно, дружище, иногда нужно и есть. Ступайте в клуб для персонала. Белый халат оставьте в палате. Вечер – время веселья и радости.

– Как найти этот клуб?

– Идите в ближайший зал и садитесь в любой лифт. Если хорошо попросите, он привезет вас прямо туда. Сошлитесь на меня.

Ланарк обулся, сунул под мышку книги и через завесу шагнул в шумный коридор, предназначенный для выхода. На этот раз он не обращал внимания на голоса и задумался о том, как не отставать от окружающих. Обычные законы, управляющие движением тел, тут как будто не действовали. Откинуться назад, против потока, значило непременно упасть, но если склониться вперед, он подхватывал тебя и нес проворно, не роняя. Большинство довольствовалось быстрым продвижением под углом в сорок пять градусов, но один или двое попутчиков пронесли мимо, как ракета, на уровне коленей Ланарка. Они наклонялись к самому полу: можно было подумать, что они ползут. В большом зале было не таклюдно, как в прошлый раз. Ланарк вошел в лифт, который, видимо, должен был наполниться, прежде чем пойти вверх. В углу болтали двое мужчин, везших с собой вежу и треногу.

– Таких крупных работ мы еще не вели.

– Благородный лорд желает, чтобы все было закончено за двенадцать дней.

– Да у него крыша поехала.

– Существо посылает тунгтаниевые вакуумные экскаваторы через группу «Алголагникс».

– Где мы возьмем для них энергию?

– У Озенфанта. Озенфанта и его малютки-катализатора.

– А он обещал?

– Нет, но он не может противопоставить себя президенту совета.

– А я сомневаюсь, что президент совета может противопоставить себя Озенфанту.

Лифт заполнился, и дверь закрылась. Голоса объявляли: «Гостиные», «Лекарский дортуар Q», «Клуб губкоотстойника».

– Клуб персонала, – сказал Ланарк.

– Который? – спросил лифт.

– Профессора Озенфанта.

Лифт загудел. Ближайшие соседи Ланарка молчали, но те, кто стоял поодаль, зашептались, бросая на него взгляды. Дверь открылась, впуская в себя звуки венского вальса. «Ваша остановка, доктор Ланарк», – сказал лифт.

Ланарк вошел в залитый неярким светом ресторан с низким синим потолком и толстым синим ковром. Пустые столики стояли без скатертей, за исключением дальнего, за которым сидел Озенфант. На нем был светло-серый костюм с желтым жилетом и галстуком; за пуговицу жилета была заткнута белая салфетка. Он с видимым удовольствием разрезал на тарелке какое-то лакомое блюдо, но, подняв глаза, сделал Ланарку знак подойти. Свет исходил от двух свечей на столе и от низких арок в стенах. За этими арками мавританского рисунка находились, судя по всему, ярко освещенные комнаты, расположенные ниже. Через ближайшую Ланарку был виден танцпол, где вальсировали ноги в черных брюках и длинных юбках.

Озенфант позвал:

– Присоединяйтесь ко мне. Остальные уже давно покончили с едой, но мне не так легко оторваться от кормушки.

Обогнув погруженные в тень столики, подошла официантка, отодвинула стул и предложила Ланарку меню. Блюда были обозначены на незнакомом языке. Вернув меню, Ланарк попросил Озенфанта:

– Вы не могли бы сделать за меня заказ?

– Конечно. Попробуйте «энигма де филе конгалез». После размазни, которую дают больным, вам должно прийти по вкусу твердое мясное блюдо. – Озенфант глотнул из бокала в форме тюльпана, и уголки его губ опустились. – К сожалению, не могу порекомендовать вино. В этой области успехи синтетической химии оставляют пока желать лучшего.

Официантка поставила перед Ланарком тарелку с кубиком серого желе. Он срезал с поверхности тонкий кусок и обнаружил, что на вкус блюдо напоминает упругий лед. Он быстро глотнул, и ноздри его наполнились запахом горячей резины, но, как ни странно, язык почувствовал приятное тепло. Ланарк расслабился и в то же время ощутил в себе могучие силы. Он принялся за другой кусок – запах сделался еще противней. Положив нож и вилку, Ланарк сказал:

– Больше не могу.

Озенфант поднес к губам салфетку.

– Не важно. С одним глотком вы получаете все нужное питание. Когда вы привыкнете к запаху, то сможете есть больше, а через несколько лет начнете, как все мы, переедать.

– Через несколько лет меня здесь не будет.

– Да?

– Я собираюсь уйти, как только найду подходящего спутника.

– Почему?

– Мне нужно солнце.

Озенфант разразился смехом:

– Прошу прощения, но услышать, что вполне здравый человек питает такое странное пристрастие, было несколько неожиданно. Почему именно солнце?

Ланарк едва сдержал раздражение.

– Я хочу любить, видеться с друзьями, работать под солнцем.

– Но вы же не афинянин и не флорентиец – вы современный человек! В условиях современной цивилизации под солнцем работает презираемое, исчезающее меньшинство. Даже фермеры трудятся в четырех стенах. Что же до любви и дружбы, человечество всегда предпочитало наслаждаться тем и другим по ночам. Если бы вы предпочитали луну, я бы еще понял, но Аполлон нынче окончательно развенчан.

– Вы говорите как Сладден.

– Кто это?

– Человек из города, откуда я сюда поступил. Солнце светит там две-три минуты в день, и он считает, что это не имеет значения.

Прикрыв глаза руками, Озенфант произнес мечтательно:

– Город на берегу пересохшей реки. Город с площадью девятнадцатого века, уставленной безобразными скульптурами. Я прав?

– Да.

– Простите, но не могу устоять перед искушением. – Озенфант взял тарелку Ланарка, поставил на свою пустую и принялся неспешно есть, не переставая при этом говорить. – Этот город называется Унтанк. Календарь в нем основан на солнечном свете, но им никто не пользуется, кроме администрации. Большинство жителей забыли о солнце; более того, они отказались от часов. Они не отмеряют время и не планируют; их жизнью управляет элементарный аппетит, зависящий от случайных импульсов. Не удивительно, что счастливых среди них нет. В отношении политики у них процветает коррупция, и они бы не выжили без субсидий от более благополучных континентов. Но не связывайте эти беды с нехваткой солнечного света. В институте совсем нет солнца, однако он обеспечивает себя, и работники получают в достатке здоровую пищу и моцион. Наше существование отрегулировано по часам.

– Есть у вас библиотека?

– Даже две: фильмов и музыки. Последней заведу я.

– А как насчет книг?

– Книг?

– Я хочу почитать своей пациентке, а у меня только эти три.

– Читать! Как по-викториански! Покажите. Хм. Подборка вроде бы хорошо сбалансированная. Не знаю, чем можно ее дополнить, разве что обратиться к бедному монсеньору Ноуксу. У него всегда при себе какой-то пухленький томик. Может, Библия. В ней ведь полно забавных баек.

– Где его найти? – спросил Ланарк.

– Не торопитесь так – я бы не советовал покидать нас столь поспешно. Подумайте, сколько времени вы потеряете.

– Что вы имеете в виду?

– В этой вселенной каждый континент измеряет время по своему особому календарю, так что в промежутках оно не меряется ничем. Когда путешественник отправляется из института на соседний континент – Унтанк, например, или Прован, – ему приходится пересечь зону, где время является чисто субъективным переживанием. Иные осуществляют переход, ничего не заметив, но сколько лет пожертвовали вы, чтобы добраться сюда?

Чтобы скрыть охвативший его ужас, Ланарк встал и произнес коротко:

– Спасибо за предупреждение, но меня ждет пациентка. Где монсеньор Ноукс?

– В это время дня он обычно бывает в курительной комнате, наблюдает за купальщиками. Пройдете под арками у меня за спиной и никуда не сворачивайте, пока не доберетесь до третьей комнаты. Там поверните налево и прямо под аркой увидите его.

Покинув ресторан, Ланарк оказался в сияющей огнями комнате, где несколько стариков играли в бридж. В следующем помещении царил сумрак; там, под низко висевшими светильниками, виднелось множество столов для бильярда. Далее, в третьем зале, помещался плавающий бассейн. В гулком пространстве ныряли, плавали наперегонки или беседовали на краю бассейна мужчины и женщины с ровным коричневым загаром, какой получается под ультрафиолетовыми лучами. Ланарк пошел налево по скользкому, вымощенному плиткой помосту и добрался до стены с обычной аркадой. Поднявшись на две или три ступени, он очутился в комнате с мягким освещением, толстыми коврами и множеством кожаных кресел. Ноукс сидел вблизи ступеней, курил тонкую сигару и бросал иногда беглый взгляд на коричневые тела, отражавшиеся в голубовато-зеленой воде. Ланарк уселся напротив и начал:

– Я доктор Ланарк.

– Да-да.

– Моей пациентке требуется чтение, поэтому я собираю книги. По словам профессора Озенфанта, у вас можно позаимствовать книгу.

Ноукс вел себя так, словно не замечал Ланарка. Переводя взгляд то на купальщиков, то на свою сигару, он заговорил спокойно и безразлично:

– Профессор Озенфант – известный шутник. Он прекрасно знает, что у меня нет ничего, кроме трезника. Если бы ваша пациентка интересовалась молитвами, она была бы моей пациенткой.

– Он думал, у вас есть Библия.

– Тоже шутка. У меня есть Новый Завет на греческом, но, наверное, пациентка так же мало разбирается в греческом, как вы. Что вам уже удалось собрать? – Он просмотрел протянутые Ланарком книги и вялым жестом указал на «Священную войну». – Две другие – ерунда, но эта местами ничего. То есть главная мысль верная. Мне немного знаком автор. В одной из своих книг он вывел меня в качестве персонажа – не в этой, в другой. Описал недоброжела-

тельно, правда коротко. Озенфанта он тоже изобразил, но более верно и пространно. Не обращайтесь внимания на мои слова. Озенфант предупреждал вас насчет меня.

– Озенфант не сказал о вас ничего плохого.

Уставив глаза в пол, Ноукс прошептал:

– Значит, презирал меня окончательно. – Он поднял подбородок и заговорил почти в полный голос: – Знаете, он мне обязан своим постом. Именно я его вылечил. Он был очень трудным больным – наполовину пиявкой, наполовину драконом. Сегодня он заявляет, будто был чистым драконом. Я знаю, что это неправда. Я думал, что его вылечили литургия, мои молитвы и проповеди, но ему помогла музыка. О, как мы упивались музыкой в те поры! Обнаружив, что священный трепет ему внушает только музыка, я сделал его нашим органистом. С тех пор он рос, а я – я умалялся. Вы замечаете, наверное, в моем голосе раздраженную, сварливую ноту?

– Да.

– Тогда попытайтесь понять почему. Все эти профессора, мастера искусств и начальники отделений обязаны своей силой тому, что отщипывали кусочки от религии, которая их излечила, и создавали из них свою собственную религию. Теперь их объединяет не Бог, а союзничество, основанное на корысти. Где был прежде наместник Христа на земле, там заседает нынче лорд Монбоддо, председатель совета! – Он говорил обличающим тоном, выплевывая слова в лицо собеседника.

Ланарк начал оправдываться:

– Я здесь новичок. Я вас не понимаю.

Склонив голову, Ноукс прошептал:

– Вам нравится ваша работа?

– Нет.

– Тогда она вам понравится потом.

– Нет. Когда я вылечу эту пациентку, я покину институт вместе с ней, если она согласится.

– Бред! – выкрикнул Ноукс, рывком выпрямившись. Потом он склонился вперед, схватил Ланарка за руки и принялся бессвязно сыпать слова: – Нет, нет, нет, дитя мое, простите меня, простите, это не бред! Вы должны вылечить пациентку, должны покинуть с нею институт, и, если – то есть я хотел сказать когда – этот час придет, вы ведь не откажетесь выполнить мою просьбу? Обещаете сделать для меня кое-что?

Ланарк высвободил руки и раздраженно спросил:

– Что?

– Скажите людям, чтобы не стремились сюда. Скажите, пусть ноги их не будет в этом институте. Чуть больше веры, надежды и сострадания – и они самостоятельно избавятся от своих болезней. Если нет веры и надежды, достаточно одного сострадания.

– Почему я должен отговаривать людей от решения, которое вернуло мне здоровье?

– Тогда скажите им, пусть приходят сознательно, тысячами! Пусть явятся как армия людей, а не ждут, пока будут проглочены, как стадо жертв. Представьте себе институт, в котором на каждого пациента приходится по двадцать человек персонала! Тогда, если мы не вылечим пациента, нам нечем будет оправдаться! Мы будем похожи, – в его голосе появились мечтательные нотки, – на собор с конгрегацией священников. Институт мгновенно распадется к небесам.

Ланарк возразил:

– Не думаю, что от слов людям будет польза. И если вы так долго здесь работаете, значит вы не такого уж плохого мнения об институте.

– Вы ошибаетесь. Во всех здешних коридорах слышатся звуки, все более настойчивые и мощные, а фоном служит звук, похожий на дыхание голодного зверя. Уверяю, институт готовится проглотить весь мир. Я не стараюсь вас запугать.

Ланарк был скорее растерян, чем испуган. Встав, он спросил:

– Здесь есть поблизости лифт?

– Вижу, вы не собираетесь спасать других. Молитесь Господу, чтобы спастись самому.

Лифт в дальнем углу.

Пролавирав меж стульев, Ланарк нашел в стене между двумя арками открытый лифт.

– Первая камера сгорания, – сказал он, войдя.

– Чье отделение?

– Профессора Озенфанта.

Напротив открывшейся двери была знакомая коричневая материя. Раздвинув ее, Ланарк ступил в высокую, увешанную гобеленами студию. Ему казалось, что там будет темно, однако помещение было освещено, как в прошлый раз, и в центре он увидел со спины знакомую фигуру в черных брюках и жилетке, склонившуюся над верстаком. Смущенный Ланарк на цыпочках прошелся вдоль стен, разыскивая скульптуру *Correctio Conversio*. Время от времени он скашивал глаза на Озенфанта. Прилаживая на гитару кобылку, профессор ушел с головой в это ответственное занятие, и ему нельзя было мешать. Когда Ланарк отодвинул в сторону гобелен и вошел в низкий тоннель, он почувствовал облегчение.

Он сидел в крохотной палате, прижимаясь спиной к теплой закругленной стене. Все было неподвижно, кроме сжимавшейся и разжимавшейся руки зверя, и тихо, если не считать отдаленного размеренного стука. Откашлявшись, Ланарк сказал:

– Прошу прощения, что опоздал, но я принес книгу, которую похвалил один человек, знакомый с ее автором.

Ответа не последовало, и он начал читать:

ОПИСАНИЕ СВЯЩЕННОЙ ВОЙНЫ

Во время странствий, когда я прошел много стран и областей, судьба привела меня на этот прославленный континент Вселенной. Велика и обширна эта земля, и лежит она меж небес. Изобильна она водами, богато украшена холмами и долинами, прекрасно расположена и большей частью – судя по тем местам, где мне довелось побывать, – плодородна, густо населена, и воздух в ней весьма свеж.

– Я отказываюсь слушать вранье! – Голос разбудил вокруг гулкое эхо. – Думаешь, я жила не в той же самой Вселенной? Думаешь, мне не известно, какая это отвратная ловушка?

– Мой собственный опыт говорит о том, что права скорее ты, чем автор, – осторожно отозвался Ланарк, – но вспомни его слова: «большой частью – судя по тем местам, где мне довелось побывать». Честно говоря, если бы я чувствовал, что подобных мест не существует и нам туда ни за что не добраться, я бы сейчас не читал тебе книгу.

– Тогда почитай что-нибудь другое.

– Тут есть история про мальчика по имени Бедняжка Вулли; она в картинках. На первой изображено, как он выходит с отцом из парадной двери, которую отделяет от тротуара всего одна ступенька. Волосы его причесаны, башмаки начищены до блеска. Его мать смотрит им вслед и говорит: «Раз сегодня воскресенье, позволяю тебе немного прогулять Вулли перед обедом, но смотри, отец, чтобы он не перепачкал свое красивенькое платьице». Отец, высокий, худощавый, в шляпе с низкой тульей, отвечает: «Положись на меня, мать!» Вулли думает: «Здорово! Прогулка удастся на славу!» На следующей картинке они идут вдоль ограды, кото-

рая сделана из плотно пригнанных деревяшек. Не могу прочесть, что говорит Вулли, потому что его слова вычеркнуты мелком, но его отец...

– Это что, должно развлекать?

– Я бы хотел, чтобы ты видела картинки. Они такие забавные, без претензий – приятно смотреть.

– А другой книги у тебя нет?

– Только одна.

Он открыл «Орхидей для мисс Блэндиш не будет» и прочитал:

Это началось одним летним утром, в июле. Солнце поднималось над горизонтом в утренней дымке, от тротуаров уже струились испарения обильной росы. Воздух улиц был затхлым и безжизненным. Это был изнурительный месяц сильной жары, иссушенных небес и горячего пыльного ветра.

Оставив Старика Сэма отсыпаться в «паккарде», Бейли вошел в забегаловку «У Минни». Чувствовал он себя премерзко. Крепкие напитки плохо сочетаются с жарой. Во рту было сухо и противно, как в птичьей клетке, глаза словно запорошило песком...

Читал он долго. Раз или два он спрашивал: «Тебе нравится?» – и она отвечала: «Дальше». Наконец она прервала его хриплым хохотом:

– Да, эта книга мне по вкусу! Безрассудные надежды на шикарную, богатую, яркую жизнь, и потом похищение, насилие, рабство. Эта книга, по крайней мере, правдива.

– Она не правдива. Это мужские сексуальные фантазии.

– А у большинства женщин жизнь как раз и сводится к участию в мужских сексуальных фантазиях. Глупые этого не замечают, их к такой роли готовили с детства, и они счастливы. Конечно, автор этой книги ускорил события, чем придал им наглядность. То, что с этой Блэндиш случилось за несколько недель, у прочих женщин длится всю жизнь.

– Я не согласен! – вскипел Ланарк. – Не согласен с тем, что жизнь – ловушка для женщин, а для мужчин нет. Я знаю, что многим женщинам приходится работать по дому, потому что они возвращают новых людей, но домашняя работа больше похожа на свободу, чем работа в конторе или на фабрике; а кроме того...

Его слова заглушило эхо. Чтобы его перекричать, он повысил голос и разбудил гром, не умолкавший несколько минут. Потом он сидел и злобно пялился в никуда, пока она не произнесла:

– Читай дальше.

Глава 10. Взрывы

Он посещал ее палату дважды в день и читал, пока не охрипнет. Вскоре он потерял счет, в который раз перечитывает «Орхидей для мисс Блэндиш не будет». Однажды, чтобы разжиться для пациентки новой историей, он посмотрел в клубе для персонала ковбойский фильм, но упоминание об этом вызвало у нее приступ холодной ярости. Она верила только в повторяющиеся рассказы о жестоких мужчинах и униженных женщинах, а все остальное рассматривала как намеренное издевательство. Всякий раз Ланарк удалялся с першением в горле, не собираясь возвращаться, и так бы и поступил, если бы ему было куда пойти, кроме клуба для персонала. Комнаты с ярким, но мягким освещением, теплым воздухом и удобной мебелью вызывали у него гнетущее ощущение замкнутого пространства. Члены клуба были вежливы и дружелюбны, но разговаривали так, словно за пределами клуба ничего важного не существовало, и Ланарк опасался, что в конце концов им поверит. В иные времена он подозревал, что недолюбливает любезных людей, так как сам не отличается любезностью. Большую часть свободного времени он проводил в своей палате, в постели. Вид в окне перестал увлекать, потому что там мелькали теперь только тесные комнатенки с озабоченными жильцами. Однажды ему почудилась миссис Флек, его прежняя квартирная хозяйка, которая укладывала детей в кровать на кухне. После этого он предпочитал наблюдать таинственное движение огня меж пластинами полуоткрытых штор и лениво прислушиваться к радио. Он заметил, что между обращениями к докторам вклинивается все больше посланий иного рода:

«Внимание, прошу внимания! Внимание, прошу внимания! Комитет по экспансии объявляет, что после сто восьмидесятого всякий тремор должен рассматриваться как признак безнадёжности».

«Внимание, прошу внимания! Внимание, прошу внимания! Комитет по экспансии объявляет, что после сто восьмидесятого в клоаку больше не будут приниматься размягченные. Все безнадёжные мягкие будут сливаться через воронки в компрессионные шлюзы под главными палатами».

Однако эти безотлагательные приказания никак не сказывались на клубе для персонала, разве что во время трапез наблюдалось повышенное веселье. Народ за столиками улыбался, собравшись по четыре, громко разговаривал. В хоре выделялся раскатистый смех Озенфанта; одетый в легкий костюм, он был всегда на месте, неумолчно болтал и поглощал чудовищные количества еды. Только трое сидели тихо и поодиночке: сам Ланарк, монсеньор Ноукс и крупная, поразительно угрюмая девушка в комбинезоне цвета хаки, которая аппетитом почти не уступала Озенфанту.

Однажды вечером, когда Ланарк обосновался за столиком, к нему подсел Озенфант и весело произнес:

– Дважды сегодня, за завтраком и за ланчем, я делал вам знак подойти, и оба раза вы ничего не заметили. И вот, – он погладил желтую округлость своей жилетки, – гора приходит к Магомету. Хочу вам сказать, что я доволен – действительно очень доволен.

– Чем?

– Я человек занятой, даже за едой не перестаю работать, так что смог понаблюдать подробно лишь два ваших лечебных сеанса, но, поверьте, вы очень неплохо справляетесь.

– Вы не правы, как раз плохо. Она мерзнет, мне не удастся ее согреть, и все мои слова только увеличивают ее муку.

– Ну, вам достался, конечно, крайне тяжелый случай. Я отнес бы его к безнадёжным, но вам нужно было на ком-нибудь попрактиковаться. Однако вы проявили такт, терпимость и

выдержку, каких я меньше всего ждал от новичка. Теперь я хочу перевести вас с этого случая на более важный.

Перегнувшись через столик, Ланарк сказал:

– То есть все долгие часы, потраченные на чтение этой треклятой книги, пошли коту под хвост?

– Нет-нет, дружище, они были весьма плодотворны; я изучил вас как врача и понял, каких пациентов вы можете успешно лечить. У вас имеется неисчерпаемый запас флегматичности и выдержки; вы – превосходный буфер для тех умных, трагически настроенных пациенток, над которыми берет верх их собственное воображение. В тридцать девятой палате мы держим как раз такую больную; вылечившись, она замечательно дополнит нашу команду. Голова и конечности у нее свободны от брони. Если вам хочется по-прежнему посещать первую палату, то пожалуйста, хотя большую часть времени вы должны отдавать пациентке из тридцать девятой.

– А что, если моя первая пациентка пойдет на поправку и пожелает покинуть институт вместе со мной? Можно ли мне будет оставить вторую?

Озенфант сделал нетерпеливый жест.

– Такие сомнения характерны для новичков. Первая пациентка не поправится, и вам нет смысла уходить. Предположим, вы уйдете и доберетесь – что маловероятно – до континента, где больше солнечного света, но чем вы станете зарабатывать себе на хлеб? Будете собирать мусор в общественных парках?

Ланарк тихо проговорил:

– Я буду посещать свою первую пациентку, и только ее, пока она от меня не откажется.

Озенфант забарабанил пальцами по скатерти. Лицо его ничего не выражало.

– Доктор Ланарк, что вы будете делать, когда убедитесь в невозможности вернуть свою Эвридику?

– Я не такой ученый, чтобы понимать ваши шутки, профессор Озенфант.

Ланарк встал и удалился.

Злой и расстроенный, он чувствовал, что ожесточенность пациентки прольет бальзам на его раны. Вместо того чтобы отправиться в постель, он вошел в лифт и произнес:

– Студия Озенфанта.

– Профессор Озенфант сейчас делает запись. На вашем месте я бы не стал его беспокоить.

Голос показался Ланарку знакомым.

– Это вы, Глопи?

Лифт отозвался:

– Нет. Только часть меня.

– Которая часть?

– Голос, чувства, а также ответственность. Что сделали с остальным, мне неизвестно.

Сказано это было с таким стоическим достоинством, что Ланарку сделалось его жалко.

Положив ладонь на тепловатую стенку, он произнес смиренно:

– Мне очень жаль!

– Почему? Теперь я нужен людям. Никогда не бываю один, слышу разные интересные вещи. Если бы вы узнали, что делается в лифтах между этажами, вы бы поразились. Не далее как вчера...

– Очень рад, – проворно прервал его Ланарк. – Доставите меня на студию Озенфанта?

– Но он ведет запись.

– Этого не может быть, я только что расстался с ним в ресторане.

– Разве вы не знаете, что заведующие отделениями способны одновременно работать и принимать пищу? А когда ему мешают заниматься музыкой, он злится как черт.

– Доставьте меня в студию, Глопи.

– Хорошо, я вас предупредил.

Дверь отъехала в сторону, и до Ланарка донесся нестройный визг струнного квартета. Раздвинув гобелен, он вошел и задел плечом висевший микрофон. Напротив находилось четыре музыкальных пульта, за ними стояли люди. Высокая костлявая женщина в красном бархатном платье сражалась с виолончелью. Трое мужчин во фраках и белых жилетках, с бабочками, пикировали на скрипках. Один из них был Озенфант. Хриплым окликом он остановил музыкантов и, засунув скрипку под мышку, а правой рукой сжимая, как хлыст, смычок, направился к Ланарку. Когда расстояние между их лицами сократилось до одного дюйма, он замер и прошептал:

– Вы знали, конечно, что я занят записью?

– Да.

Голос Озенфанта, вначале спокойный, постепенно перешел в оглушительный крик:

– Доктор Ланарк, вам были предоставлены особые привилегии! Вы используете в качестве личной квартиры больничную палату! Вы ссылаетесь на меня в лифтах, и вас доставляют куда угодно прямым путем! Вы пренебрегаете моими советами, отвергаете мою дружбу, смеетесь над моей едой, а теперь!.. Теперь вы намеренно срываете запись бессмертной гармонии, способной спасти тысячи душ! Какие еще оскорбления вы собираетесь мне нанести?

Ланарк отозвался:

– Вы не на того расходуете гнев. Сперва вы подтолкнули меня к тому, чтобы я взялся за трудный случай, а теперь мешаете мне попадать в палату пациентки. Если не хотите меня видеть, обратитесь к инженерам. Пусть перестроят дверь в моей палате, чтобы я мог ходить через нее в обратную сторону, и нам не придется больше встречаться.

Налитые гневом черты Озенфанта от удивления разгладились.

– Так вы хотите ради этого обратить вспять потоки всего института? – спросил он слабым голосом. Он обтер лицо платком и добавил вяло: – Убирайтесь.

Ланарк проворно поднял гобелен и шагнул в коридор.

Скорчившись, Ланарк пробрался в камеру сгорания. Он был слишком расстроен, чтобы взять книгу там, где в прошлый раз ее оставил. На изящной человеческой руке он заметил у локтя серебряные пятна и стал вспоминать, видел ли их прежде. Он попытался накрыть ладонью эту движущуюся руку, но она сжалась в кулак. Голос произнес:

– Да, я здесь беззащитна. Почему не прибегнуть к силе?

– Рима!

– Я не твоя Рима. Читай дальше.

– Мне до смерти надоела эта книга. Почему бы нам не поговорить? Тебе, наверное, одиноко. Мне вот одиноко.

Ответа не последовало.

– Расскажи мне о мире, откуда ты пришла, – попросил он.

– Он был похож на этот.

– Ну уж нет.

– Осторожно! Ты боишься прошлого. Если бы я рассказала, что знаю, ты бы спятил.

– Мрачными намеками меня теперь не напугаешь. Меня не заботят прошлое и будущее. Мне не нужно ничего, кроме нескольких обычных дружелюбных слов.

– Я знаю тебя, Тоу, знаю как облупленного: истеричный ребенок, увлекающийся подросток, безумный насильник, мудрый пожилой папаша – я испробовала на себе все твои фокусы и знаю, что им грош цена, так что не надо слез! Не смей плакать. Печаль – это самый дрянной из фокусов.

Ланарк был слишком взбудоражен, чтобы заметить слезы у себя на щеках. Он отвечал:

– Ты меня не знаешь. Моя фамилия не Тоу. Ничего подобного со мною не было. Я некая банальность, которая все время страдает.

– Я тоже, но у меня есть мужество – мужество на все наплевать и ни за что не цепляться. Иди прочь! Разве ты не видишь, что происходит?

От плеча до запястья ее рука была усеяна серебристыми пятнами и звездочками. Ланарк не мог отделаться от ужасного чувства, что каждое его слово превратилось в такую отметину. «Доктор Ланарк уходит», – шепнул он. Панель открылась, и он пробрался в отверстие.

Кто-то поднял в палате штору, и в окне была видна грязная стена, с которой местами осыпалась штукатурка, обнажив кирпичную кладку. У Ланарка закружилась голова, и он едва не упал, но тут вспомнил, что покинул клуб, не съев ни крошки. Единственным утешением для него в институте оставалась здешняя противная, но подкрепляющая еда, потому он вернулся в ресторан. Там было почти пусто, лишь Озенфант сидел за своим обычным столиком, погруженный в беседу с двумя другими профессорами. Ланарк прошел к дальнему столику и дождался официантки.

– Есть у вас что-нибудь коричневое, сухое и рассыпчатое?

– Нет, сэр, но есть розовое, влажное и рассыпчатое.

– Мне четверть тарелки, пожалуйста.

Он приступил к еде, но тут у него под ухом раздался грубоватый, слегка неуверенный голос:

– Здесь свободно?

Ланарк поднял взгляд и увидел высокую девушку в комбинезоне цвета хаки. Она стояла, держа руки в карманах, и ела его глазами.

– Да-да, – отозвался он с облегчением.

Она села напротив. Рот, нос, брови девушки были ровными и красиво очерченными, как у греческих статуй; впечатление портил только тяжелый, выдающийся вперед подбородок. Вместо того чтобы развернуть свои стройные плечи, она сутулилась. Каштановые волосы были заплетены в неплотную толстую косу, которая свешивалась на левую грудь. Пальцы девушки то и дело проходились по косе резким движением. Она спросила отрывисто:

– Вы тоже ненавидите это место?

– Да.

– А что вам ненавистно больше всего?

Ланарк задумался.

– Манеры персонала. Знаю, им нужно быть профессионалами, нужны опрятность и порядок, но кажется, что они даже шутят и улыбаются, имея в виду профессиональные цели. А вам что не нравится?

– Лицемерие. То, как они изображают заботу о пациентах, а сами их используют.

– Но если они не будут пользоваться своими неудачами, они не смогут никому помочь.

Девушка низко склонила голову, так что Ланарк увидел ее макушку.

– Если вы так говорите, значит вы не так уж ненавидите это место.

– Ненавижу. И собираюсь отчалить, как только найду спутника.

Она подняла взгляд:

– Я пойду с вами. Я тоже хочу отчалить.

Ланарк смутился:

– Спасибо, конечно, но... но... у меня есть пациентка, не очень обнадеживающий случай, но я не могу ее оставить, пока не вылечу или не буду знать, что потерпел неудачу.

Девушка произнесла недовольно:

– А известно ли вам, что здесь никого не вылечивают, только поддерживают тела в свежем состоянии, пока не понадобится топливо, одежда или еда.

– Еда? – встрепенулся Ланарк и уронил ложку на тарелку.

– Конечно! А чем, по-вашему, вы питались? Вы никогда не заглядывали в клоаку? Вам кто-нибудь показывал стоки под палатами губок?

Ланарк потер глаза стиснутыми кулаками. Ему хотелось, чтобы его стошнило, но розовая субстанция хорошо его подкрепила: он чувствовал в себе необычайные силы.

– Ни к чему здесь больше не прикоснись! – горячо сказал он сам себе.

– Так как насчет того, чтобы уйти отсюда вместе?

Пустыми глазами он смотрел сквозь нее. Девушка вздохнула:

– Я вас пугаю, я пугаю большинство мужчин. Но я умею быть и очень нежной – недолго.

Смотрите.

Отсутствующим взглядом Ланарк обвел комнату в поисках выхода. Потом, когда больше смотреть было некуда, вернулся к ее лицу и обнаружил на нем такое выражение, что вытянул шею, стараясь получше его разглядеть. По лицу девушки блуждала пренебрежительная усмешка, но в дерзких глазах читалась досада, а еще глубже – безбрежная покорность и готовность сделаться на время всем, чего он только пожелает. Заглянув в эти глаза, он словно бы совершил стремительный полет над переменчивыми мирами, полными секса, и после полета ему сделалось ясно, что улыбка ее была робкой, а за резкостью скрывалась мольба. Осознав свою головокружительную власть, Ланарк задрожал всем телом. Взволнованно-вопросительным тоном она повторила:

– Я могу быть и очень нежной.

– Куда мы пойдем? – шепнул он, кивая.

– В мою комнату.

Они встали вместе и направились к выходу; Ланарк шагал неуклюже, поскольку его пенис упирался в брюки. Когда они шли мимо столика Озенфанта, профессор вскричал в комической тревоге:

– О, доктор Ланарк, только не уводите у нас нашего катализатора!

В лифте девушка распорядилась:

– Квартиры специалистов.

Лифт завибрировал.

Они обнялись, и Ланарк, ощутив ее крепкое женское тело, пробормотал:

– Давай остановим лифт между этажами.

– Это глупо.

– Огляди меня с презрительной улыбкой, как ты умеешь.

Она так и сделала и в ответ получила пламенный поцелуй. Она отвернулась со словами:

– Открой глаза, ты должен смотреть на меня, пока мы целуемся.

– Почему?

– Я сделаю все, что ты захочешь, но ты должен на меня смотреть.

Дверь скользнула в сторону, и девушка за руку вывела Ланарка в один из залов. Как все залы, он представлял собой гигантское круглое пространство, однако казался пустым и безмолвным, пока Ланарк не опознал тишину, какая наступает, когда вслушиваются. Несколько мужчин и женщин в комбинезонах стояли у стен, обратив глаза кверху. Ланарк тоже поднял взгляд и увидел перспективу из бегущих вниз золотых и оранжевых колец; в центре же качался, вырастая, черный треугольник. Можно было предположить, что это основание какой-то машины, которую спускали с верхнего этажа. По площади оно было, вероятно, сравнимо с самой шахтой, поскольку его металлический угол то и дело терся о стены, о чем свидетельствовал скрип. От пола его отделяло, наверное, больше мили: выглядело оно совсем маленьким. Ланарк стиснул руку девушки.

– Что это?

– Вакуумный экскаватор. Существо одолжило несколько для проекта экспансии. Они разговаривали шепотом.

– Откуда берут энергию, чтобы передвигать такие штуки?

– Из потока, конечно.

– А чем питается поток?

– Пожалуйста, не надо о технических подробностях. Пойдем в мою комнату. Тебе там понравится. Я сама ее украсила.

Пока девушка вела его через зал, Ланарк старался не думать о том, что будет, если необъятная машина грохнется на пол. От этого зала не отходили коридоры. Между дверьми лифта помещались маленькие дверцы. Обращаясь к одной из них, девушка шепнула: «Я дома», и дверца открылась внутрь.

В кубической формы комнате стены, потолок и пол представляли собой сплошное зеркало. В центре стояла низкая двуспальная кровать с бархатными подушками, прожектор, укрепленный на одной из стен, бросал на нее луч света – и этим обстановка ограничивалась. Ланарк прирос к месту: казалось, его окружают сотни сверкающих стеклянных коробок, каждая из которых содержала кровать, девушку и его самого. Опустив глаза, он увидел, что его ноги стоят на подошвах его двойника, который, покачиваясь, смотрит вверх. Он шагнул к кровати, заставив фигуры по обе стороны двинуться навстречу другому ряду фигур, видневшемуся спереди. Ланарк встал коленями на покрывало и попытался видеть только девушку, которая наблюдала за ним, откинувшись на кучу подушек.

– Тебе нравится? – спросила она робко.

Он помотал головой.

– Значит, ты думаешь, что я грубая и бесстыдная?

Он вспомнил о серебряном драконе и ощутил прилив нежности к девушке, которая не имела других средств, чтобы защитить себя, кроме резких манер и небольшого набора вызывающих фраз.

– Я знаю, что ты не такая. Скажи, как тебя зовут.

– Давай не будем пока переходить на личности.

Ланарк быстро разделся. Сочувствие к девушке, а также множество двойников, повторявших его движения, несколько умерили его похоть. Ласковым движением он расстегнул ее комбинезон и спустил его к бедрам.

Она шепнула:

– Как мне выглядеть?

– Улыбайся, как будто мы увиделись после долгой разлуки.

Она улыбнулась так мило, что он наклонился и стал целовать ее плечи. Большими пальцами она приподняла ему веки.

– Ты должен глядеть на меня, я теряюсь, когда на меня не смотрят.

– Плин-плон, плин-плон, плин-плон, – зазвенело радио.

Она пробормотала:

– Не обращай внимания.

– Дай я его отключу.

– Не получится, его можно только включать.

Пронзительные звуки не умолкали, и Ланарк, дотянувшись до своего халата, вынул радио из кармана. Он повернул выключатель и услышал веселый голос Озенфанта:

– Простите, если помешал, но думаю, вас заинтересует известие, что ваша пациентка вот-вот превратится в саламандру.

– Что?

– Сделать, конечно, ничего нельзя, но поспешите, если желаете насладиться зрелищем. Захватите вашу подругу.

Уронив радио, Ланарк прикусил зубами свой большой палец, потом встал и, как автомат, начал одеваться. Девушка смотрела, не поднимаясь с постели.

– Ты покидаешь меня, чтобы наблюдать за этим?

– За чем наблюдать? – Бросив на нее затравленный взгляд, он добавил: – Извини, – и принялся натягивать через голову рубашку. Торопливо одеваясь, он несколько раз повторил: – Прости, пожалуйста. – Он схватил с постели радио и принялся искать выход, но блестящее стекло было совершенно гладким. Он сказал: – Доктор Ланарк желает выйти.

Ничего не произошло. Тогда он закричал.

Девушка сказала:

– Это мой дом.

– Пожалуйста, выпусти меня.

В ее лице ничто не дрогнуло. Ланарк опустился на колени рядом с кроватью, схватил ее за плечи и взмолился:

– Видишь ли, одна знакомая собирается... собирается сгореть; ты должна меня выпустить.

Она дала ему увесистую пощечину. Он нетерпеливо потрянул головой.

– Да-да, ты права, но только ты должна меня выпустить.

– Откройте ему! – крикнула девушка. – И захлопните потом, да со всего маху!

Дверь открылась, и со словами «Прости меня, прости!» Ланарк выбежал наружу.

Если дверь и хлопнула за спиной у Ланарка, он этого не слышал: слишком уж шумно было снаружи. В центре зала имелась яма, в которую было опущено сверху два мощных каната. Они вибрировали, порождая звуки, подобные грому. Ланарк обежал вокруг зала, разыскивая лифт, но на всех дверях были повешены таблички «НЕ РАБОТАЕТ». Наконец он обнаружил небольшой тоннель, откуда импульсами поступали тепло и свет, и сунулся туда, против потока. Передвигаться так было почти невозможно, но он догадался лечь на пол и отталкиваться руками и ногами от тесных стен. Предельным напряжением он за несколько минут продвинулся примерно на три ярда. «Рима!» – крикнул он и, плача от бессилия, начал биться головой об пол, и тут сопротивление воздуха исчезло. Ланарк сел и выпрямился. Тоннель, светившийся и сзади, и спереди тусклым оранжевым светом, внезапно сделался совершенно черен. Стало холодно, шум стих, хотя издалека еще доносились щебет и разрозненные отчаянные выкрики:

«Тку мне стрее!»

«Трос! Трос тни, чтоб ео!»

«Дастьмне ктон накнец вертку!»

Обрадованный, Ланарк поднялся на ноги и бежал в темноте, пока не наткнулся на поверхность, которая загремела под его напором. Это была одна из завес. Он сделал шаг назад, чтобы навалиться на нее с размаху, но она открылась сама. Послышался оглушительный шум, словно многочисленные стаи скворцов бились в толстое оконное стекло. В ярком круге дверей стояли, глядя на Ланарка, трое людей с бледными лицами – двое в комбинезонах, а один в халате врача.

– Вы шли навстречу потоку! – закричали они.

– Другого пути не было.

– Но вы оставили без света клубы! Из-за вас застряли вакуумные экскаваторы!

Вмешался доктор:

– На это все мне наплевать, но вы вызвали эпидемию нервного тремора и бог знает сколько переломов. Если бы это случилось после стовосьмидесятого, вы оказались бы убийцей! Массовым убийцей!

– Простите, но мне необходимо добраться до студии Озенфанта.

Мужчины в комбинезонах переглянулись.

– Озенфант, конечно, большой человек, но если он будет позволять своим сотрудникам блокировать поток, ему несдобровать.

Доктор отвернулся и пошел прочь. Ланарк собирался последовать за ним, но один из мужчин в комбинезонах потянул его за рукав:

– Нет-нет, парень, ты уже достаточно наделал бед. Пойдем-ка туда, откуда ты явился.

Пока Ланарк, сопровождаемый двумя спутниками (один шел спереди, другой сзади), двигался к выходу, нормальное перемещение света и воздуха возобновилось. Когда они приблизились к залу, в тоннеле зазвучал обычный шум. Человек, шедший первым, ключом открыл один из лифтов, впустил всех внутрь и произнес:

– К профессору Озенфанту, потом к клоаке. – Кинув осуждающий взгляд на Ланарка, он добавил: – Клоаку затянуло льдом.

– Прошу прощения.

Дверь открылась. Ланарка вытолкнули в студию; спутники за ним не последовали.

Перед экраном сидели четверо, прихлебывали из стаканов и перебрасывались фразами. Озенфант, оглянувшись, воскликнул с улыбкой:

– Ага, вы как раз успели! Когда вырубилось электричество, мы испугались, что вам не добраться вовремя. Но постойте, дружище, у вас на лбу кровь!

На экране испускала сияние серебряная фигура, воздух чуть колыхался над ее разинутым клювом. Когда Ланарк перевел взгляд с нее на уютно расположившуюся группу, в нем вспыхнул гнев. Он быстро пересек студию, прошел между Озенфантом и музыкантшей, игравшей на виолончели, задрал правую ногу и всадил каблук в центр экрана. Экран треснул и погас. В полной тишине Ланарк направился к стене, отодвинул гобелен и шагнул в тоннель.

Наклонившись, он просунул плечи в открытый проем. Все ее конечности сейчас были покрыты металлом; она выросла и упиралась головой в одну стену и копытами в другую; крылья были простерты в стороны, и перья касались стен; пола совсем не было видно. Воздух обжигал, из клюва устремлялась вверх белая полоска, похожая на сигаретный дымок.

Он позвал:

– Рима.

Голос отозвался с восторженным трепетом:

– Это ты, малыш Тоу? Пришел попрощаться? Мне теперь не холодно, Тоу, мне тепло, а скоро я засияю.

– Я не малыш и пришел не затем, чтобы попрощаться.

Он забрался в проем, перешагнул подрагивавшие медные крылья, сел, расставив ноги, на серебряную грудную клетку и шумно выдохнул. Комнату заполняли клубы пара. С ликующим смешком она произнесла:

– Ты все еще здесь? Я тебе рада. Теперь, когда я удаляюсь, ты мне начал нравиться, но тебе нельзя здесь больше оставаться.

– Послушай! Послушай меня! – выкрикнул Ланарк и смолк, не зная, что добавить.

Он склонился и в отчаянии толкнулся головой в ее челюсти. Лицо обдало жаром, волосы встали дыбом. Раздался треск, и голос Озенфанта произнес резко:

– У вас остается десять секунд, чтобы покинуть помещение, купол вот-вот запечатают, его больше не откроют, у вас остается семь секунд.

Она снова рассмеялась; ее смех звучал прямо у его уха.

– Ты что, досадуешь, что некому будет больше читать, Тоу? Но я расправила крылья, полечу, куда захочу, а тебе со мною нельзя: взметнусь на пламени кудрей и, словно воздух, пожру людей.

– Ее челюсти вот-вот закроются, – проговорил Озенфант. – Слушайте, вы меня не любите, но я даю вам пять дополнительных секунд, пять секунд сверх положенного. Отсчет пошел.

Послышалось слабое шипение, и изо рта рванулось такое облако пара, что Ланарк с воплем отдернул голову.

– Ты еще здесь? – спросила она.

– Да, я здесь.

– Но я тебя убью.

– Пусть.

– Я не хочу тебя убивать.

Снизу проникла сквозь ледяной металл теплая волна; клюв захлопнулся с треском, похожим на пистолетный выстрел. Треск повторился, потом раздался щелчок. Пар начал рассеиваться, но Ланарк не сразу разглядел клюв, потому что голова отвалилась. Между плечами зияла черная дыра, из которой исходил слабо светившийся поток. Это были волосы. С новым щелчком лопнула грудная клетка. Ланарк свалился на крыло и прислушивался к грохоту, какой могли бы издавать катившиеся вниз по лестнице ведра и котлы. Серебряное тело, конечности трескались и распадались на куски, усеивая пол причудливыми металлическими обломками.

Нагая девушка с плачем съезжилась посреди камеры, ладонями растирая щеки. Она была высокая и светловолосая, но это была Рима, потому что она кивнула Ланарку и сказала:

– Нужно было тебе тогда взять куртку. Я не хотела, чтобы ты простыл.

Раздался треск, и голос Озенфанта произнес:

– Что происходит? Что происходит? Без экрана я ничего не вижу.

Ланарк был слишком ошеломлен, чтобы о чем-нибудь думать или испытывать какие-нибудь чувства: он просто смотрел на нее разинув рот и вытаращив глаза. Кожа Римы казалась влажной; она дрожала, обняв свои колени. Ланарк стянул с себя халат и вязаную кофту, откинул в сторону несколько обломков брони и пробрался к Риме.

– Надень-ка лучше вот это.

– Пожалуйста, накинь это на меня.

– Прекратите шептаться! – рявкнул Озенфант. – Я желаю знать, что произошло!

– Думаю, с нами все в порядке, – отозвался Ланарк.

После недолгой паузы Озенфант проговорил без выражения:

– Что касается вас двоих, я умываю руки.

Ланарк накинул одежду на плечи Риме и, обняв ее за талию, сел рядом. Она склонила голову ему на плечо и сонно заметила:

– Вид у тебя, Ланарк, словно только что из битвы.

– Скоро я приду в себя.

– Не знаю, прошу ли я тебя когда-нибудь за то, что ты сломал мои крылья. Конечно, хорошо снова стать человеком, но они были такие красивые.

Она как будто заснула, а он впал в оцепенение.

Потом она поцеловала его в ухо и пробормотала:

– Не попробовать ли нам выбраться отсюда?

Поднявшись на ноги, он сказал:

– Доктор Ланарк готов к выходу.

Камера сжигания ответила сурово:

– Вам позволено выйти, но вы больше не доктор.

В полукруглом помещении появилась линия, разделившая его пополам, и обе половины упали на пол. Ланарк с Римой сидели на корточках в небольшой комнатке с выходами в обе стороны. По низкому тоннелю из студии бежала, сутулясь, санитарка с метлой, за ней следовала

другая, толкавшая носилки. Первая санитарка смела в сторону металлические обломки, другая протянула Риме белую ночную рубашку и помогла ей одеться. Санитарки непрерывно смеялись и возбужденно болтали.

– Бедный Бровастик стоит как громом пораженный.

– Он нашел себе подружку, но теперь ему нужно вымыться.

– Ты можешь встать, дорогая? Ложись на каталку, мы потихоньку доставим вас обоих в славную тихую палату.

– Профессор зол на тебя, Бровастик. Говорит, что ты саботируешь проект экспансии.

Они повезли Риму по коридору в палату; Ланарк шел следом. Штора была поднята. В темно-зеленом небе виднелись две звезды и кроваво-красные перистые облака. Санитарки принесли полотенца и тазы и вымыли Риму прямо в кровати. Ланарк взял свой домашний халат и вымылся в туалете при палате. Вернувшись, он увидел, что санитарки расставляют вокруг кровати ширмы.

– Пожалуйста, оставьте просвет, чтобы мы видели окно.

Они выполнили его просьбу; одна санитарка погладила его по щеке, а другая сказала:

– Желаю приятно провести время, Бровастик!

Обе, прижав палец к губам, преувеличенно осторожно, на цыпочках удалились. Ланарк подошел к постели. Рима казалась спящей. Он осторожно скользнул под одеяло, устроился рядом с ней и тоже заснул.

Ланарку почудилось, будто кто-то светит факелом ему в глаза. Он поднял веки. В палате царил темнота, но небо за аркой было утыкано звездами. Взошла полная почти луна, и ее бледный, но ясный свет заливал кровать и Риму, которая, опершись на локоть, с серьезной полуулыбкой наблюдала за Ланарком и покусывала кончик серебристо-золотой пряди.

– Неужели помочь мне мог только ты, Ланарк? А не кто-нибудь особенный? Великий и прекрасный?

– Много тебе попадалось особенных людей?

– Одни обманщики. Но меня посещали фантастические сны.

– Я не представляю себе никого прекрасней тебя.

– Берегись, это придает мне силы. Может, я не встречу человека лучше тебя, но всегда смогу такого вообразить.

– А это как раз придает силы мне.

– Помолчи.

Они не заснули, пока он поочередно не исследовал все чудесные впадинки ее тела.

Глава 11. Пицца и оракул

Они пролежали в постели три дня, потому что Рима была слаба, а Ланарку нравилось быть рядом с ней. В окне виднелись голубые небеса; вдали то ли летали птицы, то ли менялись перед бурей облака, попеременно темнея и вспыхивая на солнце. Ланарк читал «Священную войну» и смотрел на Риму, которая по большей части спала. Он бывал прежде рядом с красавицами, но никогда не надеялся их коснуться; ответные касания и ласки были так великолепны, что он чувствовал, как его внутренности обращаются в золото. А поскольку Рима, восхищая его, также и восхищалась им, то восхищение множилось, отражаясь, и сияло вокруг, как ореол. Ее красивое светлое тело даже в поту светилось изнутри, словно в нем нежно дышало серебро, когда-то заключавшее его в себе. Когда Ланарк сказал Риме об этом, она проговорила с печальной улыбкой:

– Да, мне кажется, красота и деньги в чем-то родственны. Они дают нам уверенность в себе, но мы начинаем подозревать в корысти тех, кто нас желает.

– Ты мне не доверяешь? Я хотел сказать комплимент.

Кончиками пальцев Рима погладила его по щеке и заметила рассеянно:

– Мне нравится делать тебя счастливым, но как я могу доверять человеку, которого не понимаю?

Удивленно воззрившись на нее, Ланарк вскричал:

– Мы любим друг друга! К чему нам еще и понимание? Мы не понимаем даже самих себя, как же нам понять других? Для понимания доступны карты или математика, а мы, я надеюсь, сделаны из более плотного теста.

– Берегись! Ты становишься умником.

– Рима, кто из нас вышел наружу, когда треснула скорлупа? Мои мысли выросли, я их боюсь. Держи меня.

– Мне нравятся большие мужчины. Лучше ты меня держи.

В первый день Ланарк отказывался от пищи, объясняя это тем, что переел накануне. На следующее утро за завтраком, пока Рима ела, он разрезал бледную колбасу у себя на тарелке на тонкие ломтики, а потом попытался их спрятать, поставив сверху пустую тарелку Римы.

– Что с тобой? Ты заболел? – спросила она.

– Через день-два буду в порядке.

– Позовем лучше доктора.

– Нет необходимости. Как только мы покинем институт, я буду здоров.

– Ты говоришь загадками. Что ты скрываешь?

Рима допрашивала его полтора часа, умоляла, угрожала и, наконец отчаявшись, вцепилась ему в волосы. Он оборонялся, и схватка перешла в любовное сражение. Позднее, когда он лежал спокойно и ни о чем не думал, она пробормотала:

– А лучше бы ты все-таки признался.

Новый спор катился на него, как тяжелый валун.

– Я скажу, если ты пообещаешь, что не перестанешь есть.

– Конечно, не перестану.

– Тебе известно, что свет и тепло институт вырабатывает из таких больных, какой была ты. Ну вот, а пищу получают из пациентов с другим заболеванием.

Ланарк тревожно следил за Римой, опасаясь, что она вскрикнет. Она спросила с задумчивым видом:

– Этих людей не убивают намеренно?

Он вспомнил девушку-катализатора, но решил о ней не упоминать.

– Нет, но медработники вылечивают не так много народу, как утверждают.
– Но без них больным все равно пришлось бы плохо.
– Наверное. Думаю, да.
– Как бы то ни было, если я откажусь от пищи, я умру, а вылеченных не прибавится. Так почему я не должна питаться?
– Я хочу, чтобы ты питалась! И взял с тебя такое обещание.
– А почему ты не хочешь есть?
– Этому нет логического объяснения. Меня останавливают инстинкты, предрассудки. Но не беспокойся, я вполне могу продержаться без пищи еще два или три дня.
– А я нет! – глядя ему в глаза, выкрикнула Рима.
– Но я хочу, чтобы ты ела.
– И тогда ты будешь меня презирать.
Ланарк смутился:
– Нет, не то чтобы я тебя презирал...
Отвернувшись, она сказала холодно:
– Правильно. Я тоже не буду есть.
В течение долгих часов Рима лежала молча и неподвижно. Когда санитарка принесла ланч, она от него отказалась.

После полудня в окне виднелись густой жемчужный туман и крохотное ярко-белое солнце. Ланарк чувствовал, что Рима не спит. Он попытался ее обнять, но она стряхнула его руку.

Ланарк резко спросил:
– Ты понимаешь, что согласиться есть эту пищу для меня значит потерпеть поражение, которое я никогда не забуду?
Рима молчала. Вынув радио, Ланарк сказал ему:
– Доктору Ланарку требуется переговорить с доктором Манро.
– Прошу прощения. В списке персонала отсутствует доктор по фамилии Ланарк.
– Но доктор Манро меня спас. Я отчаянно нуждаюсь в его совете.
– Прошу прощения, мистер Ланарк, у доктора как раз закончился рабочий день. Утром после завтрака я обязательно передам ему вашу просьбу.

Ланарк положил радио и начал покусывать сустав большого пальца. Когда санитарка принесла ужин, он стал уговаривать Риму, чтобы она поела без него, но она снова попросила унести еду. Ланарк встал и долго бродил по палате, потом вернулся в кровать и устало лег на спину.

– Не волнуйся. Я буду есть.

Вскоре ее рука обвилась вокруг его талии. Рима нежно поцеловала его между лопаток и прижалась грудью к его спине, животом – к его ягодицам и ногами – к его ногам. Так, в тесном соединении, как пара ложек в ящике, они пролежали до утра.

Их разбудила санитарка, которая привела в порядок постель и помогла Риме вымыться. Ланарк, успокоенный и счастливый, побрился и вымылся в туалете. Проголодав два дня, он очень хотел есть и был рад предложению нарушить обещание, данное самому себе, тем более что Рима не держалась победительницей, а проявляла нежность и благодарность. Когда он вернулся к перестеленной кровати, санитарка принесла завтрак и поставила у его коленей тарелку с маленькой и прозрачной розовой полусферой. Ланарк посмотрел на еду, схватил нож и вилку, потом взглянул на Риму, которая ждала, не сводя с него глаз. Ощувив холод и одиночество, Ланарк вернул тарелку со словами:

– Не могу. Я собирался поесть и хотел, но нет, не могу.

Рима тоже отдала санитарке тарелку, потом отвернулась и заплакала.

Санитарка сказала:

– Ну прямо как дети малые. Как вы поправитесь, если не будете есть?

Она увезла тележку, и тут ожило радио. Ланарк повернул выключатель.

– Это вы, Ланарк? – быстро спросил Манро.

– Да. Когда мы можем отбыть, доктор Манро?

– Как только ваша спутница окрепнет и сможет ходить. Для этого достаточно еще четыре дня отдыхать и усиленно питаться. Что я слышу? Рыдания?

– Да, видите ли, мы не можем есть больничную пищу. Вернее, я не могу, а она не хочет.

– Вот незадача. Что вы собираетесь делать?

– Нельзя ли где-нибудь достать приличную еду?

В голосе Манро послышались сердитые ноты:

– На каком основании вы требуете себе лучшую еду, чем та, которой довольствуемся мы все, в том числе даже лорд директор? Как я уже говорил, институт изолирован.

– Тем не менее некое существо шлет сюда тонны дорогостоящего оборудования.

– Это другое дело, оборудование предназначено для проекта экспансии. Не говорите о том, чего не понимаете. Если вы с вашей спутницей желаете покинуть институт, придется есть, что дают, и не идти против потока.

Радио замолкло. У Ланарка снова, еще сильнее, чем прежде, засосало под ложечкой. От голода, а вдобавок от огорчения из-за слез Римы он почувствовал себя совсем несчастным. Сложив руки на груди, Ланарк громко сказал:

– Пусть все остается как есть, пока дела не сдвинутся или в лучшую, или в худшую сторону.

Рима обратилась к нему с криком: «Что ты за дурак!» – и прошлась ногтями по его лицу. Он спрыгнул с кровати и яростно бросил:

– Лучше я уйду, тогда ты сможешь есть! Скажи только слово – и избавишься от меня навсегда!

Рима натянула на голову покрывало. Ланарк надел халат, вышел из-за ширм и стал бесцельно мерить шагами палату. Потом он вернулся и сказал спокойно:

– Рима, прости, что я на тебя накричал. Я повел себя грубо и эгоистично. И все же, если бы меня не было, ты бы, наверное, смогла нормально питаться. Что, если я удалюсь на пару дней? Обещаю вернуться.

Она оставалась под покрывалом, словно ничего не слышала. Ланарк присоединился к ней и задремал.

Ланарк проснулся оттого, что кто-то пихнул его в голень. Рима все так же не высовывала головы из-под покрывала, однако на кровати сидела высокая прямая фигура в черной сутане. Ланарк поднялся. Это был монсеньор Ноукс. Покусав нижнюю губу, он произнес:

– Извините за вторжение, но, кажется, дело не терпит отлагательств. – Голос его звучал спокойно и безразлично, и можно было подумать, что обращается он к коричневому чемодану, стоявшему у него на коленях. Прежде чем Ланарк придумал, что ответить, Ноукс продолжил: – Некто – имен называть не буду – рассказывал вам, конечно, о том, что я пользовался здесь в свое время немалой властью. Фактически я был директором института, хотя тогда должности назывались иначе. Но не важно. От прежнего статуса я сохранил лишь одну привилегию: посещать церковные конференции на тех континентах, где связь между кормлением и убийством людей не столь очевидна. Благодаря этому у меня оказался небольшой набор деликатесов, который может вам пригодиться. Я слышал, что вы отказываетесь от нашей еды.

Рима, поднявшись, оперлась на плечо Ланарка, и оба наблюдали, как Ноукс раскрыл свой чемодан и выложил на покрывало:

картонную коробочку сыра с красными коровами и зелеными лугами на наклейке большую плитку шоколада в золотой фольге пакет с финиками колбасу салями длиной фута в два жестянку равиоли четыре пузатых бутылочки крепкого портера жестянку абрикосов ломтиками бутылочку вишневого ликера банку сгущенки жестяную банку копченых устриц большой бумажный пакет с сушеным инжиром столовые приборы тарелки консервный нож.

– Как вы добры! – вскричала Рима и тут же принялась за инжир.

– Вы порядочный человек, – горячо подхватил Ланарк, открывая коробочку сыра.

Ноукс, наблюдая за ними с чуть заметной задумчивой усмешкой, проговорил:

– Каннибализм всегда был главной проблемой человечества. Когда у церкви была власть, мы старались умерить аппетиты прожорливых классов, регулярно подкармливая паству кровью и плотью Христовой. Не стану уверять, будто духовное сословие всегда придерживалось аскетизма, однако многие из нас некоторое время кормились исключительно от добродетельных даяний. С тех пор как институт объединился с советом, можно подумать, что половина континентов питается другой половиной. Человек – это пирог, сам себя выпекает и поглощает, и рецепт этого блюда – разделение.

– Вы очень к нам добры. Мне хотелось бы хоть чем-нибудь вас отблагодарить.

– Вы можете. Однажды я обратился к вам с просьбой, но вы не захотели.

– Вы просили, чтобы я предостерегал людей против института.

– Я просил, чтобы вы всех и каждого предостерегали против института.

– Но, монсеньор Ноукс, мне это не под силу, я слишком слаб. Когда я покину институт, я, конечно же, стану разоблачать его в частных беседах и голосовать на выборах за партии, ему оппозиционные, но чтобы вести какую-либо работу, у меня не хватит времени. Мне придется зарабатывать себе на хлеб. Простите меня.

Ноукс печально отозвался:

– Не извиняйтесь. Обязанность священника состоит в том, чтобы призывать паству быть лучшими людьми, чем он сам.

Перестав жевать, Рима спросила:

– А что не так с институтом? Я здесь вылечилась, а как остальные?

Ланарк отрывисто заметил:

– Чтобы тебя вылечить, пришлось нарушить инструкции моего отделения. Институт – это машина, убивающая людей.

Ноукс покачал головой и вздохнул:

– Ах, если бы он был всего лишь машиной убийства, разрушить его было бы проще простого. Подобно всем машинам, он служит интересам своих владельцев, а сегодня многие его подразделения находятся в руках людей добрых и беспомощных, которые не знают, что они каннибалы, а если им сказать, не поверят. Институт также удивительно терпим к тем, кого здесь признают человеком, и вылечивает больше больных, чем вы думаете. Даже те сообщества, которые ведут против него борьбу, в большинстве своем без него бы не выжили: ведь он является важным источником знаний и энергии. Потому-то директор института возглавляет также и совет, хотя две трети членов совета его на дух не переносят.

– От одного специалиста я слышал, что здесь не вылечивают никого.

Краем глаза взглянув на Римку, Ноукс отозвался приглушенным голосом:

– Этот человек занимается такими ситуациями, какие прочий персонал старается предотвратить. Ее взгляд на наши медицинские достижения неизбежно пессимистичен.

– Если все это верно, то зачем вообще нужно предостерегать народ?

Ноукс выпрямился и произнес с нажимом:

– Потому что институт обезумел от жадности и расплзается подобно раку, потому что он загрязняет континенты и безобразит творение Божье! Страшное признание для священнослужителя, однако временами меня больше заботят растения, животные, чистый воздух и

вода, которые институт губит, чем люди, которых он съедает. В кошмарах мне снится мир, где нет ничего, кроме наших коридоров, и никого, кроме персонала. Мы едим червей, выросших в бутылках. Между трапезами мы часами исполняем бетховенскую симфонию с хором под управлением Озенфанта, а экраны показывают старые цветные фильмы с нагими юнцами и девицами, танцующими среди цветов под солнцем, которого больше не существует.

Рима перестала жевать, Ланарк бросил боязливый взгляд в окно. Ослепительное солнце висело над морем облаков, которое стремительно пересекал орел. Указав на окно, он спросил:

– А это не?.. Это не?..

Ноукс вытер себе лоб.

– Это не фильм. То, чего я страшусь, пока не произошло. – Он захлопнул чемодан и поднялся на ноги. – Здоровье у меня никуда не годится. Вас сбиваю с толку и сам запутываюсь. Благослови вас Бог, дети мои.

Большим и указательным пальцами он начертал в воздухе крест над их головами и поспешил к двери. По виду он настолько напоминал человека, спасающегося бегством, что было бы жестоко кричать ему в спину «спасибо» или «до свидания».

– Как ты думаешь, он сумасшедший? – спросила Рима.

– Нет. Он проявил себя слишком порядочным человеком.

– Да, он милый, но держу пари, что он ни разу никого не вылечил.

Санитаркам, принесшим ланч, было сказано, чтобы они убрали еду и больше не принесли. Ланарк с Римой съели четверть салами, немного сыра и несколько инжирин; потом он помог ей дойти до туалета, где она приняла ванну, а он потер ей спину. Вернувшись в кровать, они пили вишневым ликер и сонно целовались. Когда под кожей Римы начало светиться серебро, Ланарк задумался и проговорил:

– Рима, в камере сторания ты временами называла меня Тоу.

Поразмыслив, она отозвалась:

– Да, в этой броне мне снилось немало странных снов. Тебя звали Тоу или Коултер, мы стояли ночью на мосту под луной, и из-за деревьев выглядывал какой-то старик. Ты хотел меня убить. Дальше не помню.

– Интересно, как бы я мог узнать об этом побольше?

– К чему? Разве мы не счастливы, когда не ссоримся?

– Да, но скоро мне придется работать, а я забыл, что умею делать. Нужно было спросить Ноукса, есть ли способ узнать, как ты жил до Унтанка.

– Вызови его по радио.

– Нет, я позову Манро. На него я больше рассчитываю.

С Манро его соединили на удивление быстро.

– Я звоню, чтобы сказать: все в порядке, мы сами раздобыли еду.

– Очень хорошо. Вы только за этим позвонили?

– Нет. Я заинтересовался прошлым, но, видите ли, ничего не могу вспомнить...

Раздался треск, и ровный голос произнес:

– Архив слушает. Чем могу вам помочь?

– Я интересуюсь своим прошлым. Меня зовут Ланарк...

Раздалось громкое жужжание, затем голос быстро и монотонно стал читать:

– Вы прибыли в Унтанк третьего числа десятого месяца тысяча девятьсот пятьдесят шестого солнечного года по назарейскому календарю. Назвали себя Ланарком, явились в центральную контору службы социального обеспечения, были зарегистрированы в качестве дракона и получили восемь фунтов, девятнадцать шиллингов и шесть пенсов. Устроились на квартиру к Белле Флек, Ашфилд-стрит, семьсот тридцать восемь, Унтанк номер два, а через

тридцать дней запросили допуск в институт. Были доставлены в человеческой форме в семьдесят пятый день четыре тысячи девятьсот девяносто девятого десятичного года от основания, а на восьмидесятый день сделались младшим ассистентом профессора Озенфанта, отдел энергетике. Развитию вашего таланта воспрепятствовали бессмысленные буйные выходки. Восемьдесят пятого числа вы прервали сеанс звукозаписи, оскорбили катализатора, заблокировали поток и разбили видеоэкран. Ваше перемещение назначено на восемьдесят восьмое число, что должно быть одобрено лордом Монбоддо, директором института, координатором проекта экспансии и президентом совета.

Неожиданно громко затрубили фанфары, но очень скоро музыка оборвалась.

Ланарк буркнул раздраженно:

– Это мне известно. Я хочу знать, что было до того, как я явился в Унтанк.

– Вы явились в Унтанк по воде, а она вне юрисдикции совета. Желаете проконсультироваться с оракулом?

– Конечно, если от этого будет польза.

Холодный белый пластик малюсенького приемопередатчика раскалился докрасна. Ланарк уронил его на покрывало; Рима вскрикнула, Ланарк рукавом смахнул аппарат на пол, где он с громким хлопком взорвался.

Вокруг кровати клубился едкий голубой дым, щипавший глаза. Рима, не вставая, смотрела на Ланарка. Он вынул изо рта обожженные пальцы и спросил, в порядке ли она. Его оглушило взрывом, поэтому ответ донесся как бы издалека. К нему примешивался отдаленный голос, повторявший Помогите, помогите, кто-нибудь меня слышит?

Рима спросила, кто там, и тут голос заговорил прямо в ухо Ланарку. Не мужской и не женский, взволнованный, он держал странную невыразительную ноту, словно произносимые слова при печати не следовало выделять как прямую речь.

Голос сказал Я рад, что вы позвонили.

Ланарк энергично потряс головой и твердым тоном попросил:

– Пожалуйста, не могли бы вы рассказать мне о моем прошлом? Начиная с детства.

Голос сказал Мне очень нравится подобная работа, но вам придется дать мне зацепку. Сохранился ли у вас какой-нибудь предмет из прошлого?

– Нет, ничего.

Одежда, например?

– Моя одежда растворилась на пути сюда.

Может, в карманах было что-нибудь нерастворимое?

– Разве что... одну минуту.

Ланарку вспомнилось, как Манро доставал пистолет из выдвижного ящика в шкафчике его умершего соседа. Он открыл свой собственный ящик и заглянул туда. По большей части он был заполнен едой, но в уголке нашлись крохотная волнистая раковина и кварцевый гольш с серыми и кремовыми прожилками.

– Я нашел морскую ракушку и камешек.

Возьмите по предмету в каждую руку. Да, я вижу теперь, откуда вы пришли. Вас звали Тоу. С какого возраста начинать рассказ: с пяти лет, пятнадцати или десяти?

– С пяти, пожалуйста.

Ланарк лег поудобней, и оракул, голосом не по летам развитого ребенка, начал Дункан Тоу провел синюю линию в верхней части листа и коричневую вниз. Нарисовал великана, который бежал по коричневой линии с плененной принцессой, но принцесса никак не выходила красивой, и потому в руках у великана он изобразил мешок. Принцесса была внутри. Отец...

– Простите, – перебил оракула Ланарк. – Вы рванули с места в карьер. Не могли бы вы для начала описать географическое и социальное окружение?

После недолгого молчания голос заговорил сухим тоном ученого Река Клайд впадает в Ирландское море. Вблизи ее устья расположено множество островов и полуостровов, принадлежащие Британии. Невдалеке от места впадения на Клайде расположен Глазго – промышленный город, где живет в наши дни множество людей, но где никто не представляет себе жизни. Помимо собора, университетской караульни и примитивной средневековой башни с часами, почти все постройки возведены в этом и прошлом веке...

– Простите, что опять перебиваю, но откуда вам это известно? И вообще, кто вы?

Голос, помогающий вам увидеть себя.

– Но я слышал слишком много таких голосов. Это не были голоса лжецов, даже Сладден и Озенфант во многих случаях говорили правду, но только ту правду, которая не противоречила их замыслам. А какие замыслы у вас? Какие сведения вы намерены опустить?

Голос сказал мрачно У меня вообще нет замыслов. Опустить я постараюсь только повторы, но навряд ли получится. С тех пор как я превратился в ничто, я просто помешался на подробностях.

– Не понимаю.

Тогда, прежде чем взяться за вашу историю, я расскажу свою. Она не так занимательна, но в ней отсутствуют подробности, поэтому она короче, а поскольку я некогда жил в вашей стране, вы получите некоторое представление об ее экономике.

Оракул заговорил мужским голосом, пожилым и напыщенным. Ланарк уселся поудобнее. Рима, зевнув, прижалась к его спине. Через пять минут Ланарк заметил, что она спит.

Пролог, где повествуется о том, как финансовый гений, перед которым раскрывается начальный, не чуждый чувственного восприятия, период его жизни, производит на свет ничто и делает его оракулом

Сызмальства мне хотелось иметь дело только с чем-то неоспоримым, и, подобно всем мыслителям, вскоре я перестал доверять тому, что можно было только видеть или осязать. Большинство полагает, будто полы, потолки, тела ближних, солнце и тому подобное – самое несомненное из существующего, однако я, по поступлении в школу, осознал, насколько окружающий мир недостоверен по сравнению с числами. Возьмите простейший вид цифр – какой-нибудь телефонный номер: к примеру, 339-6286. Он существует вне нас, поскольку содержится в телефонном справочнике, но в наших головах сохраняется в точности таким, каков есть, так как сама цифра и наше представление о ней полностью идентичны. Наш ближайший друг, по сравнению с его телефонным номером, изменчив и ненадежен. Он тоже, безусловно, существует вне нас, и благодаря тому, что мы о нем помним, он также в некотором роде существует и в наших головах, хотя опыт показывает, что наше представление о человеке совпадает с ним самим лишь отчасти. Не важно, насколько хорошо мы его знаем, как часто с ним встречаемся, насколько устойчивы его привычки: он постоянно будет попирать созданный нами образ новым костюмом, переменой в мыслях, старением, болезнью и даже кончиной. Более того: мое представление о человеке никогда не совпадет с представлениями о нем других людей. Многие раздоры возникают из столкновения противоречивых суждений о чужом характере, однако никто не затеет спор относительно его телефонного номера, и если бы мы довольствовались численным описанием друг друга, указывая рост, вес, дату рождения, размер семьи, домашний и служебный адрес, а также – наиболее содержательный показатель – величину годового дохода, то за пределами разноречивых мнений было бы достигнуто полнейшее согласие о реальных сущностях.

Школьные учителя прочили меня, выпускника, в физики, но я эту идею отверг. Наука действительно держит физический мир под контролем посредством математического его описания, однако выше я уже упоминал о моем недоверии к физическим предметам. Они слишком далеко отстоят от умственной сферы. Я предпочел отдаться цифрам, которые в наиболее чистом виде представляют собой умственный продукт и потому оказывают на нее самое сильное влияние, а именно – деньгам. Я сделался бухгалтером, а позднее биржевым маклером. Меня озадачивает, почему люди, обладающие или ворочающие большими суммами, обычно именуются материалистами: ведь финансы – это сугубо интеллектуальная, предельно духовная деятельность, поскольку они гораздо более связаны со значимостью материальных объектов, нежели с ними самими. Разумеется, финансовая сторона не обходится без реальных предметов как таковых, ибо деньги являются выражением их ценности и не могут существовать без них (так и сознание неотделимо от телесной оболочки), и все же действительность по отношению к деньгам вторична. Если вы в этом сомневаетесь, задумайтесь, чем вы предпочли бы владеть: пятьюдесятью тысячами фунтов или же земельным участком стоимостью в пятьдесят тысяч фунтов. Земельный участок охотнее приобретут только финансисты, которым известно, каким образом приумножить его стоимость – сдачей в аренду или перепродажей, и посему любой выбор доказывает предпочтительность обладания именно деньгами. Вы, вероятно, возразите, что при некоторых обстоятельствах миллионер отдаст все свое состояние за чашку воды, но подобные ситуации возникают куда чаще в дискуссиях, нежели в обыденной жизни, и лучшим

индикатором подлинного отношения людей к деньгам служит инстинктивное почтение, какое испытывают к богачам все, кроме невежественных дикарей. Многие с этим не согласны, однако подведите этих несогласных к действительно состоятельному человеку – и вы убедитесь в их неспособности обращаться с ним без должной предупредительности.

Когда и я стал по-настоящему состоятельным человеком, мне было тридцать пять, хотя уже довольно долго я жил в квартире с гостиничным обслуживанием, водил «хамбер», на уик-эндах играл в гольф, а по вечерам – в бридж. Чуждые финансовым отчетам считали мою жизнь монотонной: им неведом был крутой целеустремленный подъем с одного уровня преуспеяния на другой, более высокий; они не понимали острого волнения при мысли о том, каких потерь чудом удалось избежать; не разделяли ликования от внезапно хлынувшей на тебя прибыли. Риск лежал всецело в эмоциональной области: материальная обеспеченность была мне гарантирована. Я опасался алчности трудящихся классов и некомпетентности правительств, но только потому, что они угрожали кое-каким цифрам в моих счетах: бояться холода или голода мне было незачем. Мои знакомые жили, подобно мне, в мире цифр, а не в путанице зримых и осязаемых вещей, привычно называемой реальной действительностью, однако у них были жены, и это означало, что по мере роста богатства им приходилось переселяться в более просторные дома, покупать новые автомобили и обзаводиться кабинетами со старинными гравюрами для вечеринок с коктейлями. Все эти темы, естественно, возникали у них в разговорах, но я слышал также, как они упивались и прочими пустяками с тем бóльшим восторгом, чем бесполезнее были эти пустяки. «Смотрите-ка, нарциссы снова с нами!» – восклицали они, или: «Вот те на! Харрисон сбрил усы». Я видел просто лист, для них он был «чудесным зеленым листком». В новой гидроэлектростанции они усматривали «технологический прогресс» или «промышленность, губительную для сельской местности». Однажды на вечеринке парочка учинила потасовку. Я что-то объяснял заказчику, из-за шума пришлось повысить голос, а прочие гости принялись перешептываться, плюясь словечками вроде «позор», «дикость», «стыдоба», «ужас», «мерзость». Мне стало ясно, что большинство людей распирает от эмоций и они избавляются от них, вкладывая их в объекты, которые не могут использовать. Я избытком эмоций не страдал, работа поглощала меня целиком, но теперь понимаю, что эти случайные вложения приносили выгоду. Подобно тщеславным женщинам, объекты позировали перед своими поклонниками во всем блеске, переливаясь красками, которые мне так и не позволено было увидеть. Они демонстрировали мне себя ровно настолько, чтобы дать знать о своем существовании. А однажды перестали делать и это.

Однажды я изучал какой-то документ, и вдруг мое внимание переключилось на перемену, происшедшую за пределами печатной страницы. Я всмотрелся в столешницу. Она была изготовлена из полированного дерева с едва заметными волнистыми прожилками, но теперь прожилки исчезли, и поверхность сделалась пустой, будто пластик. Я оглядел офис, обставленный по-современному, поскольку питал неприязнь к аляповатым излишествам. Белые стены и простой ковер выглядели как обычно, однако вид за окном изменился. По обеим сторонам прежней стандартной улицы в деловом центре старомодного промышленного города с колоннами и искусной резьбой на фасадах домов тянулись теперь ровные поверхности с проделанными в них прямоугольными отверстиями. Я тотчас понял, что происходит. Действительность, не довольствуясь тем, что представляла передо мной воплощенной в значительно более скудном материале, нежели перед другими, принялась за дальнейшую экономию. Если раньше мне виделись излишние подробности или оттенки, то теперь они исчезли вовсе. Дерево, камень, любая узорчатая поверхность – все сделалось гладким и ровным. Переплетение нитей в ткани перестало различаться, все двери до одной казались изготовленными из плоской филенки.

Однако ущемленным я себя не чувствовал: внешней действительности все еще хватало для дальнейшего освоения; с иными задачами я справлялся даже лучше, чем прежде. Раньше, входя в комнату, где сидели служащие, я обычно вынужден был оглядеть присутствующих, прежде чем найти среди них нужного мне человека; время тратилось попусту, особенно когда я считал долгом кивнуть или улыбнуться тем, кого заметил в первую очередь. Позднее я стал видеть только того, кого искал, остальные были невидимы, если только никто не бездельничал или не желал со мной заговорить; в таком случае они представляли достаточно вещественными для общения. Вы спросите, почему я никогда не сталкивался ни с кем из окружающих. Что ж, у меня в офисе о том, кому посторониться, должны были заботиться подчиненные, а за рулем я обращал внимание на дорожные знаки и соседние автомобили, не замечая ни прохожих, ни местности. Но вот однажды я, привычно припарковав машину на боковой улочке, открыл дверцу, чтобы направиться в офис, однако не увидел ни улицы, ни мостовой, а только сплошную серую пелену, сквозь которую к смутно различимому силуэту моей конторы (прочие здания вокруг отсутствовали) вели прочные, под цвет мостовой, камешки, каждый размером с мою подошву и одинаковый с ней по форме. Выйдя из машины, я мог ступать только по ним: едва я отрывал ногу от камешка, как он исчезал. Я начал испытывать приступы головокружения, охваченный ужасом перед тем, что произойдет, если я шагну между этими камешками. Дойдя до дверей конторы (я видел ее совершенно ясно), я присел на корточки и, в порядке эксперимента, приложил ладонь к пустоте. Там, соответствуя по форме моей руке, появился крохотный участок мостовой. Одновременно вокруг меня материализовались трое служащих, обеспокоенных моим самочувствием. Я притворился, не слишком убедительно, будто завязываю шнурок.

Позже я сидел во вращающемся кресле над фатомами пустоты, и всюду вокруг меня простиралась серая пустота: только в шести футах справа по наклоненному блокноту двигался кончик карандаша, который заносил на бумагу слова, диктуемые мной секретарше. В моей правой руке было такое ощущение, словно она опирается о колено, но я видел только один часовой циферблат. В половине шестого возникшие передо мной камешки, окрашенные под цвет ковра, выманили меня из кресла, но ступать по ним было сложно, поскольку ног своих я не видел, а дойдя до конца, вместо камешков под цвет линолеума, которым был покрыт пол в лифте, вообще ничего не увидел: пустота впереди и за спиной была полной и абсолютной. Я ничего не видел, не слышал и не чувствовал, кроме подошв, ступавших по полу. Внезапно меня охватили усталость и злоба. Я шагнул вперед: ничего не стряслось, однако сопротивление пола прекратилось. Я не рухнул и не воспарил, а сделался бесплотным в бесплотном мире. Мое существование свелось к череде мыслей посреди беспредельной серости.

Поначалу я испытал огромное облегчение. Одиночества я никогда не боялся, а предшествовавший стресс оказался более сильным, чем я позволял себе думать. Заснул я почти мгновенно: просто мысли отключились, и серое вокруг меня сделалось черным. Через какое-то время вновь посветлело, и я, впервые в жизни, ощутил себя праздным. У всякого выпадают пустые минуты: когда стоишь на автобусной остановке или поджидаешь приятеля, заняться нечем – и ты принимаешься размышлять. Прежде я заполнял такие паузы подсчетами, как внезапная война или выборы повлияют на доверенный мне капитал, но теперь вычисления нимало меня не занимали. Для придания могущества деньгам, даже воображаемым, требуется будущее. Без будущего деньги – ничто, даже не чернильная запись в гроссбухе, не бумага в кошельке. Будущее исчезло вместе с моим телом. Остались только воспоминания, и я подавленно осознал, что работа, придававшая моей жизни цель и благопристойную упорядоченность, выглядела ныне арифметическим умственным заболеванием – калькуляцией доходов и убытков, длившейся не один год без всякого результата. Память сохранила перечень вещей,

которые я игнорировал и обесценил. Я не знал ни подлинной дружбы, ни подлинной любви, не питал ни пылкой ненависти, ни пылкой страсти: моя жизнь представляла собой каменистую почву, на которой произрастали только цифры, и теперь оставалось одно: перебирать камни в надежде, что среди них обнаружатся два-три драгоценных. Более одинокого и беспомощного человека на свете нельзя было сыскать. Я был близок к отчаянию, как вдруг в воздухе передо мной возникло нечто чудесное.

Это была стена кремового цвета с узором из коричневатых роз. Стену и меня заливал светом луч раннего летнего утра. Я сидел на кровати между стеной с одной стороны и двумя стульями – с другой. Кровать казалась очень большой, хотя и была обыкновенной односпальной, а стулья придвинули к ней, чтобы я не свалился на пол. Мои ноги были прикрыты стеганым одеялом, на котором лежали курительная трубка со сломанным черенком, домашний тапочек и книга с яркими страницами в матерчатом переплете. Донельзя счастливый, я тянул песню на одной ноте: «уу-луу-луу-луу-луу». Утомившись, я переходил на «да-да-да-да-да»: меня увлекала подмеченная разница между «луу» и «да». Потом, когда петь надоедало, брал тапочек и колотил им по стене, пока не приходила мать. По утрам она лежала в постели за стеной с худощавым важным юношей. Ее тепло проникало ко мне через стену, и потому я никогда не ощущал холода или одиночества. Не думаю, что рост моей матери превышал средний, но мне она представлялась вдвое выше других, с каштановыми волосами, царственно стройной выше бедер. Ниже она выглядела совсем иначе – из-за частых беременностей. Помню, как верхняя часть ее туловища возвышалась над изгибом живота, будто великанша, наполовину скрытая за линией горизонта над ровной морской гладью. Помню, как устраивался на этом изгибе, прислонившись затылком между ее грудями, зная, что голова ее где-то там, наверху, и чувствуя себя в полной безопасности. Черты ее лица из моей памяти изгладились совершенно. Они темнели или излучали свет в зависимости от ее настроения: уверен, что это не просто детская фантазия. Помню, как мать сидела не шелохнувшись в комнате, набитой посторонними людьми, которые постепенно снижали голос до шепота, почувствовав исходившую от нее зловещную безмолвную ярость. В равной степени мать заражала и своей веселостью, заставляя даже самое унылое сборище оживиться и проникнуться духом галантной любезности. Она никогда не выказывала счастья и не вешала нос: либо радовалась, либо хмурилась – и притягивала к себе скромных надежных мужчин. Все те, кого я называл отцами, были именно такого сорта. Помимо любви к ней, ничем особенным они не отличались. По-видимому, привлекательной казалась в ней неумеренная порочность, поскольку хозяйкой она была никудышной: сойдясь с мужчиной, она пыталась взяться за готовку и наводить чистоту, однако хватало ее ненадолго. Самый первый дом, который мне вспоминается, был, пожалуй, и самым счастливым: мы занимали всего две маленькие комнаты, и мой первый отец не отличался привередливостью. Работал он, по-моему, механиком в гараже: возле моей кровати хранился автомобильный мотор, а под шкафом в кухне – несколько громадных покрышек. Когда я подросток, мать стала являться на мой стук менее охотно, и я научился ковылять до двери или добираться до нее ползком, а дальше меня втягивали внутрь, на кровать. Мать обычно читала газеты лежа и курила сигареты; отец же, согнув ноги в коленях, превращал одеяло в подобие холма, который вдруг обрушивался, едва я успевал на него вскарабкаться. Потом отец вставал и приносил нам завтрак: яичницу с гренками и чай.

Мы жили в многоквартирном доме, который выходил на узкую оживленную улочку; задний двор был покрыт растрескавшимся асфальтом. По солнечным дням мать втаскивала меня на насыпь возле канала позади двора за постройками, прикрепленные к моей груди, и мы устраивали себе гнездышко в высокой траве у поросшей мхом береговой полосы. Канал зарос камышами и водорослями с листьями; мимо проходили только старик с борзой или мальчишки, про-

пускавшие уроки. Я играл с трубкой и тапком: сам я понарошку был матерью, трубка – мной, а тапок – кроватью, или же тапок становился автомобилем, а трубка – шофером. Мать читала или предавалась мечтаниям, как обычно делала это дома, и я теперь понимаю, что ее власть бралась из этих мечтаний, иначе откуда еще эта молчунья, лишенная всяких способностей, могла усвоить очарование плененной принцессы, властность изгнанной королевы? Наше гнездышко находилось вровень с кухонным окном, и отец по возвращении с работы звал нас к приготовленному им обеду. Он выглядел довольным жизнью, и я не сомневаюсь, что ссоры возникали не по его вине. Однажды ночью я проснулся от шума, исходившего от темной стены возле моего уха: голос матери набегал высокими волнами на протестующее бормотание. Потом все стихло, мать вошла в комнату, легла рядом и жадно меня обняла. Это повторилось несколько раз: ночи наполнялись предвкушением и восторгом, весь день я проводил в ошеломлении; ее оглушительные поцелуи взрывались у меня в ушах подобно фейерверку и надолго изгоняли любые мысли. Я толком не заметил, когда мать меня одела, упаковала чемодан и увела из этого дома. Не помню, ехали мы поездом или автобусом: помню только, что с наступлением ночи шли по тропинке между деревьями, ветви которых с шумом сплетались от ветра у нас над головами, а тропинка привела нас к фермерскому дому, где мы прожили больше года. Моя сестра родилась вскоре после нашего прибытия.

Устрашающая притягательность моей матери сказалась и в том, что даже при очевидных признаках беременности, с двухлетним сыном на руках, ее нанял в экономки бережливый фермер, оставшийся вдовцом. Первые несколько недель я был счастлив. Спали мы вместе в комнатке с низким потолком в задней части дома, ели отдельно. Помню, как мы тихонько сидели вдвоем в углу уютной гостиной, пока фермер обедал со своими детьми у огня. Мать чуть слышно напевала мне в ухо:

Птичка, птичка-невеличка
на подоконник снесла яичко.
Подоконник
треснул, негодник,
Птичка горькие слезы лила.

Вскоре мы стали усаживаться за стол все вместе, и я ночевал в маленькой комнатке один. Мать почти всегда оставалась наверху, куда мне доступа не было, а домашнюю работу выполняла приходившая каждый день пожилая женщина. Сначала, видимо, ее наняли временно, когда родился ребенок, однако она продолжала готовить и делать уборку не один месяц, а также подавать наверх поднос с яйцами и гренками; я же в обществе фермера и его детей завтракал за кухонным столом овсянкой. Все мои воспоминания о ферме так или иначе связаны с яйцами. Как-то, обследуя скотный двор, я обнаружил в зарослях крапивы за старой телегой большую кладку коричневатых яиц. Это меня удивило, поскольку яйца мы брали обычно из деревянных курятников на близлежащем поле. Я вприпрыжку помчался на кухню – сообщить о находке. Оказавшийся там хозяин объяснил мне, что курицы иногда кладут яйца на стороне с намерением их высидеть. Я повел его к найденным яйцам; он собрал их себе в шапку, похвалил меня и дал мне мятную лепешку. С тех пор, если мне становилось одиноко, я пролезал в курятник через какую-нибудь крохотную дверцу для кур, крал яйцо прямо из-под наседки, потом пробирался на гумно или в коровник и притворялся, будто нашел яйцо в сене или среди навозных куч. Беря яйцо, фермер неизменно трепал меня по макушке и вручал мятную лепешку. Думаю, он прекрасно понимал, откуда берутся эти яйца, но из-за доброго отношения ко мне виду не подавал. Возможно, я ему нравился.

А вот его детям – нет. Теплыми летними вечерами я играл в саду позади дома; там росли спутанная трава и чахлые фруктовые деревья, и я строил гнезда в побегах плюща, обвивавших окна моей спальни. Однажды вечером ко мне подошла дочь хозяина и спросила:

– Что ты там, по-твоему, делаешь?

Ей не было еще и двенадцати, но мне она казалась взрослой женщиной. Я ответил, что строю гнездо для птички, которая отложит там яйца.

– Птичка-невеличка? – переспросила она. – Чепуха. А где ты взял солому?

– Она лежала во дворе.

– Значит, она папина, а ты ее украл. Поди и положи ее на место.

Так как я продолжал постройку, она схватила меня за руки и начала их выкручивать до тех пор, пока я не лягнул ее в лодыжку; она кинулась прочь с воплями, обещая все рассказать моей матери, чтобы меня отсюда прогнали. Я заплакал и побежал в поле, на четвереньках протиснулся через дверцу курятника и, согнувшись в три погибели, затаился в уголке на усыпанном зерном полу до самой темноты. Я собирался умереть там от голода, но услышал далекий голос матери, которая меня окликала, то приближаясь, то удаляясь, и в конце концов почувствовал, что ее грудь разрывается точно от такой же муки, как и моя. Я выбрался через дверцу обратно и поплелся мимо черных курятников под высоким звездным потолком. Ухала сова. Вдруг я наткнулся на мать и обхватил руками ее большой живот, а она меня приласкала. Спустя несколько ночей меня разбудил страшный шум: мать вошла ко мне в комнату и легла под одеяло. Это было менее приятно, чем в городе: здесь прибавилась еще сестренка, и кровать оказалась тесной. Любовное тепло, которым мать меня окутывала, по-прежнему волновало безумно, однако теперь сознание не теряло трезвости. Меня точило беспокойство, потому что ферма кое в чем была мне по душе. Через неделю в тележке, запряженной пони, фермер отвез нас на железнодорожную станцию, сунул мне кулек с мятными лепешками и, не сказав ни слова, оставил нас на платформе.

Теперь я понимаю свою мать. Она ждала великолепия. Все мы по большей части его ожидаем, а приближение старости учит нас без него обходиться. Моя мать не могла этому научиться и потому меняла жизнь единственным способом, ей известным, – переезжая от одного мужчины к другому. Она переезжала беременной, потому что беременность вселяла в нее больше надежд, чем обычно, или же из-за боязни, как бы вынашивание ребенка в соседстве отца не привязало ее к одному мужчине навсегда. Если это так, то своего настоящего отца я так и не видел. Третьим заменителем стал банковский управляющий, который жил с овдовевшей сестрой в отдельном доме в маленьком рыболовецком порту. Это был тихий, грустный, добрый человек; его сестра – резкая в обращении, несчастная женщина с язвинкой; моя мать (с четырехлетним сыном, годовалой дочерью и пятимесячным эмбрионом) зачаровала и приручила их обоих. Однако троих для комплекта достаточно, и власть надо мной она утратила. Возможно, больше ее и не желала. Так или иначе, она оставила меня у банковского управляющего. Моя жизнь сделалась спокойной и надежной. Я ходил в школу, хорошо учился, и управляющий с сестрой каждый вечер играли со мной в бридж на небольшие ставки, чем развили мои способности концентрировать внимание. Игра продолжалась с половины седьмого до времени, когда пора было отправляться в постель. Вот так я научился страшиться тела и любить церкви.

Оживив эти воспоминания, я увидел, что тропа от залитых солнцем роз к серой пустоте неизбежна, но это меня не удовлетворило. Меня ужасала перспектива не делать ничего другого, как только вспоминать жизнь, подобную этой. Мне хотелось, чтобы безумие уничтожило память, залив ее яркими цветами и тонами иллюзии, пускай самой чудовищной. Я разделял романтическое представление о том, что безумие – выход из невыносимого существования. Но безумие подобно раку или бронхиту – не каждый на него способен, и, когда большинство из нас

говорит: «Мне этого не вынести», это звучит доказательством обратного. Смерть – единственный надежный выход, но смерть зависит от тела, а тело я отверг. Я был обречен снова и снова проигрывать в будущем нудное прошлое, прошлое, прошлое. Я попал в ад. Без глаз я пытался плакать, без губ – кричать и всеми силами моего пренебреженного сердца звать на помощь.

Ответ пришел. Мрачный непреклонный голос – твой голос – попросил меня описать его прошлое. Мой опыт пустоты наделил меня умением мысленно видеть вещи благодаря самым ничтожным подсказкам, и голос позволил мне увидеть тебя таким, каким ты был. По голышу и ракушке в твоих руках я восстановил берег, на котором ты их подобрал, а оттуда я увидел тропу, тянущуюся через горы и города к дому, где ты родился. Тебе понятно теперь, почему я – оракул. Описывая твою жизнь, я уберегусь от собственной ловушки. С моей точки в небытии все сущее – всё, что не я – выглядит стóящим и великолепным: даже то, что почти все считают заурядным или отвратительным. Со мной твоё прошлое в безопасности. Могу поручиться за точность.

Ланарк немного подумал, потом сказал:

– В твоей истории есть противоречие.

Да?

– Ты сказал, что деньги так же не могут существовать помимо предметов, как и сознание без тела. Однако твоё существование бестелесно.

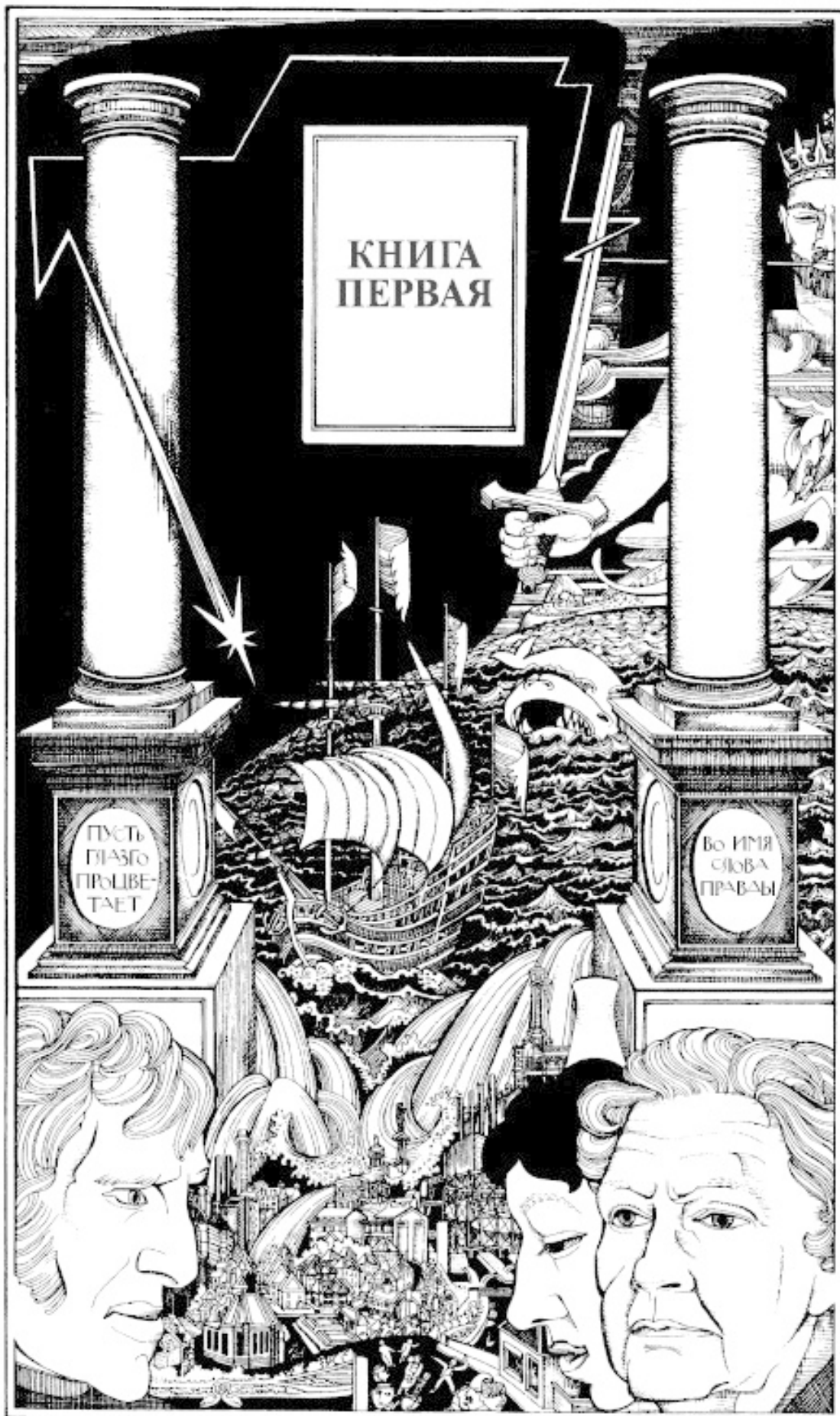
Это и меня озадачивает. Порой мне думается, что мое тело находится в мире там, где я его покинул: лежит на койке где-нибудь в больнице, и жизнь в нем поддерживается с помощью внутривенных вливаний. Если так, то у меня есть надежда вернуться однажды к жизни или умереть окончательно. А теперь я расскажу тебе о Дункане Тоу.

Рима слегка пошевелилась и пробормотала:

– Да, продолжай.

Оракул заговорил. Его голос доносился внутри головы так издалека, что казалось, повествование не столько развертывается, сколько вспоминается. Рассказ не прерывался ни едой, ни посещением уборной, ни сном: по ночам Ланарку снилось то, чего он не мог слышать, и при пробуждении у него не возникало ощущения паузы. Все это время они видели через окно людей, которые передвигались по комнатам и городским улицам, хотя иногда мелькали горные и морские пейзажи, а под конец возникли огромные волны, медленно разбивавшиеся о подножие утеса.

Книга первая

Глава 12. Война начинается

Дункан Тоу провел синюю линию в верхней части листа и коричневую внизу. Нарисовал великана, который бежал по коричневой линии с плененной принцессой, но принцесса никак не выходила красивой, и потому в руках у великана он изобразил мешок. Принцесса была внутри. Отец заглянул через плечо Дункана и спросил:

- Что это ты там рисуешь?
- Мельник бежит на мельницу с мешком зерна, – встрепенувшись, ответил Тоу.
- А что обозначает эта голубая линия?
- Небо.
- Ты хочешь сказать, горизонт?
- Тоу молча уставился на рисунок.
- Горизонт – это линия, где небо на вид сходится с землей. Разве это горизонт?
- Это небо.
- Но ведь небо – вовсе не прямая линия, Дункан!
- Если посмотреть сбоку, то прямая.

Мистер Тоу взял мячик для гольфа, подвинул настольную лампу и пояснил, что земля подобна мячику, а солнце – лампе. Сбитому с толку Тоу сделалось скучно. Он спросил:

- А люди падают с боков?
- Нет. Их удерживает земное притяжение.
- А что такое... про... протяжение?
- Приитяжение – это сила, которая удерживает нас на земле. Без нее мы летали бы по воздуху.
- И долетели бы до неба?
- Нет. Нет. Небо – это всего лишь пространство у нас над головой. Без силы притяжения мы вечно летели бы кверху.
- И попали бы на другую сторону?
- Дункан, никакой другой стороны нет. Вообще никакой.

Тоу наклонился над рисунком и с нажимом провел голубым карандашом по линии неба. Ночью ему приснилось, будто он взмывает ввысь сквозь пустоту и натывается на плоское небо из голубого картона. Он повисел там, словно воздушный шарик под самым потолком, но с беспокойством подумал: а что же находится по другую сторону; проделал дырку и снова поднимался вверх сквозь пустоту, пока не встревожился, что будет парить вечно. Потом наткнулся на еще одно картонное небо и немного передохнул, однако опять заволновался при мысли о другой стороне. И так далее.

Тоу жил на среднем этаже муниципального многоквартирного дома, фасад которого был сложен из красного песчаника, а задняя сторона – из кирпича. Поросшие травой задворки делились ограждениями с острыми шипами на зеленые участки, в каждом из которых имелась помойка. На помойки совершали набеги оборванцы, являвшиеся из Блэкхилла, с той стороны канала. Тоу слышал, будто жители Блэкхилла – католики, с живностью в волосах. Однажды на участки пришли двое мужчин с прибором, изрыгавшим голубое пламя и сыпавшим тучи искр. Пламенем они срезали с ограждений шипы, сложили в мешок и унесли – на военные нужды. Миссис Гилкрист с нижнего этажа сердито проворчала: «Теперь любой сопляк из Блэкхилла сможет копаться в нашем мусоре». Другие рабочие построили на участках бомбоубежища; самое большое было построено на школьной площадке для игр – и Тоу, заслышав по дороге в школу сигнал воздушной тревоги, должен был бежать к ближайшему из убежищ. Взираясь как-то утром по крутому проулку, Тоу услышал в голубом небе вой сирены. Он уже почти

дошел до школы, но повернулся и побежал домой, где мать ждала его в убежище вместе с соседями. По ночам на всех окнах опускались темно-зеленые шторы. Мистер Тоу, с нарукавной повязкой и в стальном шлеме, обходил улицу, выскивая окна, сквозь которые просачивались противозаконные полоски света.

Кто-то сказал миссис Тоу, что прежние обитатели квартиры покончили с собой, сунув голову в духовку и пустив газ. Миссис Тоу немедленно отправила в муниципалитет просьбу о том, чтобы газовую плиту ей сменили на электрическую, но, поскольку мистеру Тоу по возвращении с работы нужна была еда, она готовила ему картофельную запеканку с мясом, однако при этом поджимала губы плотнее обычного.

Сын миссис Тоу всегда отказывался от картофельной запеканки с мясом и от любой другой еды, вид которой вызывал у него отвращение: губчатый белый рубец, мягкие пенисоподобные сосиски, фаршированные овечьи сердца с сосудами и мелкими артериями. Нерешительно потыкав подобное кушанье вилкой, он говорил:

- Я этого не хочу.
- Почему?
- Вид какой-то странный.
- Да ведь ты даже не попробовал! Возьми хоть кусочек. Ну ради меня.
- Нет.
- Китайские дети голодают, но о такой еде и мечтать не смеют.
- Вот и отправь ее им.

После недолгих пререканий мать, повысив голос, грозила: «Не выйдешь из-за стола, пока не подберешь все до последней крошки!» – или: «Ну погоди, дорогуша, я обо всем расскажу отцу!» Дункан клал кусочек в рот, с усилием глотал, даже не распробовав, и тут же его рвало прямо на тарелку. Тогда его запирали в дальней спальне. Иногда мать подходила к двери и начинала упрашивать: «Ну пожалуйста, съешь хоть капельку! Ради твоей мамы, а?» Тоу, сознавая собственную безжалостность, выкрикивал: «Нет!» – и, подойдя к окну, смотрел вниз, на зеленый двор. Там играли его друзья, бродяги рылись в мусоре; соседи, бывало, развешивали белье, и Тоу охватывало такое чувство величественного одиночества, что он подумывал, не выброситься ли ему из окна. Горько и весело было представить, как его труп тяжело шлепнется о землю у всех на глазах. Под конец сердце его замирало от ужаса, когда до слуха доносилось глухое топанье отца, взбиравшегося с велосипедом по лестнице. Обычно Тоу выбегал ему навстречу. Теперь же он слушал, как мать отпирает дверь, как заговорщически переговариваются два голоса, как шаги приближаются к двери, а мать шепчет им вслед: «Не делай ему слишком больно».

Мистер Тоу входил и, кривя губы в мрачной улыбке, начинал:

– Дункан! Ты, по словам мамы, опять плохо себя сегодня вел. Она хлопчет, тратится, чтобы приготовить хороший обед, а ты не желаешь к нему притронуться. И тебе не стыдно?

Тоу, понурившись, молчал.

– Я хочу, чтобы ты принес ей свои извинения.

– Чего принести?

– Попроси у нее прощения и пообещай, что съешь все, что тебе дадут.

Тоу огрызаясь: «Нет, ни за что!» – и получал порку.

Во время наказания он вопил будто резаный, а когда его отпускали, топал ногами, визжал, рвал на себе волосы и бился головой об стену, пугая родителей так, что мистер Тоу не выдерживал и орал:

– Замолчи – или я тебе зубы вышибу!

Тоу принимался колотить кулаками по своему лицу, выкрикивая:

– Вот так вот так вот так?

Утихомирить его могло бы только признание того, что кара была несправедлива. По совету соседа, родители однажды раздели яростно брыкавшегося мальчика и погрузили в ванну с холодной водой. Внезапный ледяной ожог парализовал всякий протест, поэтому эта лечебная мера применялась и позже с тем же успехом. Дрожавшего мелкой дрожью Тоу обтирали мягким полотенцем перед очагом в гостиной и укладывали в постель с куклой. Пока мать перед сном подтыкала ему одеяло, он лежал оглушенный, бесчувственный. В иные разы он помышлял склониться от поцелуя на ночь, но так и не сумел.

После трепки за отказ от какого-то блюда Тоу получал вместо него только вареное яйцо. Однако, услышав о способе, каким прежние обитатели квартиры воспользовались духовкой, он задумчиво взгляделся в картофельную запеканку с мясом, как только она появилась на столе, и указал на нее пальцем:

– Можно мне немножко?

Миссис Тоу переглянулась с мужем, потом взяла ложку и плюхнула кусок запеканки на тарелку сына. При виде кашеобразного пюре с вкраплениями моркови, капусты и фарша Тоу задался вопросом, не выглядят ли точно так же и мозги. Он со страхом положил кусочек в рот и растер его языком. Оказалось вкусно: он съел всё, что было на тарелке, и попросил добавки. После ужина мать спросила:

– Ну вот. Тебе понравилось. И не совестно тебе было так бузить из-за пустяка?

– Можно, я погуляю во дворе?

– Погуляй, но только возвращайся сразу, как я тебя позову, время уже позднее.

Тоу промчался через прихожую, захлопнул за собой дверь и сбежал вниз по лестнице, взволнованный и полный сил, которые придавала ему тяжесть в желудке. В теплых лучах вечернего солнца он припал лбом к траве и несколько раз перекувырнулся по зеленому склону, пока голова у него не закружилась, и тогда он растянулся плашмя на земле, наблюдая, как дом и голубое небо ходят вокруг него ходуном. Тоу всмотрелся между стеблей щавеля и маргариток возле помойки – трехстороннего кирпичного сооружения с мусорными баками внутри. Сквозь заросли травы до него донеслись невнятные голоса, шарканье кованого носка о железное ограждение и грохот поднимаемой крышки мусорного бака. Он сел и прислушался.

Двое мальчишек, чуть постарше Тоу, наклонившись над мусорными баками, вышвыривали оттуда обноски, пустые бутылки, колеса от детских колясок, циновки, а большой мальчуган лет десяти-одиннадцати складывал добычу в мешок. Одному из мальчишек попала шляпа с птичьим крылом. Подражая манерам надменной дамы, он нахлобучил шляпу на голову и спросил:

– Глянь, Боуб, важная я птица, нет?

Старший мальчишка буркнул:

– Ты кончай с этим. Вот увидишь, старухня за нами точно увяжется.

Он перекинул мешок через ограждение на соседний участок, и все трое перелезли туда же. Тоу протиснулся вслед за ними между прутьями и снова залег в траве. Он слышал, как мальчишки пошептались между собой, и старший сказал:

– Нечего на него внимание обращать.

Тоу понимал, что его опасаются, и потому смелее перебрался за ними на следующий участок, хотя и держался на расстоянии. Он вздрогнул, когда старший мальчишка вдруг обернулся к нему и процедил:

– Чего тебе надо, сосунок?

Тоу ответил:

– Я пойду с вами.

Кожа на затылке у него напряглась, сердце колотилось о ребра, однако ведь этот парень в жизни не пробовал того, что съел он. Мальчишка в шляпе сказал:

– Врежь ему хорошенько, Боуб!

Боуб спросил:

– А на кой тебе с нами?

– Потому.

– Почему?

– Нипочему. Просто так.

– Если пойдешь с нами, займешься делом. Будешь собирать книги?

– Угу.

– Тогда пошли.

Теперь все журналы и комиксы поручались Тоу, который быстро наловчился выбирать из мусора что-то стоящее. Они обошли все участки на задворках, везде оставляя за собой разный сор, а из последнего их выгнала женщина, на ходу выкрикивая, запыхавшись, угрозы позвать полицию.

На улице их поджидала девочка лет двенадцати, держась за ручку детской коляски на трех колесах. Она ткнула в сторону Тоу пальцем и спросила:

– Где это вы такое чудо раздобыли?

Боуб со словами «Наплюй на него!» скинул мешок в коляску, и без того набитую до отказа. Оба мальчика впряглись в нее, накинув на себя веревки, привязанные к передней оси, и все вместе двинулись с места: Боуб с девочкой толкали коляску сзади, а Тоу бежал рядом. Миновали сдвоенные домики с живыми заборами из бирючины; гудевшую за осинами небольшую электростанцию; огороды с грядками салата, похожего на зеленые розы; теплицы, стекла которых сверкали в лучах заката. Проникли через калитку в ржавом заборе и сквозь крапивные дебри начали карабкаться по голубой от шлака дорожке. В воздухе стоял густой запах растений; мальцы кряхтели от натуги: под тяжестью коляски земля, казалось, глухо вибрирует; добравшись до конца дорожки, они оказались на краю глубокой ложбины. Один ее край запирали двойные ворота из громадных гниющих бревен. Вода сверкающей аркой соскальзывала через них и шумно рушилась вниз, разливалась по ложбине и стекала через открытые ворота в озерцо, окаймленное лилиями и тростником. Тоу сообразил, что это, должно быть, канал – опасное запретное место, где тонули дети. Он не отставал от компаньонов, шагая между строениями: вода здесь переплескивалась через край и просачивалась сквозь трещины; на свободном пространстве посередине стоячих прудов, заросших камышами, плескались лебеди. Они перешли через дощатый мост под сенью оглушительно шумевшего мощного водопада. Пересекли каменистую площадку, перешли через еще один мост, и тут издали смутно послышался звук рожка, который словно передразнивал боевой сигнал.

– Пили Уолли, – сказал Боуб.

Они быстро спустились по шлаковой дорожке и вернулись через калитку на улицу.

Тоу увидел, что эта улица – совсем иная. Фасады домов облицованы серым камнем вместо красного, стекла окон на лестничных площадках в трещинах, а то и выбиты; кое-где отсутствовали даже оконные рамы, и прямоугольные проемы до половины заложены кирпичом, чтобы дети не вывалились наружу. Рабочие, забравшие из Риддри (где жил Тоу) железные шипы на военные нужды, здесь сняли все ограждения, и пространство между тротуаром и домом (в Риддри занятое аккуратными садиками) представляло собой утоптанную площадку, на которой карапузы, еще не умеющие ходить, ковыряли землю гнутыми ложками или пускали кусочки дерева по лужам, оставшимся от дождя на прошлой неделе. Посреди улицы в тележке, запряженной осликом, сидел, улыбаясь одними губами, бледный молодой человек с рожком на

коленях. В тележке лежали коробки с цветными игрушками, которые можно было получить в обмен на тряпки, бутылки и жестянки из-под джема; и продавца уже окружила толпа детей в картонных сомбреро: они улюлюкали, свистели в свистки и размахивали вертушками и яркими флажками. Заметив Боуба и детскую коляску, продавец закричал:

– Дорогу! Дорогу! Смотрите-ка, кто к нам пожаловал!

Во время торга Тоу с мальцами стояли возле ослика, восторгаясь его кротостью, твердым лбом и белыми волосками внутри ушных раструбов. Тоу заспорил с мальчишкой в шляпе о том, сколько ослику лет.

– Фунт ставлю, он тебя постарше будет! – заявил мальчишка.

– А я ставлю, что нет.

– С чего ты взял?

– А ты с чего взял?

– Пили! – крикнул мальчишка. – Твоему ослику сколько лет?

– Сто! – громко отозвался Пили.

– Ну что, съел? Вышло по-моему! Давай сюда фунт! – Мальчишка протянул ладонь, приговаривая: – Давай плати, живо! Раскошеливайся!

Дети, слышавшие спор, принялись шептаться и хихикать, а кое-кто поманил приятелей подойти ближе. Тоу испуганно проямлил:

– У меня нет фунта.

– Но ты же бился об заклад! Разве нет?

– Точно, бился, – раздались голоса. – Держал пари на целый фунт.

– Давай рассчитывать.

– Я не верю, будто ослику сто лет, – сказал Тоу.

– Думаешь, больно умный, да? – съязвила худенькая девчурка, а издевательские голоса подхватили: – Mamочка, мамочка, ух, до чего ж я башковитый сынишка!

– И почему башковитый сынишка не верит, будто ослику сто лет?

– Потому что прочитал об этом в ЭНЦИКЛОПЕДИИ, – парировал Тоу.

Читать он до сих пор не научился, но однажды потешил родительское тщеславие тем, что правильно произнес это слово без предварительной тренировки, и оно запало ему в душу. Использованное для подкрепления лжи, оно произвело немедленный эффект. Кто-то в толпе запрыгал на месте и, хлопая в ладоши над головой, завопил: «Ого, хвостун, хвостун!» – грянул хохот, и насмешки посыпались со всех сторон. Размахивая флажками и дуя в свистки, орава принялась бесноваться и топтать ногами вокруг окаменевшего Тоу, пока губы у него не задрожали, а из левого глаза не выдавилась капля влаги.

– Гляньте-ка! – орали в толпе. – Он и разнюнился! Плакса! Плакса!

– Трус, неженка, нюхни-ка горчички!

– Щенок из Риддри, мигом поджал хвост!

– Катись домой и пожалуйся мамочке!

Вне себя от слепого гнева, Тоу взвизгнул: «Дряни! Мерзкие дряни!» – и бросился бежать по темнеющей улице. За спиной он слышал топот преследователей, похожий на кукареканье, смех Пили Уолли и возгласы Боуба: «Не троньте его! Оставьте его в покое!»

Тоу завернул за угол и побежал по другой улице, мимо равнодушно глазевших на него мужчин и детей, потом пересек небольшой парк с прудом, в котором плескалась вода, и оказался в изрытом канавами переулке, где сбавил скорость, поскольку за ним больше никто не гнался, и всхлипывания его стали реже. Он опустился на обломок каменной кладки и жадно глотал воздух до тех пор, пока не стих бешеный стук сердца.

Перед глазами Тоу через пустую площадку далеко протягивались тени зданий. Цвета сделались оттенками серого с черными прямоугольниками подворотен многоквартирных домов. Небо застлало серовато-сизая туча, но местами ее разгонял ветер – и сквозь просветы кое-где проглядывал отливающий зеленью закатный небосвод. Через самый обширный просвет пять лебедей летели к нижней части канала или к пруду в городском парке.

Тоу пустился в обратный путь, всхлипывая и утирая слезы со щек. В темноте парка слышался только слабый плеск воды. На улицы опустилась ночь. Тоу радовало отсутствие детей и взрослых, а также компаний подростков, обычно собиравшихся к вечеру на углах. По краям тротуара, на большом расстоянии друг от друга, темнели фонарные столбы. Окна домов зияли чернотой, будто пустые глазницы. Раза два дальний конец улицы перешли молчаливые дежурные в стальных касках, которые обследовали зашторенные окна в поисках противозаконных полосок света. Темным, неотличимым одна от другой улицам, казалось, конца не будет, и Тоу, отчаявшись добраться домой, сел на обочину и, закрыв лицо руками, громко заревел. В забытьи он чувствовал только, как врезается в спину угол тротуара, но вдруг очнулся от глухого шума в ушах. На миг Тоу почудилось, будто мать напевает ему песенку, однако он сообразил, что это шумят водопады. Небо очистилось, взошла поразительная луна. Она была неполной, но светила так ярко, что Тоу сразу увидел через дорогу набережную канала, калитку и шлаковую дорожку. С облегчением, хотя и не без опаски, он подбежал к калитке и стал подниматься по ней: шум потока в ушах у него все нарастал, пока не превратился в настоящий грохот. Внизу, в темной воде, задрожало отражение редких звезд.

Не успел Тоу сойти с моста, как луна, казалось, взвыла – прямо ему в спину. Эта была сирена. Ее зловещий рев, разносившийся над крышами, угрожал ему, единственному живому здесь существу. Он ринулся по дорожке сквозь крапиву – через калитку, мимо темных огородов. Сирена смолкла, и чуть позже донесся (Тоу слышал его впервые) монотонный металлический гул «грон-грон-грон-грон», а над головой промчались темные тени. Затем раздалось отрывистое буханье, словно какой-то великан колотил кулаками по железному потолку над городом. Световые лучи расширились, потом сузились и зашарили по небу, а между двумя зданиями Тоу увидел, как горизонт запылал от оранжево-алых вспышек. В зареве кружили подобия черных мух. За электростанцией Тоу на бегу врезался головой в живот встречного дежурного.

– Дункан!

Кто-то вскинул Тоу в воздух и основательно встряхнул.

– Где ты был? Где ты был? Где ты был? – бессмысленно повторял дежурный, и Тоу, полный любви и благодарности, вскричал:

– Папочка!

Мистер Тоу подхватил сына под мышку и широкими шагами устремился домой. На ходу Тоу снова слышал металлический гул. Они поднялись по ступенькам к подворотне, и отец поставил Тоу на ноги. Оба стояли в темноте, тяжело дыша, а потом мистер Тоу спросил слабым голосом, который Тоу едва узнал:

– Надеюсь, ты понимаешь, что мы с матерью места себе не находили?

Раздался пронзительный крик, удар – и в лицо Тоу полетели комья грязи.

Наутро из окна гостиной Тоу увидел на противоположной стороне улицы воронку в тротуаре. От взрыва сажа из дымохода просыпалась на пол гостиной, и миссис Тоу занялась уборкой, время от времени отвлекаясь на то, чтобы обсудить с заглядывавшими соседями вчерашний налет. Все соглашались, что могло быть куда хуже, однако на душе у Тоу все равно кошки скребли. На фоне преступных походов в обществе грабителей помоек отказ от еды выгля-

дел вещей ерундой, и наказания он ожидал совершенно неслыханного. Весь день не спуская глаз с матери, он старался подметить что-нибудь особенное в том, как она подметала пол, напевая себе под нос; как задумчиво разгибалась, чтобы слегка передохнуть; как корила его за тупость, пытаясь научить узнавать время по циферблату, – но в конце концов уверился, что наказывать его не собираются, и от этого ему стало не по себе. Тоу боялся боли, однако заслуживал ее – и вот на тебе... Дом, куда он вернулся, стал другим.

Глава 13. Хостел

В доме назревали перемены. Смутно ощущалась некая безотлагательность; по ночам, лежа в постели, Тоу слышал споры вполголоса: что-то готовилось. Возвращаясь домой с лужайки приятеля, Тоу застрял между прутьями ограждения. Чтобы его вызволить, родители смазали ему уши маслом и стали тянуть его за ноги – каждый за одну, непрерывно при этом смеясь. Освободившись, Тоу кинулся с ревом на траву, но они щекотали ему под мышками, напевая: «Идет коза рогатая», пока он не выдержал и расхохотался. И вот настал день, когда все жители спустились по лестнице вниз, а дом заперли на замок. На руках у матери была его сестра Рут, отец нес какую-то поклажу; с плеча у Тоу свисала перехваченная ляжкой картонная коробка с противогоазом. Все направилась к школе по боковым переулкам, залитым солнцем и полным птичьего щебета. Недовольные мамы собрались на площадке для игр, маленькие дети жались к их ногам. Отцы выражали недовольство громче, дети постарше несмело принимались куролесить.

Тоу заскучал и направился к ограде. Он решил, что они едут на отдых, а это значило – к морю. С края высокой площадки для игр он смотрел вдаль: там, за каналом и домами Блэкхилла виднелись холмы с впадиной посередине. Позади него – за низиной, полной крыш и дымовых труб, – тоже вырисовывались холмы. Эти холмы казались ближе и зеленее – и вырисовывались так отчетливо, что сквозь стволы деревьев, росших подобием живой изгороди на мягко изогнутой линии вершук, просвечивало небо. Тоу пришла в голову мысль, что море расстилается именно там: если оказаться под теми деревьями на вершине холма, то внизу будут искриться серые волны. Тоу окликнула мать, и он медленно поплелся к ней, делая вид, что не слышал зова, а идет обратно сам по себе. Мать поправила на нем ляжку от противогоаза, которая съехала с воротника и врезалась в шею; пока она резкими движениями одергивала куртку у него на плечах, голова Тоу болталась из стороны в сторону.

– А море там, позади?

– Позади чего?

– Позади вон тех деревьев.

– С чего ты взял? Там Кэткин-Брэс. За холмами только поля и фермы. Потом Англия.

Искрящиеся серые волны представились Тоу так живо, что разуверяться не хотелось. В его воображении боролись две картины, пока поля и фермы не затопило приливом. Тоу показал пальцем на Блэкхилл и спросил:

– Море там?

– Нет, там Лох-Ломонд и горы.

Миссис Тоу бросила прихорашивать Тоу, вскинула Рут на левую руку, выпрямилась и, посмотрев в сторону Кэткин-Брэс, задумчиво проговорила:

– Когда я была маленькой, эти деревья напоминали мне караван, бредущий на горизонте.

– Что такое караван?

– Вереница верблюдов. В Аравии.

– А что такое вереница?

Неожиданно на площадке для игр появились красные одноэтажные автобусы – и все собравшиеся, за исключением отцов, расселись по ним. Родители Тоу помахали друг другу через окно, и после долгой задержки автобусы двинулись с места и покатали по Камбернолд-роуд.

Потянулись смутные разорванные часы, когда автобусы неслись в темноте по неразличимой местности: Тоу сидел рядом с матерью, а она держала Рут на коленях. Освещение в автобу-

сах было всегда скучным из-за того, что окна затемняли шторы из сине-голубой клеенки, чтобы никто не выглядывал наружу. Таких поездок, вероятно, насчитывалось немало, но в памяти у Тоу они слились в одно, длившееся месяцами ночное путешествие с голодными, измученными людьми; впрочем, равномерное движение вперед прерывалось неотчетливым пребыванием в каких-то непонятных местах: внутри деревянной церкви, в комнате над портновской мастерской, в кухне с каменным полом, по которому ползали тараканы. Спать случалось на непривычных постелях, где перехватывало дыхание, и Тоу просыпался с криком ужаса: ему казалось, что он уже умер. От долгого сидения он натер себе мошонку до крови, и автобус заехал в Королевский лазарет, где седые профессора, осмотрев промежность, смазали ее жгучей коричневой мазью, которая пахла дегтем. Автобус всегда был набит до отказа; Рут хныкала, мать изнемогала от усталости, а Тоу – от скуки; только однажды с места вскочил какой-то подвыпивший мужчина и привел всех в замешательство, предложив хором затянуть песню. Однажды вечером автобус остановился, все пассажиры из него вышли, а навстречу Тоу шагнул отец, сопроводивший семью на судно. Все вместе они стояли в темноте возле воронкообразной трубы, источавшей приятное тепло. Между аспидно-черными тучами и беспокойным аспидно-синеватым морем властвовал холод. Волны плескались о риф, протянувшийся подобно длинному черному бревну, на одном конце которого железный треножник вздымал горящий желтый шар. Судно двинулось в открытое море.

Они поселились в одноэтажном домике посреди низких зданий из бетона, где обитали рабочие с фабрики, выпускавшей снаряжение для армии. При хостеле имелись столовая, кино-театр и больница, а вся территория, расположенная между морским побережьем и вересковыми полями, была обнесена высоким заграждением из колючей проволоки; входные ворота на ночь запирались. Каждое утро Тоу и Рут отвозили в машине по дороге, идущей вдоль побережья, в сельскую школу. В школе было две классные комнаты, на кухне деревенская домохозяйка готовила безвкусную еду. Со старшими учениками занимался директор Макрей, с младшими – женщина, которую звали Ингрэм. Все ученики, кроме детей, эвакуированных из Глазго, были детьми арендаторов небольших ферм.

При первом появлении Тоу в школе мальчишки, толкаясь, старались подсесть к нему поближе, а на площадке для игр сгрудились вокруг него и забросали вопросами, откуда он и чем занимается его отец. Сначала Тоу отвечал честно, но потом принялся лгать, желая поддержать в слушателях интерес. Он заявил, что говорит на нескольких языках, однако в доказательство сумел сказать только одно слово – французское «oui» вместо «да». Большая часть мальчишек тут же разбежалась, а на следующий день его аудиторию составили лишь двое. Чтобы удержать хотя бы этих, Тоу вызвался показать им территорию хостела; тогда к нему втроем-вчетвером стали подходить и другие мальчишки с просьбой взять их тоже. Отказавшись поехать домой в машине вместе с Рут, Тоу потащился по дороге вдоль берега во главе компании из тридцати или сорока человек, которые весело перешучивались между собой и не обращали на него почти никакого внимания, лишь изредка задавая тот или иной вопрос. Тоу это не задевало. Ему хотелось казаться загадочной фигурой – не имеющим возраста, обладающим диковинной властью, но он натер себе мозоли, опаздывал к чаю и боялся выговора за приглашение такой оравы. Так оно и вышло. Впустить его спутников сторож отказался наотрез. Чего ради им было тащиться за ним две мили, да еще к тому же пропустить чай? Хотя Тоу еще долго не отставал от рассерженных мальчишек, бормоча извинения, они ничего не желали слушать, а кое-кто из детей эвакуированных начал швырять в него камни. Тоу побежал обратно к хостелу, где его ожидали холодный ужин и головомойка за «бахвальство».

На следующее утро Тоу притворился больным, но, к несчастью, симптомы астмы и воспаление в промежности особых опасений не вызывали, и в школу идти все-таки пришлось. Никто его не замечал, и на перемене он нервно забился в самый дальний угол площадки. Когда после перемены ученики гурьбой столпились у дверей классной комнаты, мальчишка из семьи эвакуированных, по имени Коултер, толкнул его в бок. Тоу дал сдачи. Коултер пихнул Тоу под ребра, Тоу ответил тем же, и Коултер процедил сквозь зубы:

- Поговорим после уроков.
- После уроков отец велел мне сразу домой.
- Ладно. Завтра увидимся.

За столом Тоу отодвинул тарелку от себя:

- У меня болит.
- На больного ты не похож, – заметила миссис Тоу. – Где у тебя болит?
- Везде.
- А как болит?
- Не знаю, но в школу завтра я не пойду.
- Разберись с этим ты, Дункан, – обратилась миссис Тоу к мужу. – Мне не под силу.

Мистер Тоу отвел сына в спальню и произнес:

- Дункан, ты что-то от нас скрываешь.

Тоу залился слезами и рассказал, в чем дело. Отец, прижав его к груди, спросил:

- Он больше тебя?
- Да. – (Это было неправдой.)
- Гораздо больше?
- Не очень, – поборовшись с совестью, признался Тоу.
- Хочешь, я попрошу мистера Макрея, чтобы он запретил тебя бить?
- Нет. – Тоу хотел одного: не идти в школу.

– Я знал, что ты так скажешь, Дункан. Дункан, тебе придется подраться с этим мальчишкой. Если ты сейчас начнешь увивать, то никогда не научишься смотреть жизни в лицо. Я покажу тебе, как надо драться – это нетрудно: нужно только левой рукой прикрывать нос...

Отец втолковывал Тоу правила драки до тех пор, пока ему не стала чудиться картина победы над Коултером. Вечер Тоу провел, отрабатывая различные приемы. Поначалу он боксировал с отцом, но наличие реального противника не оставляло места для фантазии, поэтому он потренировался с подушкой и после плотного ужина отправился спать со спокойной душой. Утром спокойствия у него убавилось, и завтракал он, не проронив ни слова. Миссис Тоу поцеловала его на прощание и сказала:

- Не волнуйся. Ты надаешь ему по башке, вот увидишь.
- Она ободряюще помахала вслед двинувшейся машине.

Утром на площадке для игр Тоу одиноко забился в угол, боязливо ожидая, когда к нему подойдет Коултер, который играл с друзьями в футбол. Стал накрапывать дождь, и ученики мало-помалу сгрудились под навесом на углу здания. Тоу присоединился к ним последним. Помертвев от ужаса, он приблизился к Коултеру, показал ему язык и ткнул в плечо. Оба тут же принялись драться – неумело, как все малолетки: молотя руками и стараясь лягнуть противника в лодыжку; потом, сцепившись, упали на землю. Тоу оказался внизу, однако Коултер ударился носом об его лоб: в крови выпачкались и тот и другой – и, посчитав себя ранеными, оба ослабили хватку и в страхе вскочили на ноги. Теперь, несмотря на подначивание своих сторонников (Тоу с удивлением обнаружил у себя за спиной подбадривавшую его ватагу), драчуны довольствовались оскорбительными выкриками до тех пор, пока не появилась мисс Ингрэм и не отвела их к директору. Дородный, с лицом розового поросенка, мистер Макрей провозгласил:

– Так, отлично. Из-за чего у вас произошла потасовка?

Тоу скороговоркой пустился в объяснения, то и дело спотыкаясь и судорожно сглатывая, и умолк, только когда почувствовал, что к горлу подступают рыдания. Коултер не проронил ни слова. Мистер Макрей вынул из стола двуххвостый ремень и приказал им протянуть руки.

Подчинившись, оба по очереди содрогнулись от адски жгучего первого удара. Мистер Макрей приговаривал: «Так, еще! Еще! Еще!» – а под конец объявил:

– Если только я хоть раз услышу, что вы опять подрались, то угощения получите больше, гораздо больше. Идите в класс.

Пряча искаженные гримасой лица и посасывая увечные руки, Тоу и Коултер поплелись к соседней двери. В то утро мисс Ингрэм больше не давала им никаких заданий.

После этой драки перерывы между уроками наводили на Тоу не столько страх, сколько скуку. Обычно он забивался в пустующий угол площадки с мальчишкой по имени Макласки, который не играл с другими мальчишками из-за своего слабоумия. Тоу рассказывал ему длинные истории, где он выступал героем, а Макласки помогал ему изображать в лицах годные для этого эпизоды. Жизнь Тоу начала разрисовываться воображением. С сестрой они спали в смежных комнатах, и по вечерам Тоу через дверной проем развешивал перед ней нескончаемые повествования, полные приключений на фоне ландшафтов, вычитанных им за день из книг. Время от времени он прерывал рассказ вопросами: «Ты еще не спишь? Продолжать?» – а Рут отвечала: «Нет, Дункан, не сплю, пожалуйста, продолжай», но в конце концов все-таки засыпала. На следующий вечер она обращалась к Тоу с просьбой:

– Расскажи дальше, Дункан.

– Ладно. А на чем я вчера остановился?

– Они... они высадились на Венере.

– Да нет. Они перебрались с Венеры на Меркурий.

– Я... я этого не помню, Дункан.

– Конечно, не помнишь. Заснула. Знаешь, я не стану тебе ничего рассказывать, раз ты не желаешь слушать.

– Но я не могла удержаться, Дункан, и уснула.

– Тогда почему не предупредила, что засыпаешь? Чего ради я сам себе все это рассказывал?

Еще немного попугав сестру, Тоу возобновлял рассказ, к которому каждый день подолгу готовился.

Он запугивал Рут и на другой лад. Ей запрещалось играть с мячом в комнате. Однажды Тоу поймал ее на этом и неделями изводил угрозами доложить обо всем матери. Как-то миссис Тоу обвинила детей в том, что они воруют сахар из буфета в гостиной. Оба отнекивались, а потом Рут сказала брату:

– Это ты стащил сахар.

– Я, – согласился Тоу. – Но если ты наябедничаешь маме, что я сознался, я обзову тебя лгуньей, и она не будет знать, кому верить.

Рут немедленно пожаловалась матери, Тоу обозвал сестру лгуньей, и миссис Тоу не знала, кому верить.

В первые же недели занятий Тоу старательно приглядывался к девочкам, выбирая, с кем делить воображаемые приключения, однако все они слишком явно были сделаны из того же грубого теста, что и он сам. Почти год он вменял себе в обязанность любовь к мисс Ингрэм: она не была лишена привлекательности, а ее полномочия некоторым образом ее возвышали. Но потом, зайдя в сельский магазин, Тоу увидел в окне плакат с рекламой липучих подошв «Амазонка». На плакате была изображена блондинка в скупых древнегреческих доспехах – с копьем,

щитом и шлемом на голове. Наверху красовалась надпись «КРАСОТА И СТОЙКОСТЬ», и в сравнении с обворожительно-печальной блондинкой мисс Ингрэм стала казаться заурядностью. В перерывах на обед Тоу шел к магазину и рассматривал блондинку секунд десять. Он понимал, что если вглядываться слишком часто и чересчур пристально, то даже она может превратиться в заурядность.

Глава 14. Бен-Руа

Мистер Тоу хотел душевной близости с сыном, и он любил разнообразные занятия на свежем воздухе. Недалеко от хостела были красивые горы – ближайшая, Бен-Руа, чуть больше полутора тысяч футов высотой: для необременительных экскурсий отец купил Тоу крепкие альпинистские ботинки. Вышла незадача: Тоу упорно держался за свои сандалии.

– Мне нравится шевелить пальцами, – объяснил он.

– Что ты мелешь?

– Мне плохо, когда ноги закованы в кожаные кандалы. Они там мертвеют. И лодыжки не сгибаются.

– Да к чему тебе их сгибать? Если поскользнешься – растянуть лодыжку легче легкого. А эти ботинки изготовлены специально, чтобы поддерживать лодыжки: стоит одному шипу закрепиться, ботинок удержит и лодыжку, и ногу, и все тело.

– Меньше устойчивости, зато быстрее движешься.

– Понятно. Понятно. Альпинисты уже сто лет совершают восхождения на Альпы, Гималаи и Грампианские горы в ботинках с шипами. Похоже, они в этом кое-что смыслят. Но нет: Дункан Тоу знает лучше. Им следовало бы пользоваться сандалиями.

– Им, может, сандалии не подходят, а мне они в самый раз.

– О господи! – закричал мистер Тоу. – Что за диво я породил на свет? Чем я такое заслужил? Если бы мы жили, руководствуясь только собственным опытом, то не было бы ни науки, ни цивилизации, ни прогресса! Человек развивается благодаря способности учиться у других, а эти ботинки, между прочим, обошлись мне в четыре фунта и восемь шиллингов.

– Не было бы никакой науки, цивилизации и всего прочего, если бы все только подражали друг другу, – возразил Тоу.

Пререкания кончились тем, что мистер Тоу вышел из себя, Тоу закатил истерику, и его окунули в холодную ванну. Ботинки хранились в шкафу и достались Рут, когда она подросла. Лазить по горам отец Тоу больше не предлагал.

Однажды летним днем Тоу быстро шагал по прибрежной дороге до тех пор, пока территория хостела не скрылась за зеленым мысом. Стоял солнечный полдень. Облака были раскиданы по небу, словно белоснежные сорочки по голубому полу. Тоу сбежал с дороги вниз по склону к морю; ноги его с хрустом тонули в гальке и мелких раковинах. Уверенный в себе, Тоу был полон решимости: сейчас он читал книгу «Юный натуралист» и намеревался заносить на бумагу свои наблюдения, если попадет что-то интересное. Галечник сменился отлогой каменистой полосой с большими валунами и стоячими лужицами между ними. Тоу присел на корточки возле одной, размером с суповую тарелку, и, сдвинув брови, внимательно взгляделся. Под кристально-прозрачной водой лежали три голыша, актиния цвета сырой печенки, пучок зеленых водорослей и несколько моллюсков. Окраска моллюсков была оливковой и тускло-пурпурной; Тоу решил, что подметил склонность бледных моллюсков располагаться по краям лужицы, а темных – посередине. Вытащив из кармана блокнот и карандаш, он зарисовал на первой чистой странице расположение моллюсков, на обороте проставил дату и, поразмыслив, добавил следующую надпись:

.ЫВИЛСУРТ ИКСЮЛЛОМ ЕЫНРУПРУП

До публикации свои открытия ему хотелось держать в зашифрованном виде. Сунув блокнот в карман, Тоу побрел к прибрежной песчаной полосе, на которую накатывались сверкающие волны. Утомленный деятельностью естествоиспытателя, он подобрал выброшенную на

берег корягу и принялся чертить на песке план замка. Замок имел сложнейшее устройство – со множеством тайных выходов, с подземными темницами и камерами пыток.

За спиной у Тоу раздался чей-то голос:

– И что это такое будет?

Тоу обернулся и увидел Коултера. Стиснув в руке корягу, он пробормотал:

– Да так, кое-какой план.

Коултер обошел вокруг чертежа и поинтересовался:

– План чего?

– Просто план.

– Ну что ж, наверное, умно делаешь, что мне не рассказываешь. Кто его знает, может, я – немецкий шпион.

– Какой из тебя немецкий шпион?

– Почему бы нет?

– Мал еще!

– А может, немцы придумали секретную жидкость, которая не дает взрослеть, и обычным с виду мальчишкам на самом деле лет двадцать-тридцать, и может, меня высадили сюда с подводной лодки и я только прикидываюсь эвакуированным, а на самом деле все это время шпионоу на территории хостела, которым заведует твой папаша.

Тоу впился взглядом в Коултера, который, расставив ноги и засунув руки в карманы, тоже смотрел на него в упор.

– Так ты что, вправду немецкий шпион?

– Да.

Коултер произнес это с таким безразличным видом, что все сомнения, вправду ли он немецкий шпион, у Тоу развеялись. И одновременно, сам того не заметив, он перестал Коултера бояться.

– Если на то пошло, то я – британский шпион, – объявил Тоу.

– Брось.

– Точно.

– Докажи.

– Докажи ты, что ты – немецкий шпион.

– Не хочу. Я докажу – а из-за тебя меня арестуют и повесят.

Тоу не нашелся с ответом. Он призадумался, как заставить Коултера поверить, что он – британский шпион, но Коултер спросил:

– Ты из Глазго?

– Да!

– Я тоже.

– Из какого места?

– Из Гарнгэда. А ты откуда?

– Из Риддри.

– Хм! Это совсем рядом. И Гарнгэд, и Риддри расположены у канала.

Коултер снова всмотрелся в чертеж и спросил:

– Это план какого-то укрытия?

– Ну... вроде того.

– Я знаю несколько шикарных укрытий...

– Я тоже! – поспешно перебил Тоу. – У меня есть укрытие внутри...

– А у меня укрытие в настоящей тайной пещере! – заявил Коултер с торжеством.

Тоу подавленно замолчал и после паузы продолжил:

– А мое укрытие находится внутри куста. Снаружи – куст как куст, ничего особенного, зато внутри пусто. Куст стоит у дороги к хостелу, можно в нем затаиться и понаблюдать за этими дурами девчонками с фабрики, что идут мимо и ни о чем не подозревают. Сложность в том, – добавил он неохотно, не желая скрывать истину, – сложность в том, что дождь проникает внутрь.

– Вечная морока с этими укрытиями, – откликнулся Коултер. – Либо они тайные – и пропускают дождь, либо незамаскированные – и тогда в них сухо. Моя пещера от дождя хорошо защищает, но в прошлый раз, когда я там был, везде на полу валялась грязная солома. Наверное, жестянщики попользовались. Можно обзавестись просторной пещерой – вот только помощника бы найти.

– А как?

– Обещай, что никому не скажешь.

– Могила.

– Это возле гостиницы.

Они выбрались с побережья на дорогу и, дружески болтая, зашагали вперед.

Не дойдя до деревни, Тоу и Коултер свернули на крутую дорожку, которая вела к высоким чугунным воротам гостиницы «Кинлохруа», окруженной тисами. Возле гостиницы дорожка сужалась и превращалась в тропку, наполовину заросшую папоротником-орляком. Прихотливо извиваясь, она вела их между валунами сквозь кустарник все выше и выше. Там Коултер остановился и победным голосом провозгласил:

– Здесь!

Они стояли на краю оврага, по которому протекал ручей. Овраг использовали как свалку, и там валялись целые груды консервных банок, битой посуды, шлака и гниющего тряпья. Тоу оглядел все это с довольным видом и сказал:

– Ага, тут для укрытия много чего найдется.

– Давай сначала натаскаем жестяных коробок, какие побольше, – предложил Коултер.

С трудом пробираясь по кучам мусора, они выискали подходящие строительные материалы и перенесли их на ровную площадку между двумя высокими скалами. Стены укрытия они соорудили из канистр для бензина, а крышей послужил кусок линолеума, уложенный на деревянные перекладки. Затыкая дыры мешковиной, Тоу услышал шаги и огляделся. Слева, с холма, по пояс в зарослях, спускался пастух, который их поприветствовал.

Тоу замедлил работу. До того он восторженно болтал без остановки, теперь замолк и на вопросы отвечал односложно. Наконец Коултер бросил на землю кусок трубы, который старался приладить в качестве дымохода, и спросил:

– Что это с тобой стряслось?

– Это не укрытие. Рядом тропинка. Увидят все кому не лень. Все без толку.

Коултер смерил Тоу взглядом, потом содрал кусок линолеума, служивший крышей, и зашвырнул его далеко в овраг.

– Ты что делаешь? – завопил Тоу.

– Все без толку? Ты сам сказал! Значит, долой!

Коултер обрушил стены и пинками погнал канистры в сторону оврага. Тоу молча следил за ним, пока от укрытия не осталось ничего, кроме нескольких перекладок; издали слышалось звяканье катившихся по склону оврага канистр. Потом сказал:

– Не стоило этого делать. Можно было замаскировать укрытие ветками – и ничего не было бы видно.

Коултер, продравшись сквозь кустарник, выбрался на тропку и начал по ней спускаться. Пройдя несколько шагов, он обернулся и выкрикнул:

– Ублюдок! Ублюдок поганый!

– Сам ублюдок! Мразь вонючая!

– А ты рожа, говнюк хренов! – проорал Коултер и исчез за деревьями.

Мрачно размышляя о бывшем укрытии – совсем неплохом, Тоу побрел в противоположную сторону.

В ложбину, возле самой горловины, укрытой листвой, с шумом и клекотом, по валунам, стекали все потоки с торфяников, но Тоу, не слыша пения черных дроздов, мало что замечал вокруг себя. Его мысли избрали приятное направление. Лицо его попеременно выражало то суровость, то насмешливость, то оживление; время от времени он повелительно взмахивал рукой, а один раз с сардонической улыбкой процедил: «Прошу прощения, мадам, но вы, по видимому, не вполне осознаете ситуацию, в которой оказались. Вы – моя пленница».

Тоу не сразу заметил, что ложбина осталась далеко позади, а безмолвие открывшейся перед ним вересковой пустоши внушало беспокойство, и никакие мечтания не могли его потеснить. Слышалось только журчание прозрачных ручейков – шириной в ладонь, заживавшихся золотом там, куда падал солнечный луч. Местами вереск перекинул через них свои побеги и пустил корешки; вслед за мелодичным журчанием можно было подняться по неровному пурпурно-зеленому ковру к глыбистой Бен-Руа. Тоу вдруг увидел себя сверху: крошечное пятнышко, перемещавшееся по пустоши, словно вошь по одеялу. Тоу остановился и взгляделся в гору. На зеленовато-серой вершине ему померещилась чья-то продолговато-белая фигура, которая, казалось, двигалась и жестикулировала, хотя эти движения могли быть и оптическим обманом, вызванным колыханием теплого воздуха между ним и вершиной горы. Тоу вообразил, будто это машет и манит к себе женщина в белом платье. Ему даже представилось ее лицо – лицо девушки с рекламного плаката липучих подошв. Он немедленно поверил, что далекая женщина делает призывные знаки ему, – не то чтобы совсем поверил, но все же... Взбираться на гору он и не собирался, а просто решил: «Дойду-ка вот до этого изгиба ручейка», потом: «Дойду вон до той скалы». Поднявшись на холм, Тоу видел за ним другой, повыше, и гора становилась все ближе. Временами он замирал на месте, прислушиваясь к доносившимся с разных сторон неясным звукам: то ли овцы стучали копытами о камень, то ли поспешно удирал кролик, то ли просто в его барабанной перепонке гудела кровь. С пьедесталов, которые Тоу одолевал, вершина Руа казалась пустой, но в сердце у него кольнуло, когда он вновь завидел на ней колыхавшуюся белую фигуру. Он приблизился к склону горы вплотную, и вершина ее исчезла из виду.

Нижняя часть склона состояла преимущественно из полос гранита: расположенные вровень с вересковыми зарослями, они походили на растрескавшуюся мостовую заброшенного города. Дальше вереск сменился мягким дерном, где трещали кузнечики и росли цветы не выше дюйма с бутончиками наподобие булавочных головок. Тоу захотелось пить, и он задержался у небольшой впадины, сохранявшей влагу от дождя, прошедшего неделю назад. Губами он ощутил твердость гранита, а на языке остался теплый кисловатый вкус. Крутые выступы поросли дерном. Около получаса Тоу карабкался вверх ползком при помощи рук и ног, протискиваясь через извилистые трещины, преодолевая узкие провалы, и, лежа навзничь на выступах в тени вершины, давал себе передышку, пока не высыхала взмокшая от пота рубашка. Наверху до него доносились звуки, которые нельзя было услышать на пустоши: лай собаки на какой-то ферме, хлопанье дверей в хостеле, песня жаворонка над полем за деревней, крики детворы на берегу и плеск морского прибоя. В голове у Тоу уживались два различных представления: душу тихо грела мысль, что на вершине его поджидает робкая и страстная блондинка в белом платье; слегка расхолаживало и сознание того, что такая встреча маловероятна, а вся польза от предпринятой затеи в том, чтобы размяться и посмотреть вокруг с верхотуры. Оба представ-

ления друг другу не противоречили: Тоу спокойно предавался им поочередно, однако, когда он разогнулся для последнего подъема, мысль о девушке перевешивала всё.

Теперь Тоу предстояло взобраться на гранитную скалу, раза в четыре превышавшую его рост, по крутому отвесному склону. Страх перед высотой обострял взбудораженное чувство опасности. Гранитная поверхность откоса, разрушенная временем, была усеяна мелким гравием, и от каждого его движения вниз с шумом осыпался дождь мелких камешков, летя в пространстве за краем уступа. Постепенно опора под ногами сузилась до нескольких дюймов. Тоу, прижавшись грудью к граниту, привстал на цыпочки и вытянутыми руками зацепился за выступ возле самой вершины. «Черт, черт, черт», – огорченно бормотал он, глядя на край темной скалы, за которым белел клочок облака. Вдруг над этим краем показалось чье-то лицо, и Тоу ощутил на себе внимательный взгляд. Лицо было круглым, в морщинах, мало отличимое от женского, однако от его внезапного появления Тоу чуть не сорвался вниз. Не сразу, но он узнал мистера Макфедрона, деревенского священника. Мистер Макфедрон спросил:

– Ты что, застрял?

– Нет, могу спуститься обратно.

– Хорошо. Наверх лучше всего взбираться с другой стороны. Погоди секундочку.

Лицо исчезло, и вместо него Тоу увидел протянутую к нему какую-то черную палку с закорючкой на конце. Это была ручка зонтика. Сглотнув тошнотный страх, подступивший к горлу, Тоу ухватился за ручку левой рукой и потянул на себя. Ручка не поддалась. Укрепив носок сандалии в небольшой выемке, он покрепче ухватил ручку, подтянулся изо всей силы, и сильная рука втащила его на вершину. Тоу сел и сказал:

– Спасибо.

Вершина горы представляла собой наклонную скалистую площадку размером с комнату: один ее конец был выше другого. Там стоял приземистый бетонный столб, напоминавший крутую пирамиду со срезанной верхушкой. Не без горечи Тоу убедился, что именно этот столб он и принимал за манящую к себе женскую фигуру в белом. Священник – суховатый лысый человечек в мятом черном облачении – сидел с выпрямленной спиной, будто в кресле, свесив ноги с обрыва и упершись кулаками в бедра. Зонтик лежал у него за спиной. Обернувшись к Тоу, он сказал:

– Если отдышался, осмотрись по сторонам.

Тоу поднялся на ноги. Внизу расстилалась вересковая пустошь с белыми точками пасшихся на ней овец, виднелись лощины, заросшие кустарником, а вдалеке зеленела полоска морского побережья. Деревня пряталась за деревьями, но ее расположение легко было определить по крышам хостела среди хвойных верхушек и по оконечности мола, выдвинутого в Атлантику. Налево, между берегом и белой дорогой, аккуратные прямоугольные здания хостела напоминали фигурки на шахматной доске, по ровным дорожкам сновали крошечные человечки. Еще дальше дорога – по ней, словно насекомое, двигался автобус – поворачивала от побережья к поросшему вереском простору с небольшими озерами и серо-голубыми горами, уходившими рядами вдаль подобно волнам каменного моря. Поверхность океана, однако, своим гладким блеском напоминала слегка измятый шелк. Океан простирался к темным горным вершинам острова Скай на горизонте, а солнце висело над ними на уровне самого Тоу. Отуманенное оранжевой дымкой, оно выбрасывало из середины золотые снопы света. Тоу смотрел на солнце с несчастным видом. Именно священника он старался избегать. По приезде в хостел мать, ходившая в церковь, отправила его в воскресную школу, которую доктор Макфедрон вел по окончании утренней службы. Ожидалось, что Тоу будет петь короткие гимны и делать рисунки к библейским сюжетам; вместо того ему было велено выучить наизусть катехизис с тем, чтобы на вопрос доктора Макфедрона вроде: «Почему Бог создал человека?» –

Тоу мог, например, ответить: «Бог создал человека, чтобы тот прославлял Его имя и вечно наслаждался Его творениями». После первого же занятия Тоу расхотелось посещать воскресную школу, и отец, бывший атеистом, сказал, что и не надо, раз ему там не нравится. Позже Тоу несколько раз слышал, как родители обсуждали священника. Мать заявила, что в его проповедях слишком много ада. Она видела пользу от церкви в том, что та возвышает человека и дает ему надежду, однако в ад не верила и считала, что пугать им детей незачем. Мистер Тоу заявил: не вижу оснований, почему бы людям не верить в то, во что им хочется, а Макфедрон принадлежит к типу священников, слишком распространенному в горной Шотландии и на близлежащих островах: это рьяные фанатики, обрекающие на муки преисподней всех, кто отвергает их узкие взгляды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.